

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ, СТИХОТВОРЕНИЯ,
ЗАПИСИ В АЛЬБОМАХ,

ШУТОЧНЫЕ АТТЕСТАТЫ,

ПРОШЕНИЯ, РИСУНКИ И ДР.

КИРГИЗЫ

Редко можно встретить между киргизами красавца; лица их по большей части круглые, с выдавшимися скулами, узкими глазами, почти лишенными бровей; нос расплюснутый, цвет лица очень смуглый. Все киргизы крепкого сложения, что должно приписать, конечно, суровому степному воспитанию; рост их средний. Киргизы народ кочевой; они проводят всю жизнь на коне, почти не могут ходить пешком. Подвижные жилища их, неразлучные с ними во всех походах и перекочевках, называются юртами. Юрты делаются обыкновенно из нескольких кольев, воткнутых в землю, сведенных вверху в одну точку и покрытых войлоками. Знатные и богатые устраивают их с большими удобствами.

О, поэт заборный в юбке,
Оботри себе ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Эй, вы, хлопцы, где вы, эй!
Вот идет старик Агей.
Он вам будет сказать сказку
Про Ивана и Савраску...

Милого Бабкина яркая звездочка!
Юность по нотам *allegro* промчится:
От свеженькой вишни останется косточка,
От скучного пира – угар и горчица.
А. Чехонте
86 12/V в минуты идиотски-философского настроения.

* живо, быстро (итал., музыкальный термин).

БИТВА

(Рассказ старого солдата)

Василиса Пантелевна!

Когда взята была Плевна,
Так солдаты отличались,
Что даже турки удивлялись!

К о н е ц.

Индейкин и Петухов.

3-го июня 1887 г..

БАСНЯ

Шли однажды через мостик
Жирные китайцы,
Впереди них, задрав хвостик,
Торопились зайцы.

Вдруг китайцы закричали:

«Стой! Стреляй! Ах, ах!»

Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах.

Мораль сей басни так ясна:
Кто зайцев хочет кушать,
Тот, ежедневно встав от сна,
Папашу должен слушать.
Смирнова.

ЭЛЕГИЯ

I

Купила лошадь сапоги,

Протянула ноги,

Поскакали утюги

В царские чертоги.

II

Ехал груздь верхом на палке,

Спотыкнулся и упал

И тотчас пошел к гадалке,

Там случился с ним скандал.

III

В метлу влюбился Сатана

И сделал ей он предложенье;

К нему любви она полна,

Пошла в Сибирь на поселенье.

IV

Сказал карась своей мамаше:

«Мамаша, дайте мне денюжат»

И побежал тотчас к Наташе

Купить всех уток и телят.

Пошел с визитом потолок

Как-то раз к соседке

И сказал ей: «Ангелок,

Посидим в беседке!»

ПРИЗНАНИЕ

Упоенный любви нектаром,

я хотел бы быть директором!*

Чехонте.

87.XII.24.

* без жалованья.

Я полюбил вас, о ангел обаятельный,

И с тех пор ежедневно я, ей-ей.

Таскаю в Воспитательный

Своих незаконнорожденных детей...

«ВИД ИМЕНИЯ ГУРЗУФ...»

{Рис. 1}

АТТЕСТАТ

Рукой А. Янова:

Сего февраля 24 дня осмотрена мною подушка черного атласа размером приблизительно 1/2 аршина в квадрате. Подушка с вышивкой по наложенным кретоновым цветам, среди коих помещается овал, также кретоновый, вырезан в овале сюжет буюколического содержания в две фигуры (не считая собаки*): пастушка, разговаривающая с пастушком, на дальнопланной части кусты и деревья.

Все сие в общем кретоне вышивка шелком, черный фон атласа, красный шнур по швам подобраны с отменным вкусом и тщательностью. Особенно удачно вышли цветы. Вообще все хорошо, о чем свидетельствую своим подписом. Да! вообще все хорошо!!... Да, хорошо...

* или, может, козочки

Классный художник

Янов Александр.

Рукой Ф. Шехтеля:

«2 - 3 нрзб.» Ф. Шехтель.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Рукой Я. Турлыгина:

Виденная мною подушка у А. П. – прекрасна, в чем и удостоверяю своею подписью.

Классный художник

Я. Турлыгин.

Рукой Л. Пальмина:

Мило, изящно, грациозно. Эта подушка для того, кто к ней приклонял утомленную «голову», ну кто – сам не знаю, но вообще человек с своей стороны достойный.

Л. Пальмин.

Рукой Н. Чехова:

Будучи приглашен для оценки подушки, в отношении художественного вкуса, которую и нашел удовлетворительной, в чем и подписуюсь.

Н. Чехов/85.

Р. С. Жизнь моя состоит из целого ряда ограничений, хотя сам вовсе не «ограниченный» человек. Прежде чем коснуться пером этого священного листа, злая судьба отдала его в руки невежд, не умевших оценить великое произведение великой художницы, настолько великой, что, глядя на изображенную ее рукою собачку, помимо представления этой собачки, видишь и козочку. Два художественных произведения сразу и... такие холодные панегирики!.. Если бы меня не ограничивали и мое перо было первым на этом листе, то я мог бы достойно воспеть великую художницу, заставляющую, любясь ее произведением, любоваться и успокаиваться тех знаменитостей в лице поэтов, художников и проч., на долю которых выпало так много страданий. Сентиментально и умно. Прослезился, потому и умолкаю.

Художник Н. Чехов/85.

Подушка, поднесенная мне девицею Елизаветой Константиновной Марковой, 26 лет, православного вероисповедования, найдена мною верхом совершенства и венцом всех существующих под луной подушек. Целую означенной девице (26 лет) ручку.

А. Чехонте.

Даны сии ат«тестации»* при громких криках «ура». А при сих аттестациях печать.

Пошлины государственной взыскана копейка серебром.

* Автограф поврежден.
МЕДИЦИНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие Студенту Императорского университета Михаилу Павловичу Чехову 20 лет, православного вероисповедания, в удостоверение, что он состоит с 1865 года моим родным братом и уполномочен мною брать в редакциях, в коих я работаю, денег, сколько ему потребно, что подписом и приложением печати удостоверяю.

Врач А. Чехов.

Москва 1886 г.

января 15-го дня.

«Вид Кипариса...»

Вид кипариса

Пред Вами, Василиса!

САПОГИ В СМЯТКУ

Рассказ для детей с иллюстрациями

Соч. Архипа Индейкина

(Посвящается Василисе и Сергею)

Одобен Ученым Комитетом не только для детей, но даже и для генералов, архимандритов, непременных членов и писательниц.

Цена 17 коп.

Дозволено цензурою с тем, чтобы дети сидели смирно за обедом и не кричали, когда старшие спят.

Цензор Пузиков.

Глава I

В городе Москве на Живодерке в доме купчихи Левиташкиной жило одно очень прекрасное и благородное семейство, которое всеми любимое.

Папашу звали Мерлитон Пантелеич Брючкин. Это был человек с глазами, носом и ушами. Он был лысенький, как бутылка с водкой. Но посмотрите на него сзади и вы, дети, увидите, как он красив: Он был очень хороший человек: носил плюшевую жилетку, сек детей и икал после обеда.

Мамашу звали Макрида Ивановна. Это была в высшей степени красивая женщина! У нее был гордый взгляд и губы складывались в презрительную улыбку. Она считала всех дураками, а себя умной, потому что умела говорить «мерси» и «донэ муа». Каждый вторник она покупала на 10 копеек пудры.

У папашы и мамашы было четверо детей: Миша, Терентиша, Кикиша и Гриша.

Миша был очень умный мальчик. Он редко стоял на коленях, а когда его секли, то не дрыгал ногами. Он учился в гимназии, где отличался постоянством: сидел по три года в одном классе.

Терентиша часто шалил, крал у папы папиросы и объедался. Он был невежа и часто вставал из-за обеда, причем мама брала его за ухо и уводила, а остальные зажимали носы и говорили: «Уф!»

Кикиша был мальчик, который хороший, но он научился у Сергея Киселева ходить на голове, лазить по спинке дивана и ловить лягушек.

Самый лучший мальчик был Гриша, который слушался папу и маму, хорошо учился и помогал бедным. Бывало стащит у мамы яблоко, или у папы копейку и сейчас же отдаст нищему. За это он не в пример прочим раскрашен здесь.

Если дети и вы будете хорошо вести себя, то и вас будут раскрашивать красками!

У детей был дедушка Пантелей Тараканович. Он день и ночь спал за ширмочкой, где его кусали клопы и блохи. Клопов он давил на стене, а блох между ногтями. От него пахло табаком, уксусом и еще чем-то таким, что неприлично сказать: бедняжка часто расстраивал себе желудок! Ходил он в синих брюках, так как черные были съедены мышами.

К счастью Мерлитон Пантелеич завел кошку, а то мыши съели бы и остальные брюки и дедушка при гостях должен был бы прятаться.

Прислуг было двое: лакей Никита и кухарка Перепетуя. Когда они на кухне дрались,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru или опрокидывали на пол соус, то папаша грозил им кулаком.

Брючкины жили богато: у них в конюшне была лошадь, которая быстро бегающая. На ней ездили кататься. Но к сожалению осла у них не было. Было у них много мебели: стол, самоварная труба, утюг, намордник, клещи и прочие вещества, необходимые для хозяйства. Папа покупал прошлогодние газеты, которые читал и рвал на небольшие кусочки, которые мял.

Глава II

Каждое утро дети просыпались и дом Брючкиных поражал всех тишиною:

Напившись чаю, дети садились учиться. К ним приходил их учитель Дормидонт Дифтеритович Дырочкин, личность светлая и ученая. Водки он не пил, а только пахнул ею. Говорил он хриплым басом и смеялся, как лошадь. Учеников бил линейкой. Жил этот Дырочкин на 7-м этаже дома Голяшкина, где по вечерам учился играть на трубе. Играл он до трех часов ночи, от чего соседи спали крепче.

Учил он детей чистописанию, потому что главное в жизни – чистописание!

Платили ему 3 рубля в месяц. Часто мамаша оставляла его обедать. Он ел руками, утирал губы скатертью и брал у соседа хлеб.

После занятий все обедали. Подавали за стол суп, горчицу, говядину и иногда рыбу.

Когда кто-нибудь из детей шалил за обедом, то папаша делал выговор, а после выговора задавал порку. Перед вечером приезжала тетя Жозефина Павловна, от которой пахло духами. А раз из Чернигова приезжала другая тетя, Мордемондия Васильевна.

Вечером дети читали журналы «Детское утомление» или сочинения Богемского и Политковской, которая отлично пишет. Ужинали дети остатками от обеда.

Когда ложились спать, то мама отворяла форточку и говорила: «Не нужно детей ржаным хлебом кормить».

Глава III

Когда дедушка издох, то Брючкиным осталось наследство. Они купили себе новые сапоги и стали давать обеды. После обеда гости выходили на террасу курить:

Дети должны были сидеть в детской и не кричать. Вечерами хозяева и гости задавали концерты.

Папаша играл на скрипке, мамаша на рояле, тетя Жозефина Павловна пела дискантом, Семен Крокодилович басом, Диодор Калиныч тенором, Вика играла на виолончели, а в столовой приготавливали закуску и водочку.

Глава 4-я

В четвертой главе произошел скандал: когда автор писал ее, неожиданно вошла его жена и сказала:

– Если ты, рылиндрон, не перестанешь писать, то я у тебя лампу отниму.

Бедному автору поневоле приходится писать слово:

Конец

Портрет автора.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ЗЫБИ...

(Роман)

Часть I

Был полдень... Заходящее солнце своими багряно-огнистыми лучами золотило верхушки сосен, дубов и елей... Было тихо; лишь в воздухе пели птицы, да где-то вдали грустно выл голодный волк... Ямщик обернулся и сказал:

- А снегу все прибывает, барин!
- что?
- я говорю, что снегу прибыло..
- А!

Владимир Сергеевич Табачкин, о котором идет речь, в последний раз взглянул на солнце и помер.

...

Прошла неделя... Над свежей могилой со свистом носились птицы и перепела... Солнце светило... Молодая вдова, вся в слезах, стояла возле и с горя обмочила весь платок...

Н. Захарьева.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

В ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Когда у танцовщицы Цукки родится сын, то его будут звать - Цуккин сын.

Мещанское училище названо мещанским не совсем правильно, ибо там плохо кормят не одних только мещан, но и титулярных советников.

Прежде чем приглашать ассенизацию чистить ретирады, очисти свою душу...

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ПОМОЩНИКА ИНСПЕКТОРА (ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ III ТОМА СВОДА ЗАКОНОВ)

- 1) Помощник инспектора должен помогать во всем инспектору во всякое время дня и ночи, помня, что за малейшее непослушание он ответит не только на страшном суде, но и здесь, в земной жизни. Впрочем, закон не лишает его права отказывать от помощи в делах семейного или личного свойства. Так, он не обязан помогать инспектору в деторождении и в платеже по инспекторским счетам.
- 2) В одежде он ничем не отличается от инспектора, но на случай могущего быть пожара, дабы г. обер-полицеймейстер мог отличить старшего от младшего, должен спать ночью без невыразимых. Сенат разрешает ему спать в невыразимых только в том случае, если инспектор согласен спать в штанах.
- 3) В отличие от великих мира сего и чтобы показать подчиненным, что он доволен и малым, он имеет под своей кроватью микроскопическую ночную вазу, каковою и обязан довольствоваться даже в случаях неумеренного употребления пива.
- 4) Права его суть следующие: а) он имеет особый ключ от ватерклозета; сей ключ должен быть вывешен на видном месте; б) по пятницам он парится в бане. с)*

* Не окончено.

«ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЕТНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

НОВО-АФОНСКОГО МОНАСТЫРЯ»

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах.

«РЕЦЕНЗИЯ»

Вчера в селе Богимове любителями сценического искусства дан был спектакль. Это знаменательное событие, как нельзя кстати, совпало с пребыванием в Кронштадте могущественного флота дружественной нам державы, и таким образом молодые артисты невольно способствовали упрочению симпатий и слиянию двух родственных по духу наций. Vive la France! Vive la Russie!*

* Да здравствует Франция! Да здравствует Россия! (франц.)

Спектакль был дан в честь маститого зоолога В. А. Вагнера. Не нам говорить о значении зоологии как науки... Читателям известно, что до сих пор клопы, блохи, комары и мухи – эти бичи человечества и исконные враги цивилизации – истреблялись исключительно только персидским порошком и другими продуктами латинской кухни, теперь же все названные насекомые превосходно дохнут от скуки, которая постоянно исходит из сочинений наших маститых зоологов.

На сцене было представлено что-то очень похожее на сцены из «Ревизора» и следующие живые картины: 1) Индус в панталонах Хлестакова, 2) Цыгане на пиру у греческих царей, 3) Греческие цари в цыганском таборе и 4) Гений, венчающий банным венком готтентота и испанку. Исполнение, в высшей степени талантливое, добросовестное и обдуманное, вызвало всеобщий восторг. Г. Киселев, обладающий прекрасной сценической наружностью, выказал свой превосходный комический талант. Он несомненно комик. Но когда он становился к публике в профиль, то в его игре и в костюме чувствовался глубокий, потрясающий трагизм. Г-жа Киселева 1-я с самого начала овладела вниманием и сочувствием публики, заявив себя артисткою во всех отношениях выдающуюся. Хорошие вокальные средства, при несомненном умении прекрасно владеть ими, сценический талант при большой выработке его, громадном знании сцены и сценической опытности делают из нее отличную актрису. Ей горячо аплодировали и после каждого акта подносили венки и букеты, которые публика приобретала за кулисами у гг. исполнителей, озаботившихся преждевременно приготовить предметы, необходимые для их чествования. В игре г-жи Киселевой 2-й, исполнявшей трудную роль Мишки, мы не заметили тех недостатков, которые так не нравятся нам в Сарре Бернар и Дузе; дебютантка входила в комнату в шляпе и не брала письма, когда ей давали его, и такими, по-видимому, ничтожными нюансами и штрихами она выказала оригинальность своего дарования, какой могла бы позавидовать даже М. Н. Ермолова. Что же касается г-жи Вагнер, то игра ее произвела фурор; эксцентричное, полное веселого шаржа исполнение, легкость, воздушность, небесность, и при том прекрасная дикция в связи с редким знанием условий сцены были истинным торжеством таланта; ее появление и уход всякий раз возбуждали в публике неудержимый смех. Из исполнительниц живых картин надо прежде всего отметить г-жу Киселеву 3-ю (Надю), сияющее лицо которой все время заменяло артистам и публике бенгальский огонь.

Аменаиса Эрастовна, к сожалению, участия в спектакле не принимала.

«ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ Ф. Ф. ФИДЛЕРА»

Примечание к автографу А. С. Суворина: слово «изречение» пишется через е, а не через ять.

92 7/1. Антон Чехов.

«ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ В. М. ЛАВРОВА»

Я ночевал у И. И. Иванюкова в квартире В. М. Соболевского и проспал до 12 часов дня, что подписом удостоверяю. Ноября 5 1893 г.

Антон Чехов.

Мой брат-доктор (который никак не может простить Вашему мужу женитьбы на Вас) запретил мне завтра идти в Кремль, находя это вредным для моего горла; все эти дни у меня болит горло. Не знаю, насколько прав мой брат, но послушаться его я не решаюсь. Извините, что я и Лидия Устахиевна не будем сегодня в Вашей молочной доить коров. Любящая Вас Машка Каналья.

Ваше Высокоблагородие! Будучи преследуем в жизни многочисленными врагами и пострадал за правду, потерял место, а также жена моя больна чревовещанием, а на детях сыпь, потому покорнейше прошу пожаловать мне от щедрот Ваших келькшос благородному человеку.

Василий Спиридонов Сволачев.

«ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ А. Ф. ОНЕГИНА»
17 января р. 1860

Поверь мне, - счастье только там, * Где любят нас, где верят нам.*

Лермонтов

* Курсив А. П. Чехова (ред.).

О, слава богу, слава богу!

я не влюблен, свободен я;

я выбрал лучшую дорогу

на скучной степи бытия.

языков * Где нас любят и где нам верят, там нам скучно; ко счастливы мы там, где сами любим и где сами верим...

Антон Чехов.

10 май 98 г.

DUBIA

АКТЕРАМ-РЕМЕСЛЕННИКАМ

(ЭКСПРОМТ)

На сцене вижу я премного
Так называемых артистов.
Им несть числа, и мне, ей-богу,
Не до статистики статистов!
РАЗОЧАРОВАННЫМ
Минутами счастья,
Верьте, не раз
Живет, наслаждаясь,
Каждый из нас.
Но счастья того мы
Не сознаем -
И нам дорога лишь

(СНИМОК)

В ресторане. Плотно поужинав, два франта требуют счет. Счет подан. Оба франта намереваются расплатиться. Половой ждет.

- Брось! - говорит первый, - я заплачу.
- Нет, братец, это моя обязанность.
- Не болтай пустяков! Мне именно впала идея поужинать; значит, я и заплачу.
- Не буду же и я на твой счет ужинать!
- А зачем же мне на твой счет?
- В последний раз ты заплатил, значит, теперь моя очередь.
- Тогда мы только бутылку пива выпили...
- Все равно, я ни за что не позволю..
- Ты меня обижаешь, Саша!
- Так же, как и ты меня, Коля!
- Ну, если ты непременно так хочешь...
- Так и быть: плати, плати.
- Я согласен, чтоб ты заплатил.
- Мне кажется, что я уже согласился.
- Ну, все равно, плати.
- Значит... ты не хочешь...
- Нет, напротив: но ведь ты так настаивал.
- Ну, да, я готов заплатить! Только знаешь, братец, я забыл дома бумажник. Так ты отдай, а я тебе потом заплачу.
- Вот тебе на! Со мною совершенно такой же случай. А я на тебя положился.
- Да ведь ты же сам хотел заплатить! Я тоже на тебя положился. У меня ни гроша.
- У меня столько же.

(Лицо полового вытягивается. Картина.)

«ОДНА ИЗ «ЭТИХ ДАМ»...»

Одна из «этих дам» встречается в клубе с своим знакомым.

- Что это вас давно не видно? - спрашивает она.
- Но, моя милая, я не знаю вашего нового адреса!
- Так вот возьмите!

И она подала ему целый десяток своих визитных карт.

- Но зачем же столько? Мне одной довольно!
- Ничего: остальные вы раздайте своим приятелям...

ОСКОЛОЧКИ

Один юноша-классик, сотрудничающий только в почте «Осколков», производит слово «редактор» от латинского слова «reddo», что значит «возвращаю». Неверно, но не совсем!

– Что значит слово «аминь»? – спросили одного писаря, державшего экзамен на первый классный чин.

Писарь несколько задумался.

– Шабаш... Довольно... – отвечал он на вопрос.

СОСТОЯНИЕ

МОСКОВСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО РЫНКА

М а л ы й т е а т р. Драматическое искусство дало сильную трещину. Жертвенник в алтаре потух и сильно чадит. Самый храм очень покосился на один бок и ждет капитальной перестройки.

Б о л ь ш о й т е а т р. Так же хорошо освещается и так же мало посещается.

П у ш к и н с к и й. По будням сохнет и тоскует о своей первоначальной владелице.

Р у с с к и й т е а т р. С уходом Иванова-Козельского на театральном костюме этого театра оторвалась самая нужная пуговица!

С о л о д о в к а. Парадиз, судя по сборам, все еще не в раю...

Н е м ч и н о в к а и С е к р е т а р е в к а. Дурачатся себе в свое удовольствие.

С к о м о р о х. Изобретают волшебный порошок для радикального искоренения барышников.

Н е м е ц к и й к л у б. Ждет скорого прибытия труппы немецких ученых блох, имеющих дипломы от трех германских университетов.

Т е а т р Ш у м о в а в Т а г а н к е. Один, своими силами, мечтает восстановить упавшее искусство.

А р т и с т и ч е с к и й к р у ж о к. Дает русские спектакли на польском языке, подыскивая в антрактах охотника, который согласился бы платить жалование труппе...

Н о в ы й т е а т р М. и Л. Л-с к и х. С рожью крепко!!

БИБЛИОГРАФИЯ

О значении «бато́гов» в древнем русском быту, по «Домострою» и другим источникам, исследование И. С. Аксакова. Москва 1883 года, 255 страниц, цена 1 руб. 50 коп.

О наилучшем устройстве флюгеров; лекция бывшего профессора Чи...на, цена 10 к.

Интрига, кулисы и сцена, популярные лекции, сочинение Г. Кор...ва, бывшего певца. Раздается даром всем попадающим под руку.

Повесть об изгнании из Петербурга. «Новелла», его же, цена 10 к.

Полный толковый словарь «площадных слов» с примерами. Сочинение и издание Соколова, Буренина и Суворина, цена 10 к. за выпуск. Число выпусков неопределенно.

Приготовление паштета из мужичьего мяса. Проект Блюма. Сочинялся исключительно для гастрономов и медиков, изучающих первичное умопомешательство. Цена... бесценная.

Я верил, потому что получил 2000. Иеремиада блудослова Курилова (защитника г. Мельницкого). В сей интересной книге доказывается, что вера увеличивается по мере увеличения гонорара. Вера, за которую заплатили, не уменьшается даже и тогда, когда невозможно верить. Цена 5 руб.

Сон при освещении и воплях. Новелла бердичевского префекта. Цена пятиалтынный.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Глухов. В одно из последних заседаний местной городской думы гласным г. Балбесовым был предложен на рассмотрение проект об «упразднении в городе наук и искусств». Почтенный гласный предложил на рассмотрение несколько вопросов, и на все вопросы, без замедления, им же самим были даны ответы самые обстоятельные. Он более всего напирал на пример иностранных государств, кои погибли и погибают только благодаря наукам и искусствам.

Обрисовывая яркими красками деморализующее влияние наук и искусств, г. Балбесов поверг всех заседающих в уныние. Гласный г. Смысломалов (наш Демосфен) успокоил гг. гласных, доказав, что в Глухове нет ни искусств, ни наук, а чего нет, того нельзя упразднить. После восьмичасового заседания гласные постановили: «науки и искусства, за неимением оных, не упразднять и на предметы сии сумм не ассигновать; изобрести что-нибудь другое для упразднения; г. Смысломалова благодарить, а г. Балбесову выразить порицание за то, что он дерзнул домыслить, что в мудросмирном Глухове есть науки и искусства».

Тегеран. На днях в Россию было отправлено: 250 пудов персидского порошка, 13 ковров и 46 пудов ордена Льва и Солнца.

Сызрань. Здесь появился самозванец, выдающий себя за Гамлета, принца датского; приняты меры.

Петербург. Вчера было произведено здесь дерзкое воровство. Из редакции газеты «Эхо» похищены все ножницы (две дюжины), всего на сумму 6 р. 26 коп. Преступник не найден. Благодаря этому воровству следующий номер «Эхо» выйдет только тогда, когда будет найдено украденное.

Беседа нашего собственного корреспондента с князем Мещерским

Я снял свою фуражку с кокардой и вошел в его кабинет. Он сидел за письменным столом. Одной рукой он тер себе лоб и мыслил, а другой – писал похабный роман из великосветской жизни.

– О чем задумались, ваше сиятельство? – спросил я с достождным подобострастием.

Он повернулся ко мне и спросил в свою очередь:

– Вы благонамеренный или неблагонамеренный?

– Знаюсь с вами, значит благонамеренный, ваше сиятельство...

– В таком случае я могу поделиться с вами моими мыслями. Я сочиняю проект, молодой человек. Проект сей имеет целью самую благонамеренную цель: я хочу иметь подписчиков. Меня, как вам известно, не почитают. О причинах сего говорить не будем. Скажем только, что у меня много врагов и что Россия невежественна и не умеет еще достаточно ценить своих благодетелей...

– Что же вы намерены сделать, ваше сиятельство?

– Я проектирую внутренний заем в триста тысяч. На эти деньги я найму себе подписчиков. Не подписчики будут платить мне, а я им. Каждому подписчику объявлю

– Шестьсот тысяч подписчиков, ваше сиятельство!

– Потом-с... Я делаю другой заем в такую же сумму. На эти деньги я создам множество газет и журналов, с коими буду полемизировать, соглашаться, фехтоваться, сражаться и т. д., кои, одним словом, будут замечать меня. Ведь меня, знаете, враги не замечают. Они дали себе клятву погубить меня своим равнодушием.

– Ну, а если, ваше сиятельство, вам не удастся заем? Что вы тогда предпримете? По какому пути поведет вас ваш гений?

– Тогда я... займусь акушерством. Я, знаете ли, люблю клубничку... хе-хе-хе...

Я похвалил проект, выпил рюмку рябиновой и распрощался с князем.

РЕВНИВЫЙ МУЖ И ХРАБРЫЙ ЛЮБОВНИК

Архивариус Облучков стоял у двери и подслушивал. Там, за дверью, к великому его ужасу говорились вещи, слушая которые побледнел бы сам черт!

Говорил сам начальник, Архип Архипыч... Его слушали такие же персоны, как и он сам...

– Да и девчонку же видел я вчера, mes amis! – шамкал он своими старческими губами... – Дивную девчонку!

И начальник издал губами звук, который издают при виде вкусного осетра.

– Чудную девчонку!

– Где же? – спросил его один из «mes amis».

– Намедни я был с визитом у архивариуса... Облучкова... того, что сбоку на обезьяну похож... Я, после Нового года, всем им делаю визит... Это в своем роде... ммм... шик... Либерально! Хе, хе, хе... Я тебя, каналья, ставлю на равную ногу... но ты смотри! Хе, хе, хе! Ну, и любяй... Начальник, говорят, прелесть... Ммм... Ну-с... Захожу я, намедни, к Облучкову... Звоню... Дома его нет... Кто же дома? Барыня, говорят, дома... Вхожу... Вообрази же, топ cher, теперь маленькую, пухленькую, розовенькую... хоррошенькую... Хе, хе, хе... Она вскакивает с дивана... бледнеет... Начальства испугалась... Сажусь. То да се... Говорю ей любезность и беру ее за пухленький... кругленький... подбородочек...

Облучков побледнел и нахмурился.

– Беру ее за... подбородочек... Краснеет... Разговорились... Такая наивная девчонка! В этих женщинах мне ужасно нравится наивность! Не признаю не наивных! Сажусь рядом с ней на диване... Не сопротивляется... Беру за талию... Хе, хе, хе... Хоррошенькая, дьявол!

Облучков замигал глазами и побагровел. Он, почтительный, робкий человек, почувствовал сильнейшее желание ударить по превосходительной лысине. Бедняга архивариус любил свою жену!

– Ммм... Взял ее за талию... В щечку.

– Врешь! – сказал ami.

– Клянусь! В... в щечку! Хе, хе, хе... Я, говорит, позволяю вам себя целовать, ваше превосходительство, только потому, что вы добрый... милый... И чмок меня в голову!

Облучков почувствовал, что у него подгибаются колени. Зубы его застучали от гнева.

– Чмок меня в голову!.. Я ее в грудочку... Хе, хе... И у этакого рыла, как Облучков, такая чудная женщина! Феномен! А? Горит! Пылает! В конце концов, попросила браслетку... Обещал ей... Хе, хе, хе... В субботу, вечером, Облучкова пошлю куда-нибудь... к черту, а сам к ней... Заранее предвкушаю... Хе, хе, хе...

Облучков начал задыхаться... Он ухватился одной рукой за сердце, а другой – за дверную ручку... Еще минута, и... он не вынесет!

– Ну, что ж? Было многоточие? – спросил апи.

– Ммм... как тебе сказать. Почти... Почти было... Когда я уже сжимал ее в своих объятиях и наши губы слились в поцелуй, вошел Облучков... Ну, разумеется... неловко же было! Помешал, скотина!

Облучков не вынес.

Дрожащий, забывший все на свете, жаждущий мести, рванул он за дверную ручку и влетел в комнату, залитую светом. В этой комнате, за зеленым столом сидели три старичка. Они курили сигары и масляными глазками посматривали друг на друга. Облучков подлетел к столу, сжал кулаки, забормотал... Старички подняли на него свои удивленные глаза...

– Что вам угодно? – спросил строгий голос. – Кто вам эээ... позволил эээ... молодой человек!

– Я... я... ваше превосходительство... – забормотал Облучков, по привычке преклоняя выю перед этими глазами и повелительным голосом.

– Что вам угодно-с? Вы подслушивали?

– Я... виноват, ваше превосходительство... Если бы я знал, я... не приходил бы домой... ваше превосходительство... Виноват... Не догадался... Простите... в субботу-с, я уйду.

Говорил это, а самому хотелось трахнуть по лоснящейся лысине!

МАЧЕХА

В большом прадедовском кресле сидит старушенция. Желто-серое, морщинистое лицо ее кисло, как раздавленный лимон, глаза смотрят в сторону угрюмо, подозрительно... Она беспокойно вертится и то и дело подносит к своему острому, птичьему носу флакон с нашатырным спиртом. Она не в духе.

Возле нее стоит молодой человек приятной наружности. Честь имею вам представить его: это – поэт, пасынок старушенции. Мачеха и пасынок беседуют.

– Я к вам по делу, мачеха, – говорит поэт. – Я написал роман... Вы приказали мне давать вам на прочтение все мои произведения. Извольте! Вот он!

– Хорошо, мы прочтем его... Но отчего у тебя лицо такое печальное? Тебе, значит, не нравится мое вмешательство в твои дела? Не нравится? Так вот ты какой?

– Я очень рад, мачеха... Что вы? Я и не думал...

Поэт надувается, морщится и всеми силами старается изобразить на своем лице улыбку.

– Я даже очень рад... Помилуйте... Нашего брата необходимо сдерживать...

– То-то... Ну, читай свою дрянь... Я послушаю.

Поэт медленно перелистывает рукопись, конфузливо кашляет и начинает читать:

«Было прелестное майское утро. Мой герой лежал на берегу моря, глядел на пенистые, болтливые волны и мыслил...»

– Стой, стой... – перебивает мачеха. – Зачеркни слово «мыслил».

– Почему же?

– А бог знает, о чем мыслил твой герой. Может быть, о таком, что...

– Но я ведь поясню далее, мачеха!

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
– Ну, пока ты пояснишь, так до всего можно додуматься. Зачеркни!

Поэт зачеркивает слово «мыслил» и продолжает:

«...Возле него на песке лежал ящик с красками и полотно, натянутое на подрамник...»

– Стой, стой... Разве можно писать такие вещи? Зачеркни слово «полотно»!

– Почему же, мачеха?

– Разве это слово не напоминает тебе полотно железной дороги? А разве это не намек на железнодорожные беспорядки? А эти беспорядки имеют прямую связь с...

Поэт «полотно» заменяет словом «холст» и читает далее: «...У самой воды стоял его чичероне, молодой крестьянин...»

– Опять! – Мачеха машет руками и сует острие своего носа в нашатырный спирт. – Опять! Для чего тут крестьянин? К чему? На что он тебе дался? Заменяй чем-нибудь другим!..

– Я заменю словом «мальчик».

– Нельзя. Если мальчик стоит утром у моря, то, значит, он не в школе. Это намек на отсутствие школ...

Поэт вытирает у себя на лбу пот, глубоко вздыхает и читает далее. Но чем дальше в лес, тем больше дров. Рукопись его постепенно покрывается черными полосками, крестами и пятнами. Она постепенно теряет свою белизну и делается черной. Зачеркиваются все слова, кроме некоторых междометий, числительных и некоторых наречий. Мачеха против союзов, потому что слово «союз» есть намек на незаконное сожительство и слияние сословий. Она отрицает местоимения третьего лица, потому что под словом «он» можно всё разуместь: и Ренана, и Лассалья, и «Московский телеграф», и Щедрина... Она не велит ставить запятые. Запятые, по ее мнению, есть намек.

– Ты зачем это в своей рукописи поля оставил? – говорит она. – Для чего? Поля... поля... Где поле, там неурожай... Отрежь ножницами!

Поэт кое-как дочитывает свой роман до конца.

«...Старшина присяжных заседателей, – оканчивает поэт, – произносит дрожащим голосом: «Нет, не виновны». Публика аплодирует приговору».

Старушенция вскакивает. Глаза ее полны ужаса. Чепчик сполз в сторону и обнаружил плохенькие, старушечьи косички.

– Ты с ума сошел? Ты оправдываешь негодяев?!

– Да так же и следует! Ведь они не виноваты, мачеха!

– Не виноваты?! Да ты с ума сошел! За одно то, что они не слушаются старших, грубят товарищу прокурора и позволяют себе умничать на суде, их следует выпороть! Да разве ты не знаешь, что оправдательный приговор деморализует человека? Он портит! Он говорит, что преступления могут оставаться безнаказанными! Изволь заменить!

Поэт зачеркивает «нет, не виновны» и пишет:

«...Василия Кленского сослать в каторжные работы, в рудниках, без срока. Жену его, Марию, сослать в каторжные работы, на заводах, на 14 лет...»

Фразу: «публика аплодирует приговору» старуха не велит зачеркивать.

– Теперь твой роман годится, – говорит мачеха. – Можешь давать его читать кому угодно.

Поэт целует костлявую руку старушенции и уходит.

(ДО НОВОГО ПОЖАРА)

Р е д а к т о р. Только теперь рисуете Бердичевский пожар?! Эка когда хватились!
Вы бы еще через десять лет явились с этим рисунком.

С о т р у д н и к. Гм. Черт возьми... Пропала работа, значит!

Р е д а к т о р. Не печальтесь, впрочем! Мы отложим этот рисунок до нового
пожара. Недолго ждать придется!

МОЯ СЕМЬЯ
(БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОШЕНИЮ

О ВСПОМОЩЕСТВОВАНИИ)

Тесть: Емельян Сидорович, отставной гардемарин. Мал ростом, худ, морщинист, но внушительен. Рожден в Кронштадте. Говорит, что купался в океане. Будучи в Константинополе, видел султана. Со времен отставки ищет место управляющего домом или имением. Не любит беспорядков и вечно читает мне нотации за нечистоплотность. Встает в четыре часа и сам чистит себе сапоги. Ложится в восемь часов. Спит в гостиной. Вечером долго молится в моем кабинете, причем приказывает мне стоять и не курить. Искусства любит, но наук не признает. Ждет, что меня арестуют за то, что я читаю газеты. По праздникам будит меня к заутрене. В день ангела получает визитную карточку от друга детства, капитана 2-го ранга П. А. Дромадерова. Вечно трется в кухне около бочки с квасом. Часто плачет.

Теща: Глафира Кузьминична. Бабища шестидесяти лет, слезливое, богомольное, нравственное и вместе с тем в высшей степени ядовитое создание. Жалуется всем и каждому, что ее бог обидел зятем. Любительница цикорного кофе, сливок и рыбки. Мяса не ест: обет дала. Давно уже собирается умирать, но не умирает. Ежедневно ходит в гости. Хвастает, что ее старичок не употребляет горячих напитков. Сваха, дает деньги на проценты и скупает рухлядь. Меня величает «окаянным». Меня?! Я ли ее не кормлю? Я ли не выношу ее целодневных толков о том, что она чай без хлеба кушает? Я ли не даю ей денег на мазь Иванова, которой она по ночам натирает себе поясницу? Дрянь ты этакая!

Брат моей жены: Иван Емельянович. Брандмейстер, изгнанный со службы за неумеренное употребление спиртных веществ. Ищет должности и хочет жениться на нравственной девушке. В женщинах прежде всего признает «ум». Собственноручно режет кур, гусей и уток. Ходит на базар за харчами. Верит в спиритизм. Со мной в ссоре. Клянется, что из меня не выйдет толку. Впрочем, ссора не мешает ему курить мой табак и по целым дням валяться на моей кровати. Хочет купить себе ружье. Родителей не почитает.

Пантелей: другой брат моей жены. Служит кочегаром на железной дороге. Ходит к нам по субботам ночевать и всю ночь играет на гармонике. Обещает починить мне портсигар. Два раза судился у мирового судьи за буйство и два раза, по настоянию Ивана Емельяныча, подавал на апелляцию. Бьет Митю по голове. Умоляет меня, чтобы я его остриг. Пьяница.

Костька: третий брат моей жены. Фельдшер, еженедельно пускает отцу кровь. Имеет в нашем околотке большую практику, но всё зарабатываемое пропивает. Любит читать романы и выписывает газету Гатцука, которую никому не дает читать, боясь, чтобы ее не запачкали. Рябой. Жениться не хочет, потому что в женщине видит причину всех зол. Дает от кашля детскую присыпку, приказывая употреблять ее внутрь на водке. Был в Москве на выставке и купил себе там прибор для показывания фокусов. Родителей не признает за их невежество. Меня не любит за то, что я не позволяю ему ставить на мой стол бутылки с лекарствами. Пьяница. Ворует у матери деньги и поедает ее варенья.

Моя жена: Агаша. Маленькое, пришибленное, безгрудое, курносое, сутуловатое, но крикливое существо. На лице постоянное выражение испуга. Боится родителей, братьев, мужа, мышей, лягушек, тараканов, больших мух... Ежегодно родит. В детстве была переехана пожарными лошадьми. Пять лет тому назад я купил ей серебряные часы, но она их не носит и не заводит, боясь испортить. Читает, но писать не

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru умеет. Плачет каждый день. Стирает пеленки – это ее специальность.

Моя мамаша: Мавра Степановна, маленькая, согнутая старушенция. День и ночь боится воров и то и дело ходит посмотреть: заперта ли дверь? Вываривает из кроватей клопов и оклеивает стены картинками. Повитуха и костоправка. Опасный конкурент Костьки. Горячие напитки не отрицает.

Тетенька (моя или жена; чья именно, не знаю): Заживо умершая. День и ночь лежит на печи, откуда никогда не слезает, Питается одним только чаем.

Митя и Ваня: мои сыновья, близнецы. Гимназисты первого класса. Усерднейшие потребители единиц и двоек. За поведение имеют тройку. Курят и на заборах пишут скверные слова. Пробегая по улице, дергают за звонки и срывают с дверей визитные карточки. Секу их ежедневно.

Зойка: моя дочь. Копаются около печи в золе. Друг кошки и собаки, с которыми спит. По ночам плачет и не дает мне спать, за что бывает жестоко бита.

МОСКОВСКАЯ ЕЗДА

– Сердце обливается кровью, милый барон, когда согласишься на этих несчастных страдальцев! Посудите, как, должно быть, тяжело им ездить на этих отвратительных извозчиках, на этой безобразной конке! Сколько мук и неудовлетворенных желаний. Бедные! А как тяжело, должно быть, пешком ходить! Поневоле станешь вольнодумкой, глядя на этих несчастных! Нет, барон, необходимы реформы и немедленные реформы! Нужно, чтобы все эти несчастные могли ездить в таких экипажах! Не знаю, чего это печать молчит!

Шарабаны и седла. Можно видеть на пути в Петровский парк и Сокольники. Экипажи великолепные, седла тоже, лошади восхитительные, но ездоки ужасно плохи. Ни одного порядочного ездока... Трусь, трусь, трусь...

Театральная карета. Сооружена в 1223 году и будет сдана в архив не позже 2500 года. Служит инструментом для покушения на убийство и самоубийство гг. артистов и артисток. В одиночку в ней не ездят, а ездят сотнями, памятуя, что на людях и смерть красна, что в компании и помирать не страшно. Вмещает в себя пять благородных отцов, 26 ingénues, 32 балерины и душ десять комических старух акимовской комплекции. Проезд бесплатный.

Сама конка. Сооружена для того, чтобы ежеминутно сходить с рельсов и учинить контузии. Внутри вагона сосуд со свинцовой примочкой – для лечения ушибов, причиняемых ездой. Верхотура стоит три копейки, а нутро пятак. Билеты белые, желтые, красные... Прислуга замечательно вежливая. Дамам говорит «вы» и не бранится, когда покупают у нее билет. Внутри вагонов курить и учинять безобразия (все, кроме чтения «Московского листка») не дозволяется.

Вечерний экипаж. Наемный. Оборван, измят и, обрызган грязью, но всего ведь этого не видно вечером... Нанимается преимущественно отставными джентльменами и кокотками. Предостерегаем неопытных: изображены здесь эти дамы... Не примите за что-либо... Цена 10 руб.

Ванька... Плюет в стороны, губами чмокает, вожжами хлещет. О скорости не хлопочет.

Лихач... Художник забыл вожжи... Надо будет ему выговор сделать... Нынче нельзя без вожжей...

Экипаж для подагриков и ревматиков. Лошадь необыкновенная: не жалеет, что ей не дают овса.

РАЗДУМЬЕ

– Завтрашний наш вечер должен удалиться... Кажется я ничего не забыла... Три фазана, свежая икра, итальянский певец, живые стерляди, знаменитый художник, земляника, два генерала, великолепный осетровый балык, известный писатель... Да... Кажется, все...

СРЕДИ МИЛЫХ МОСКВИЧЕЙ

«24 МАЯ 1885 г.»

– А у нас блины ноне!..

– А к нам солдат пришел!..

Кто из москвичей, прочитавши эти две строки, не вспомнит В. Н. Андреева-Бурлака, умевшего с таким юмором передавать спор двух крестьянских мальчуганов?!

Теперь в Москве происходит нечто подобное. Хозяева двух московских садов, Зоологического и Эрмитажа, наперерыв прельщают Москву своими «блинами» и «солдатами» во всевозможных видах и формах... Но, собственно говоря, – о чем шумите вы, садовые витии? из-за чего вы спорите? У каждого из вас найдется своя публика, и каждому этой публики хватит на квас да на хлеб. В Зоологический побегут тысячи гривенников, а в Эрмитаж – сотни рублевков, – всякому свое, а результаты будут почти одни и те же, в чем мы и убедимся к осени... Смущаться не следует: убытков одни трусы пугаются, а кто летние сады хоть раз держал, тому никакая смерть не должна быть страшна.

Старайтесь, господа: Москва с своей стороны постарается не обижать вас.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК ПЕТЕРБУРГСКИХ ДАМ

1) Чин, имя, фамилия, должность и проч... Петербургские дамы, гранд-дамы, вдовы и девицы разных фамилий. Состоят в должности бесструнных балалаек. Знаков отличия, кроме громадных турнюров и маленьких лбов, никаких не имеют, содержание получают от папаш, мамаш и супругов.

2) Из какого звания происходят? Одни произошли от Коробочки, другие от Кукшиной, третьи вышли из пены финского залива.

3) Есть ли имение? Убеждений и собственных взглядов не имеют, зиждут же все свое умозрение на вычитанных фразах и слышанных словах. Из благоприобретенного следует отметить: крайнюю нетактичность, склонность к психопатии, безделье и шальной взгляд на вещи.

4) Где получили воспитание... не было ли каких особенных по службе деяний или отличий... и проч... Воспитание получили разное, но преимущественно в девичьих, где оказали особенные успехи в битье по щекам горничных. Высшее образование получили дома, читая «Модный свет» или бранясь с модистками. Из особенных по службе деяний следует отметить: а) Овации, устроенные итальянским певцам при отъезде последних на родину: слезы, целование рук, энергичное махание платками и проч... б) Отобрание у обер-психопатки Семеновой ее факсимиле и возведение ее на пьедестал природы сверхъестественной. в) Аффектация и сильное нервное возбуждение по поводу показанного пальца и выеденного яйца. г) Распространение учения спиритов и реформаторов а Та Пашков. е) жертвоприношения г. Карабчевскому, защитнику души Имшенецкого. Разделение на мелкие кусочки его бумаг, тралала и старых резиновых калош и сбережение этих кусочков на память... ф) Овации, устроенные поручику Имшенецкому по поводу его оправдания. Дамы подняли его на руки и, щекоча под мышками, вынесли из здания суда и усадили на извозчика. При всем этом было пролито два ведра слез, сказано много пронзительных фраз и подарено миллион улыбок. При отсутствии в Петербурге истинных несчастных, униженных и оскорбленных, такой «несчастный», как Имшенецкий, является для филантропов просто находкой.

5) Были ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно? Хотя и привыкли совать всюду свой нос, но в походах не были. Имели, впрочем, дела с неприятелем, поднося ему в истекшую русско-турецкую войну букеты, поя его в лазаретах шоколатом и учиняя с ним «aïmons, chantons et dansons»*. Сражаются ежедневно с мужьями и горничными, хлопая тех и других по щекам, причем всегда, даже будучи побиты, выходят победительницами.

* Любовь, пение и танцы (франц.).

б) Были ли в штрафах, под следствием и судом и проч... Проштравливаться приходилось не раз. Находились неоднократно под судом общественного мнения и прессы за свои «эксцентрики» и всякий раз пренебрегали приговором. По-видимому,

Сей формулярный список имеет быть послан новозеландским дикарям, приславшим петербургским дамам дипломы на звание почетных гражданок Новозеландии.

«20 ИЮНЯ 1885 г.»

Люди шалют, шалют, да и бросают шалить, а существованию такой большой шалости, как тотализатор, у нас и конца не предвидится. Не нора ли его сдать в архив и записать в летопись преданий? Дело в том, что, с какой стороны ни взгляни, как ни поверни, тотализатор не приносит решительно никакой пользы, если не считать, конечно, 10%, дождем сыплющихся в карманы содержателя. Вред же, приносимый им, находится вне сомнения. Во-первых, не будь его, наши скачки были бы действительно диспутом лошадей и лошадиных заводчиков, а не изображали бы из себя что-то вроде громадной стуколки... Во-вторых, не будь тотализатора, не было бы и проступка против статьи закона, воспрещающей азартные игры. А что тотализатор игра азартная, бьющая на страсти, известно всякому, хотя раз побывавшему на скачках и, стало быть, возвратившемуся домой с пустыми карманами. В тотализатор «втягиваются» так же легко, как и в любую карточную игру... Заигравшийся обыватель рад заложить жену и детей, чтобы только попытать счастья на «Розе Бонер» или отыгратья... Это – маленькое Монако, с тою только разницею, что самоубийства в Монако были и есть, а на скачках они только будут. Кому не приходилось видеть проигравшихся в пух и прах обывателей, возвращающихся со скачек?... Красные, вспотевшие, словно кипятком ошпаренные, идут они пешком (деньги-то на извозчика – увы и ах!), не отвечают на поклоны, жестикулируют... Папаши проигрывают деньги, приготовленные для выдачи жене на провизию, мамыши топят и свое и мужнино, дети отдают лошадиному делу свои копейки, данные им на конфеты или учебники. Если не хотят тотализатор похерить, то хоть бы детишек отгоняли...

Скачки, гонки, бега. Все это уже чересчур однообразно, несмотря на столь понравившийся москвичам тотализатор.

Полезно было бы устроить для разнообразия и другие состязания (пожалуй, с сохранением тотализатора).

- Барышни могли бы турнюрами состязаться: у которой больше.
- Поезда железнодорожные скоростью спорить: кто скорее под откос слетит.
- Гласные думские сном: кто кого переспит.
- Саврасы лбами стукаться: у кого лоб крепче.
- Восточные человеки могут с мясниками состязаться: у кого кулаки отчаяннее.
- Репортеры – кто совет искуснее.
- Издания Никольские – где чушь превосходнее.
- Дамочки – кто на тряпки больше истратит.
- Гастрономы – кто кого переест.
- Новейшие романисты – кто роман скандальнее напишет.
- Супруги нежные – кто перепилит кого.
- Банки – который лопнет ужаснее, и т. д.

«8 АВГУСТА 1885 г.»

Существует американская дуэль.

Есть комедия: «Осторожнее с огнем».

Читателю предлагается выбрать любое, по вкусу, заглавие и применить его к политической иллюстрации настоящего номера.

Пороховые транспорты идут под красным (цвет опасности) флагом и сопровождаются конвоем. У пороховых складов стоят часовые. В Военном артикуле (ст. неведомо какая) помещено строжайшее запрещение курить трубки, папиросы и вообще «шалить огнем» поблизости от ружейного, пушечного и других достоинств пороха. Так как в мире действий без причин и причин без следствий не бывает, то, надо полагать, и запрещения относительно огня имеют свою причину.

По нашему крайнему разумению, причина эта кроется в неприятной способности пороха превращаться в газ и расширяться при этом в 4000 раз от малейшей искры. Это явление может иметь весьма неприятные последствия для всех, кто окажется настолько неловким, чтобы очутиться вблизи порохового склада в момент «обращения твердого тела в газообразное».

Но если возле складов, где порох все-таки и упакован, и запакован, и перепакван, и защищен стенами, столь настоятельно рекомендуется осмотрительность, то каково должно быть душевное спокойствие тех, кто предается «курению табака» над открытой пороховой бочкой?

При соблюдении необходимой осторожности последствия могут и не произойти.

При неосторожности – большая неприятность.

Читатель, никогда не предавайся курению близь пороховых бочек!

«29 АВГУСТА 1885 г.»

На последней страничке мы изобразили в лицах одну парикмахерски-банкирскую операцию. Имена гг. Зингеров и Климов мы упомянули потому, собственно, что подробный счет их стрижкам по части рассрочек был с точностью выведен в газетах одним из стригомых обывателей, а в сущности, какие имена ни поставьте – решительно все равно. Успех всякой банкирской конторы основан на уменье состричь с клиента побольше денежной шерстки, в благодарность за различные услуги гг. банкиров по части продаж, покупок, рассрочек и иных финансовых одолжений. Покойный Бабст говаривал нам на лекциях, что «кредит есть перевод денег из неумелых рук в умелые». Банкирские конторы тоже основаны на кредите, а кому именно принадлежат умелые руки и кому неумелые – это уж вы разбирайте сами. Все банкирские операции стрижки и бритья клиентов производятся на законном основании, ибо еще и римские юристы говаривали: *volenti non fit injuria**, что в переводе на русский язык обозначает – сама себя раба бьет, коль нечисто жнет. Если вы желаете верить, что банкир устроит вам какую-нибудь рассрочку или куплю-продажу не для ради собственного прирбытка, а ради ваших прекрасных глаз, то кто же вам мешает блаженно верить?.. Верьте и – подставляйте шерстку: вас остригут по всем правилам финансовой науки.

* С кем поступили так, как он хотел, тому не причинили зла (лат.).

На наш век наивных людей хватит, говорят банкиры, и говорят совершенно справедливо.

КУРСКИЕ УМНИКИ

Оказывается, что курские соловьи умеют не только петь, но и мыслить... Вот вам факты. Местная губернская земская управа совместно с врачебным советом выработала план борьбы с холерою. План этот, по мнению ordinarily мыслящих, в настоящее время необходим, курские же соловьи относительно его постановили на земском собрании следующее: «признать этот план несвоевременным и нецелесообразным». По их мнению, думать о борьбе с холерой нужно не теперь, а за полчаса до холеры. На том же собрании мудрецов решено было «купить побольше лекарств, потребных для лечения холеры», из чего явствует, что курским соловьям

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru известны средства от холеры. Не мешало бы поэтому медицинским факультетам Европы послать в Курск делегатов для ознакомления с этими неизвестными средствами. Поехал бы уж кстати туда и Ферран, чтобы привить холеру местному филантропу П. С. Евдокимову, рискующему заразиться холерой в заведомом им Нищенском Доме. Губернатор, посетив недавно этот дом «призрения бедных», нашел в нем грязь, сырость, разбитые окна и слой гниющей плесени, накопившейся в течение 11-ти лет. Тут же удалось увидеть и большую, заржавленную цепь, в которую курский филантроп заковывает нищих, страдающих падучей болезнью... Кстати: как поживает комиссия, председателем которой состоит этот «цепной» Евдокимов?

ХОЛОДНОЙ ВОДЫ!

Обоянь славен не одними только невестами да заводчиком Мальцевым. К его достопримечательностям, удивляющим иностранца, следует отнести также и горячие головы, сидящие на плечах местных господ земцев. До чего горячи эти головы, видно из следующего горячего дебаша, произведенного гг. земцами на одном экстренном заседании. Они в бреду и на основании «общих соображений» председателя г. Карамышева порешили: а) построить новую земскую аптеку за 15000 руб. Если принять во внимание, что бюджет любой из наших уездных земских управ бледнеет перед жалованьем обер-кондуктора, то сумма эта не может показаться чрезмерной; б) принять ранее истечения срока земскую железную дорогу от арендатора г. Мальцева (sic). Каким чудом убыток, какой получал от этой дороги г. Мальцев, обратят земцы в прибыль, «общие соображения» г. Карамышева не говорят; в) построить две железнодорожные ветви (sic в квадрате!). Эти ветви предназначаются для пикников и крушений, так как в Обояни, кроме грузных лавочниц и старых подметок, другого груза не имеется; д) прорыть канал от Обояни до луны и е) построить на земский счет Вавилонскую башню. Не знаю, хватит ли у маленького уездного земства на все это денег, но думаю, что их хватило бы у него на одно очень важное сооружение, при котором не были бы мыслимы помянутые «общие соображения» и не понадобились бы перечисленные постройки, а именно: большой чан, наполненный холодной водой, с медными кранами... Подставить горячую голову под кран и строительный пыл – как рукой...

ПРАВИЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

И камышинцы идут в уровень с веком. Честь им и хвала. Местные гласные Губарев, Головастик и Зазулин, посланные депутатами в Петербург ходатайствовать об элтонской железной дороге, израсходовали на дорогу тысячу девятьсот рублей. Когда в заседании думы спросили одного из них, на что именно потрачена такая прорва денег, вопрошаемый дал словесно такой счет: инженеру за мнение (!?) 500 р., ему же на угощение 50 руб. Далее из словесного счета выяснилось, что гг. депутаты жили в десятирублевом номере, столовались у Палкина; от имени города глядели Цукки и ездили по Питеру не иначе как шестерней цугом. Конечно, установить таксу для разного рода командировок нельзя. Можно съездить за сто рублей, можно съездить и за миллион, предела же человеческого аппетиту не показано ни в законах, ни в природе. Надо благодарить еще гг. депутатов-эпикурейцев, что они проехали 1900 р., а не 190000. Но нас не так интересуют такса и цифры, как чисто психологическая сторона дела: откуда у гг. Губарева, Головастика и Зазулина, раньше питавшихся яйцами вкрутую и огуречным рассолом, живущих в шалашах и не знавших других «деликатесов», кроме поросенка с хреном и сапог со скрипом, мог вдруг явиться такой изысканный вкус по части Палкина и Цукки? Дума порешила от депутатии отчета не требовать и признала их действия правильными. Конечно, правильные! Разве не правильно урвать там, где можно урвать? Кстати?: кто это incognito инженер, взявший за свое мнение 500 руб.? Почаще бы этому душеньке мнения свои подавать...

НОВОЕ ТОПЛИВО

В Киеве некий Эльперин, подрядчик по поставке дров в казенные и городские учреждения, желая идти «в уровень с веком» и не отставать от современников, совлек с себя ветхого человека и зажил современно, т. е. деньги у названных учреждений забрал, дров им не поставил и объявил себя несостоятельным. Летом, быть может, такой «шаг вперед» прошел бы и незамеченным, но зимою, когда истопники имеют нелепое обыкновение топить печи, имя Эльперина не могло остаться в неизвестности... Казенные городские учреждения заявили управе, что у них нет дров, а управа заявила, что за дровами следует обращаться к Эльперину, которому деньги уже заплачены... Поднялся гвалт... Но гвалтом комнат не согреешь... Покричали люди, пошумели и, помирившись с судьбой, стали топить печи бумагами... Загорелись отношения, заявления, донесения, расписки Эльперина в получении денег... Многие дамочки из патриотизма натащили своих дневников и любовных писем...

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
И стало тепло, потому что донесений было очень много.

НЕУНЫВАЮЩИЙ ГОРОД

Есть на Руси город, который может заткнуть за пояс любого бонвивана, не имеющего ни гроша, но живущего с шиком. История его соблазнительна, а потому люди, страдающие манией жить на шерамыжку, пусть лучше не знакомятся с ней! Этот город: а) по уши должен; б) заложил всю свою землю в земельном банке в обеспечение займа; в) давно уже заложил в банках и ссудных кассах жен, детей, будки, тумбы и даже метлы, которыми метут полы в думе; д) продает с публичного торга имущества бедняков-домовладельцев, которые неисправно платят «городскую подать»; е) скоро сам будет продаваться с аукциона и уже вывесил на заставах вывески с роковыми словами: «продается с публичного торга!»; ф) ходатайствует в Петербурге о сложении с него казенного долга, жалобно плача, что у него нет ни копейки в кармане и нет ни синицы в руке, ни журавля в небе, чтобы не только покрывать старые долги, но даже и платить думским сторожам жалованье... Не правда ли: ах, какая трогательная история! Можно думать, что обыватели с горя топятся, стреляются и посыпают пеплом главы. Но ничуть не бывало... Обыватели дивного города и в ус не дуют. Они задают балы, кутят, опиваются ликерами и парят в эмпиреях. Деньги у них не переводятся. Подите вы в думу и спросите:

– Нет ли у вас, господа, тысячки?

– Ну, что там тысячка, скажут вам. Берите больше!

И дадут. Кому угодно дадут. Запросит кенгуру из зверинца Винклера, и ей не откажут. Недавно городской голова попросил 1500 руб. на покрытие расходов, понесенных им в прошлом году при переезде «со всем своим домом» из деревни в город. Ему дали... И еще дадут, если «весь свой дом» вздумает проехаться теперь из города в деревню... Смейтесь, – славы! Речь идет о вашем смешном – славе.

В ДАЛЕКИЕ КРАЯ

Несколько практических вопросов по адресу Екатеринбург-Тюменской дороги:

- 1) Если ваша дорога выгодна в экономическом и географическом отношении, то не прямое оскорбление наносят экономии и географии возчики и отправители грузов, которые находят для себя почему-то более удобным довольствоваться старым способом передвижения и не имеют дела с дорогой?
- 2) Управляющий дорогой живет в Екатеринбурге, но почему его никто почти не знает и нигде не видит? В чем проявляется его деятельность?
- 3) Почему это товаротправители жалуются на затяжки и проволочки?
- 4) Почему до сих пор вокзалы не отделаны?
- 5) Почему названная дорога имеет выручки в десять раз меньше, чем другие?

Чем позже будут даны положительные ответы на эти вопросы, тем скорее милая дорога очутится «без никаких», т. е. и без груза, и без пассажиров.

К СВЕДЕНИЮ МОСКВИЧЕЙ

Умные речи приятно и слушать. Москве бы почаще нужно было прислушиваться к тем «умственностям», которые то и дело вытекают наружу из недр белебеевских, нижегородских, самарских и прочих мозгов. Когда в нижегородской думе обсуждалось предложение Главного общества московских конно-железных дорог об устройстве в Нижнем конки на выгодных для города кондициях, то гласный Н. Башкиров (местная «образованность в своем составе») доказал, что конка «зловредна» и что в Москве она «скоро закроется». Оратору поверили и предложение общества с треском провалилось.

Конечно, нам москвичам нужно все это на ус мотать. Ездит у нас конка уже столько лет, и мы до сих пор не знаем, что она «зловредна» и «скоро закроется»!

Московские извозчики должны бы по-настоящему послать г. Башкирову благодарственный адрес, а московские ученые общества командировать от себя какого-нибудь ученого для изучения на месте необычайного захождения ума за

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
разум.

РЫБА БЕЗГЛАСНАЯ

Заседание ставропольской думы. Гг. гласным, чувствующим себя в особенно игривом настроении, докладывается копия постановления губернского по городским делам присутствия об отмене выборов по второму разряду избирателей. Гласные ведут оживленные «прения». Вдруг неожиданно, словно *deus ex machina**, на манер громовой стрелы, в воздухе проносится чей-то незнакомый голос... Все оглядываются и ушам не верят: заговорил человек, который в течение 8 лет не проронил на заседаниях ни одного слова, был подозреваем в глухонемоте и только изредка чревоуещал: «Благодарить Петра Васильича!..» И вдруг этот человек заговорил! Слова его относились к секретарю.

* Букв.: «бог из машины» (лат.) – вмешательство непредвиденных обстоятельств.

- Почему ты не разъяснил, что выборы неправильны? Ты это должен был разъяснить!
- Кому это вы говорите? – спрашивает секретарь.
- Кому? Тебе!
- Я прошу вас не говорить мне ты!
- я тебе буду говорить ты, потому ты нанятой в должен слушаться нас!

Каков чревоуещатель? Говорят, антрепренер ставропольского летнего театра приобрел у думы этого «человека-рыбу» и выстроил специально для него особый аквариум.

НА ОБСЕРВАТОРИИ «БУДИЛЬНИКА»

Утром 7-го августа в небесной синеве любителями сценического искусства дан был в пользу вдов-комет, упавших звезд и потухших планет чрезвычайный спектакль-монстр. Действующие лица: солнце, луна, астрономы, облака и почтеннейшая публика. Фабула пьесы заимствована из рассказов «Детского отдыха» и заключается в следующем: старая дева луна, разочарованная психопатка, злая на весь мир за свое одиночество, из зависти к популярному и всеми любимому солнцу, придумывает злодейский план «затмения»; в одно прекрасное утро она становится между солнцем и землей так ехидно, что последняя покрывается крошечной тьмой, но затмить истинный талант не так легко, как кажется: к великому своему стыду, луна видит, что она слишком мала и что, затмив солнце, она сама теряет свой свет, к тому же астрономы, занимающиеся на небе надзором за планетами, предугадав ее злодейский замысел, поднимают гвалт и сзывают всю публику, после чего уличенной и сконфуженной луне, конечно, остается только спрятаться за тучку. Таким образом, добродетель торжествует.

Облака, находящиеся в постоянной вражде с астрономами, изо всех сил старались придать скандалу семейный характер, они покрыли собою все небо, так что пьеса разыгралась «при закрытых дверях» и публика, выражаясь не астрономически, увидела кукиш с маслом.

В чем и подписуемся:

Астрономы «Будильника».

«БЕНЕФИС Н. Н. СОЛОВЦОВА»

13-го января в Коршевском театре состоялся бенефис режиссера г. Соловцова. Бенефициант взял себе заглавную роль в известной пьесе Дюма «Кин, или Гений и беспутство». Конечно, нельзя сравнивать г. Соловцова с такими «специальными» кинами-гигантами, как, например, Барнай (игравший эту роль, к слову сказать, в том же Коршевском театре), но все-таки бенефициант удовлетворительно справился со своей трудной задачей. Он выказал много чувства меры, умной сдержанности, а местами поднимался до искреннего увлечения. В общем (за исключением, может быть, вставной сцены из «Гамлета») получилась очень хорошо прочитанная роль. Остальные исполнители добросовестно помогли г. Соловцову и были вполне приличны, несмотря на непривычку к манерам и костюмам старинных герцогов и графов, которые весьма

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
редко появляются на коршевской сцене. Бенефицианта встретили очень радушно и
поднесли ему много подарков. Театр был переполнен.

«ОБ ОБЩЕСТВЕ

РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Среди членов Общества драматических писателей, проживающих в Петербурге, заметно возбуждение, обычное перед общим собранием и выборами. Много говорят о выборах нового председателя на место скончавшегося С. А. Юрьева и о перенесении комитета Общества из Москвы в Петербург. Называют больше десятка кандидатов, старых и молодых; большинство остановилось на кандидате, намеченном Москвою, и который, по всей вероятности, будет избран. Это А. А. Майков, человек почтенный, вполне самостоятельный и достаточно послуживший Обществу в должности казначея.

Что же касается перенесения комитета из Москвы в Петербург, то, по слухам, этот вопрос, неизвестно кем поднятый, будет оставлен без рассмотрения. Администрация Общества должна иметь свое постоянное пребывание в Москве, Харькове, Тамбове или в другом каком-нибудь городе, занимающем центральное положение относительно большинства городов, но никак не в Петербурге, стоящем на окраине. Для драматических писателей и провинциальных театров, находящихся в постоянных сношениях с комитетом, положение Москвы как центрального пункта имеет большое практическое значение. Говорят, что лица, агитирующие за переселение, ссылаются на то, что в Петербурге находится цензура и Литературно-театральный комитет. Не понимаем, причем тут цензура и Комитет. Ведь администрация Общества ведается не с теми пьесами, которые поступают в цензуру, а с теми, которые уже идут на сценах театров. Не говорим уже о том, что Общество возникло в Москве, там расцвело и там оклиматилось. Петербург, пожалуй, внесет в него какие-нибудь новые течения и распорядки – на этот счет Петербург неумолим, а это едва ли желательно. В Москве больше театров, и около Москвы все города с театрами. Зачем же переносить Общество на окраину, удалять его от центра весьма естественного, практического и исторического?

«БЕНЕФИС В. Н. ДАВЫДОВА»

В эту пятницу бенефис В. Н. Давыдова. Он дает одно действие «Нахлебника» Тургенева, где он так хорош, комедию Мольера «Проделки Скапена» и пьеску Гнедича «Женя». Даровитый артист, пользующийся такою общою любовью публики, не был особенно счастлив в Петербурге и эмигрировал от нас на целые два года в Москву, в театр Корша. Эмигрантом он сделался невольно, и эта эмиграция его мотивирована хорошим чувством независимости в артисте. Она стоила ему и материальных лишений, и разлуки с семьей, и огромного напряжения сил, так как работы на частном театре было гораздо больше. После долгого перерыва это первый бенефисный праздник Давыдова, и любители русского драматического искусства все пожелают ему самого большого успеха, которого он стоит по своему выдающемуся таланту и по горячему отношению к русскому искусству.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

КОМАРЫ И МУХИ

В одной французской хрестоматии для детей старшего возраста есть отдел рассказов из русской истории.

Между прочим, одна биография озаглавлена:

Jean IV, nomme Wassiliewitch pour sa cruauté (т. е. Иоанн IV, названный Васильевичем за свою жестокость).

– Какого времени не имеют в виду гг, англичане, говоря: время – деньги?

– «Нового», разумеется.

Одна дама, проезжая по недавно проложенной железной дороге, заметила около сторожевой будки полдюжины ребятишек.

– Удивительно! – воскликнула она. – Дорога недавно проложена, а у сторожа уже шестеро детей.

Верх остроумия – подставить под удар другую щеку, когда одна уже получила оскорбление.

Верх наивности – думать, что если жене предоставить полную свободу, то она, соскучившись ею, вернется в ваши объятия.

Верх влюбчивости – влюбиться (о девушках речь) в козла только потому, что его борода напоминает бороду умершего жениха.

Верх веселости – лежа в гробе, подсмеиваться над «родственниками», ищущими завещания.

Некий юный филолог фразу: «Les vaches étaient négligées»* перевел через: «Коровы были декольте». Гм! Прогресс!.. Для коров, конечно.

* Коровы были запущены (франц.).

В театре давалась «Русалка». Публика, между которой находился и А. С. Пушкин*, зевала. Пушкин не досидел до конца представления. Во время появления самой русалки на сцену он поднялся и сказал во всеуслышание:

Эта русалка

Суха, как палка,

Черна, как галка...

Как это жалко! – и вышел из театра.

* Пушкин Александр Сергеевич – поэт, который помер уже для благодушного обывателя. – Примеч. ред.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
О ПОДПИСКЕ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ЗРИТЕЛЬ»

НА 1882 ГОД

Лесоводство, скотоводство, рыболовство, чума в Месопотамии, политическая экономия, собрание парламента в Каире – не входят в программу нашего журнала. Семь древних мудрецов, Архимед, Платон и «быстрые разумом Невтоны» – не наши сотрудники. Серебро и золото не входят в число красок, которыми мы раскрашиваем наши рисунки. Даем заранее честное и благородное слово, что мы не откроем ни одной Америки и не будем иметь ни малейшего влияния на умы Европы...

Мы будем смеяться и плакать по следующей программе.

1. Оригинальные и переводные романы, повести, романы, рассказы, сцены, стихотворения, бытовые очерки из жизни народов, описания выдающихся исторических моментов и достопримечательных местностей, биографии выдающихся деятелей.
2. Известия и обозрения искусств: театра, музыки, живописи и проч. с критической в нужных случаях оценкой.
3. Обозрение русских и иностранных книг и периодических изданий.
4. Фельетон и хроника общественной жизни.
5. Смесь.
6. Иллюстрация рисунками текста журнала и рисунки юмористического содержания.
7. Карикатуры.
8. Почтовый ящик.
9. Объявления и рекламы.

В издании нашем примут участие: в литературном отделе – В. Н. Андреев-Бурлак, Антаев (псевдоним), В. П. Буренин, И. Вязмитин (псевдоним), Л. И. Гуляев, Герсон, А. М. Дмитриев, А. Единицын (псевдоним), Измайлов (Икс), Киевский (псевдоним), В. А. Крылов, Н. П. Киреев, А. В. Круглов, Д. Д. Минаев, И. И. Мясницкий, А. Ф. Моод, Вас. И. Немирович-Данченко, П. М. Невежин, Н. П. Орлов, Л. И. Пальмин, А. С. Размадзе, Сергей Атава, М. П. Садовский, Н. С. Стружкин, Д. И. Саргин, Г. А. Хрущов-Сокольников, Антоша Ч. (псевдоним), Шайтан (псевдоним), М. Г. Ярон и многие другие; в художественном – Н. А. Богданов, А. И. Лебедев, В. Г. Перов, Н. Е. Рачков, К. А. Трутовский, Я. П. Турлыгин, Н. П. Чехов и многие другие.

«Зритель» выйдет в 1882 году сто раз. Два раза в неделю ваша горничная будет отворять дверь почтальону и получать от него наш журнал. Между прочим, рисунков раскрашенных и не раскрашенных, карикатур, портретов и проч., помимо мелких иллюстраций, мы дадим в будущем году более трехсот. Текста тоже очень много: годовое издание будет состоять приблизительно из 1000 страниц большого формата, в 2 и 3 столбца самой убористой печати, что составит в итоге более 2500 столбцов.

И кроме того...

Следуя моде, мы тоже дадим премию. Мы дешево ценим олеографии, а потому и не дадим их. Каждый годовой подписчик получит в премию роман (известного польского писателя) Крашевского «Король и Бондаривна» (в переводе, конечно), иллюстрированный художником г. Богатовым, стоящий в отдельной продаже 2 р. Премия изготовлена и будет разослана нами вместе с первым номером.

Мы возьмем с каждого подписчика:

С доставкой и пересылкой. Без доставки и пересылки.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
За год только 8 р. За год не более 7 р.

«полгода «5 «полгода «4 «50 к.

«3 месяца «3 «3 месяца «2 «75 «

Подписка принимается: в Москве: в конторе Редакции, на Страстном бульваре в доме гр. Мусина-Пушкина; в писчебумажном магазине Д. Н. Попова у Иверских ворот, в здании Присутственных мест; в книжных магазинах Д. И. Преснова, Кольчугина, Центральном и магазине «Нового времени» – на Никольской улице; в книжном магазине Васильева на Страстном бульваре; в магазинах: книжном Мамонтова и картинном Даццаро на Кузнецком мосту.

Иногородние благоволят адресоваться непосредственно в контору Редакции в Москве.

Редактор-издатель В. В. Давыдов.

О ПОДПИСКЕ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ЗРИТЕЛЬ»

НА 1883 Г.

Лесоводство, скотоводство, рыболовство, чума в Месопотамии, политическая экономия, собрание парламента в Каире – не входят в программу нашего журнала. Семь древних мудрецов, Архимед, Платон и «быстрые разумом Невтоны» – не наши сотрудники. Серебро и золото не входят в число красок, которыми мы раскрашиваем наши рисунки. Даем заранее честное и благородное слово, что мы не откроем ни одной Америки и не будем иметь ни малейшего влияния на умы Европы...

Мы будем смеяться и плакать по следующей программе.

1. Оригинальные и переводные романы, повести, рассказы, сцены, стихотворения, бытовые очерки из жизни народов, описания выдающихся исторических моментов и достопримечательных местностей, биографии выдающихся деятелей.
2. Известия и обозрения искусств: театра, музыки, живописи и проч. с критической в нужных случаях оценкой.
3. Обзорение русских и иностранных книг и периодических изданий.
4. Фельетон и хроника общественной жизни.
5. Смесь.
6. Иллюстрации рисунками текста журнала и рисунки юмористического содержания.
7. Карикатуры.
8. Почтовый ящик.
9. Объявления.

«Зритель» выйдет в 1883 году сто раз. Два раза в неделю ваша горничная будет отворять дверь почтальону и получать от него наш журнал. Между прочим рисунков раскрашенных и не раскрашенных, карикатур, портретов и проч., помимо мелких иллюстраций, мы дадим в будущем году более ТРЕХСОТ. Текста тоже очень много: годовое издание будет состоять приблизительно из 1000 страниц большого формата, в 2 и в 3 столбца самой убористой печати, что составит в итоге более 2500 столбцов.

И кроме того...

Следуя моде, мы тоже дадим премию. Мы дешево ценим олеографии, а потому и не

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru дадим их. Каждый годовой подписчик получит в премию Иллюстрированный Календарь-Альманах, который будет разослан в октябре будущего 1883 года.

Мы возьмем с каждого подписчика:

С доставкой и пересылкой. Без доставки и пересылки.

За год только 8 р. За год не более 7 р.

«полгода «5 «полгода «4 р. 50 к.

«3 месяца «3 «3 месяца «2 «75 «

Подписка принимается: в Москве: в конторе Редакции, на Тверском бульваре, в доме Фальковской и магазине «Нового времени» – на Никольской.

Иногородные благоволят адресоваться непосредственно в контору Редакции в Москве.

Редактор-издатель В. В. Давыдов.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОД.
«ЗРИТЕЛЬ». ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ В 1883 Г.

После почти годового перерыва издания мы решились возобновить журнал с 1 января 1883 года по той же программе и в том же объеме, в котором он выходил в 1881 году. Приостановили мы выход журнала «Зритель» по причинам, о которых распространяться считаем излишним, на независимые обстоятельства, как это делали и делают многие, не жаловались, а употребили все силы к устранению этих причин и цели своей добились. Все обстоятельства, необходимые для обеспеченного существования журнала, нами созданы, находятся в наличности, поставлены на прочные основания, и с божьею помощью, с энергическим личным трудом, с сочувствием публики мы опять смело выступаем на старый путь борьбы с неправдой и апатией. В апатии мы видим источник всякой дряни, разъедающей общество, причину поголовного раскисания, которое следует разгонять веселым и здоровым смехом, живою шуткою, сатирой безобидной, бодрящим юмором. Мы задались целью издавать такой именно журнал. Что же касается до тех, о которых сказал один из наших лучших поэтов, –

А еще, государь, –

Чего не было встарь, –

И такие меж нас попадают,

Что лечением всяким гнушаются.

Они звона не терпят гусярного,

Подавай им товара базарного... – то до этих людей нам дела нет; мы не дадим товара базарного... на нашем литературном рынке его развелось слишком много.

Мы вполне сознаем трудность принимаемой на себя задачи, трудность, созданную независимыми обстоятельствами, но не теми, на которые так настойчиво напирают невыжившие органы печати, а иными, более прискорбными, заключающимися в понижении литературного уровня и в падении вкуса читающей публики, «опоенной злыми отравками». На вопрос о том, возможно ли существование журнала при таких условиях, ответит будущее, решит общество всенародным голосованием – подпискою.

Остается еще один очень важный пункт в журнальном договоре редакции с публикой, пункт любопытный: о премиях и даровых приложениях (за подписные деньги, впрочем). Обещания премий доходили до того, что некий журнал обещал давать

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru подписчикам, по их выбору, или каменный дом, или церковные ризы!.. Каменный дом нам себе нужен, шитьем облачений мы не занимаемся, олеографий не заказываем, ни фотогравюр, ни хромофотографий с декольтированных до колен женщин не делаем, с г. Э. Золя никаких сношений не имеем и будем, не жалея средств и труда, тщательно издавать наш журнал, не выгадывая из подписной цены на не нужный никому, якобы даровой хлам.

Это наша программа задушевная, а вот программа официальная:

1. Оригинальные и переводные романы, повести, рассказы, сцены, стихотворения, бытовые очерки из жизни народов, описания выдающихся исторических моментов и достопримечательных местностей, биографии выдающихся деятелей.
2. Известия и обозрения искусств: театра, музыки, живописи и проч. с критической в нужных случаях оценкой.
3. Обозрение русских и иностранных книг и периодических изданий.
4. Фельетон и хроника общественной жизни.
5. Смесь.
6. Иллюстрации рисунками текста журнала и рисунки юмористического содержания.
7. Карикатуры.
8. Почтовый ящик.
9. Объявления.

«Зритель» будет выходить два раза в неделю в размере от одного до полутора листов в каждом номере, всего в течение года сто номеров, или 1000 страниц большого формата в два или в три столбца каждая. В тексте журнала будет помещено до 2000 рисунков общественной жизни, карикатур, портретов и иллюстраций к рассказам. Все рисунки будут исполнены способами, принятыми лучшими заграничными изданиями этого рода, т. е. фототипией и цинкографией, чем вполне обеспечивается изящество изданий.

Подписная цена.

С доставкой и пересылкой: Без доставки и пересылки:

За год 8 руб. За год 7 р. – коп.

«полгода 5 «полгода 4 «50 «

«3 месяца 3 «3 месяца 2 «75 «

Подписка принимается:

В Москве: в конторе Редакции, на Тверском бульваре, в доме Фальковской и в книжном магазине Васильева, на Страстном бульваре, дом графа Мусина-Пушкина.

Иногородные благоволят адресоваться непосредственно в контору Редакции в Москве.

Редактор-издатель В. Давыдов.

«ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ СБОРНИКА
«СКАЗКИ МЕЛЬПОМЭНЫ»

Вышла в свет и поступила в продажу новая книжка: «Сказки Мельпомэны». Шесть рассказов из жизни артистов и артисток А. Чехонте. Цена 60 к., с пересылкой 75 к. Книгопродавцам обычная уступка. Склад издания: Москва, Петровка, типография А. А. Левенсон. Иногородные могут адресоваться в редакцию «Новостей дня».

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

Как дым мечтательной сигары,
Носилась ты в моих мечтах,
Неся с собой любви удары
С улыбкой пламенной в устах.
Но я – увы! – погиб уж для мечтании,
Тебя любя, я веру потерял...
И средь моих мечтательных скитаний
Я изнывал и угасал!..
Просги меня... Зачем тревожить
Заснувшего в гробу навеки мертвеца?
Иди вперед! Не унывай! Быть может,
Найдешь другого... подлеца!!
Известный
Москва, 1883 года. 2 ноября. Полночь.

Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда бросаюсь,
Где смерти пасть... О, ужасаюсь!
В могильный склеп с груди горячей,
Убитый, раненый, лежащий,
Стремглав я падаю... Не плачь, прости,
Все птицы будут петь и розы цвести
Над свежерытой могилой,
Куда меня злой рок стремглав опустит.
Тогда поймешь, как я страдал,
Как я любил свой идеал...
Над ней стремглав взойдет моя идея
Во образе цветов, ландышей, роз приятных;
Тогда по повеленью таинств непонятных
Из гроба буду я вставать стремглав ночами
И, отравясь цветов благоуханьем,
Как чудной девицы лобзаньем,

Уйду обратно в гроб стремглав с прослезненными глазами...

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОЧТА
(ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ И СОВЕТЫ)

МОСКВА

Бр. Вернерам. – Вы пишете, что издавать журнал гораздо труднее, чем носить жилетки с лошадьми и английские штаны с искрами. Совершенно справедливо.

Актеру и стихотворцу Форкатти. – Когда же, наконец, вы с Коршем судиться будете?

И ЕЩЕ ЮБИЛЕЙ

О р а т о р. Милостивые государи и милостивые государыни! Поднимите бокалы за нашего доброго юбиляра, всеми уважаемого Ивана Ивановича Иванова! Юбилей его состоит в том, что Иван Иванович в течение только нынешнего года присутствовал уже на праздновании ста юбилеев!!

Л у н а (обиженно). Что же это они? Юбилей какого-то Ивана Ивановича празднуют, а о моем юбилее и позабыли!.. Кажется, я от сотворения мира 7392 года существую!

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

1

МЫСЛИ И ОТРЫВКИ

«Мамаша» играет огромную роль в жизни женщины:

Семи лет девочка угрожает обидевшему ее мальчику Ване: «Я мамаше скажу!»

Семнадцати лет девушка говорит бородатому, но неосторожному Ивану Ивановичу: «Поговорите с мамашей!..»

Двадцати лет женщина говорит своему мужу (рабу Иоанну): «Я к мамаше уйду!»

Один профессор, возвратясь домой, произнес следующий монолог:

– Гм... Два опрокинутых стула... на полу осколки вазы... зеркало разбито... в кухне плачет в свой передник Матрена... а моя жена не здороваается со мной, уселась перед окном и глядит куда-то вдаль... Гм... Если совокупность всего этого взять за посылку и сделать логический вывод... (глубокомысленно размышляет две минуты)... то, кажется, можно почти безошибочно прийти к заключению... (размышляет еще две минуты, потом, обращаясь к жене): Аня! кажется, почти наверное я могу утверждать, что перед моим приходом ты немножко рассердилась...

Поцелуй изобретен в глубокой древности одною хитрой и умной женщиной, которая целовала своего мужа всякий раз, когда он поздно ночью возвращался домой, – с целью узнать: не выпил ли?

Баня – это место, где царствуют свобода, равенство и братство.

Новое правило для играющих в винт:

«языком болтай, рукам воли не давай».

Зеркало одинаково необходимо и женщине и мужчине, с тою однако разницею, что женщина смотрится в зеркало ежедневно, а мужчина – преимущественно с похмелья.

женщины – большие рукодельницы! Они не только мастерски владеют иглой, но также отлично умеют подпускать шпильки!

В десятой заповеди женщина поставлена рядом с волком, ослом и рабом, потому что в жизни ей приходится иметь дело только с этими животными: вол ее кормит, осла она надувает, раб же считает себя ее господином.

В каждом запутанном уголовном деле прежде всего – «ищи женщину».

В каждом запутанном гражданском деле – ищи адвоката.

Три задачи для взрослых детей:

Доктор Захарьин берет за визит сто рублей. Смерть за визит берет жизнь. Жизнь же, по Суворову, – копейка. Спрашивается, во сколько раз Захарьин берет дороже смерти?

Письмоводитель врачебной управы получал в год 900 руб. Из них проживал он ежегодно 850 руб. Спрашивается, сколько лет прожил письмоводитель, если после его смерти осталось 123000 руб.

Московские адвокаты берут за развод обыкновенно 4000 руб. Из четырех две тысячи они оставляют себе. Куда деваются остальные 2000?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Ч и н о в н и к ф и н а н с о в. Что же это вы Давыдова отпускаете?

Ч и н о в н и к т е а т р а л ь н ы й. А что с ним поделаешь? Как за сыном ухаживали.

Ч и н о в н и к ф и н а н с о в. Будто? Газеты не то говорили.

Ч и н о в н и к т е а т р а л ь н ы й. Ах, эти газеты! Что им за дело? Им надо бы запретить писать о театральной администрации – вот и все... Пусть о пьесах пишут...

Ч и н о в н и к ф и н а н с о в. Ишь чего захотели! Почему же это вам такую привилегию? Нашего министра вон как щелкают, а у вас начальника департамента и секретаря не тронь. Мы тогда все в театральное ведомство захотим поступить, потому что это очень приятно, когда о тебе никто пикнуть не смеет. Полная воля.

Ч и н о в н и к т е а т р а л ь н ы й. Да, наше ведомство особое. Ведь вот же не пишут о нашем конюшенном управлении.

Ч и н о в н и к ф и н а н с о в. Так чего же вам? Чтоб избавиться от печати, переходите в конюшенное ведомство...

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Ч и н о в н и к т е а т р а л ь н ы й (укоризненно смотрит и закуривает папироску). А погода, кажется, поправляется... (Уходят.)

МЫСЛИ И ОТРЫВКИ

«Volapük», всемирный язык, – вовсе не новость для женщин. Они уже давно выдумали «всемирный язык», на котором одинаково свободно могут объясняться: француженка – с русским, итальянка – с немцем и шведка – с французом, а именно: женщины умеют говорить глазами.

Примечание. Хотя «язык глаз» очень древний язык, однако в классических гимназиях он не преподается.

Некий кулак, открыв в деревне кабака, сказал:

я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа.

Отрывок из письма женатого господина к другу:

«...Стояло прелестное весеннее утро. Все в природе улыбалось: даже моя теща...»

Луна служит по министерству народного просвещения.

Немецкий принц посетил проездом маленький городок и присутствовал на спектакле в местном театре, занимая среднюю ложу. Антрепренер, желая угодить принцу, распорядился расположить зрителей так, что лысые головы господ, сидевших в партере перед ложей принца, составили из себя его вензель.

Чем дальше в казенный лес... тем меньше дров.

России нечего бояться за недостаток топлива: в случае оскудения дров и каменного угля можно будет еще долгое время пробиваться канцелярскими архивами.

Известно, что в мае маются. Отметим одну подробность, на которую, кажется, еще не было обращено внимания. В мае очень маются учителя женских учебных заведений, у которых сердце есть. Май – время нежных чувств, и тот же май – время экзаменов. Суровый долг педагога и грозного экзаменатора, с одной стороны, и розовый ротик, синие, карие, допустим, даже серо-зеленые глазки – с другой. Педагог, подчиняясь влечению сердца, хотел бы предложить экзаменуемой розу и, обняв за талию, унести вальсом в небеса или, по крайней мере, на цветущие поля, а он должен сделать строгие глаза и свирепо спрашивать: «А скажите нам, г-жа Иванова, что вы знаете о походах Артаксеркса». Тяжелые моменты бывают в жизни педагога женских учебных заведений.

И учащиеся девы маются. И учащиеся юноши маются. Недаром кто-то сказал, что в мае все зеленеет: даже гимназисты и гимназистки. Вообще так и надо заметить насчет гимназиста: если он сделался совсем зелен, значит, он созрел в науке и может получить аттестат зрелости. С другими фруктами бывает иначе.

Нынешний май дебютирует очень эффектно: выставкой роз в Адмиралтействе. Выставку

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
роз прекрасно было бы соединить с выставкой хорошеньких женщин. Когда-нибудь и
до этого додумаются, на радость женскому вопросу.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАЛАМБУРЫ

В свое время довольно известный литератор, но довольно бесталанный, написавший
много стихов и исторических драм, барон Розен свидетельствует («Сын Отеч.»,
1847, № 6), что Пушкин говаривал:

– Public a du bon sens, mais en fait du gout a fait souvent* – ни гугу!

* Публика обладает здравым смыслом, но что касается вкуса, то она обычно
(франц.).

А. И. Кошелев, известный сначала как откупщик и землевладелец, потом как
славянофил, а в конце жизни как западник, так сострил однажды, в письме к А. Н.
Попову («Рус. Арх.», 1886, № 3), на счет западников:

«Вы не можете себе вообразить все козни западников: уж действительно западники,
т. е. так и расставляют западни».

УСТАВ ГРИБОЕДОВСКОЙ ПРЕМИИ

ПРИ ОБЩЕСТВЕ

РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

1. Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, с целью
поощрения драматической литературы, учреждает в память Александра Сергеевича
Грибоедова денежную премию, с присвоением ей наименования «Грибоедовской». 2.
Собранные с этою целью чрез добровольные пожертвования деньги составляют
неприкосновенный капитал, который хранится в процентных бумагах в одном из
Государственных кредитных учреждений. Могущие впредь поступать на тот же предмет
пожертвования приобщаются к капиталу. «3.» Счет капиталу и процентам ведется
казначеем Общества, с отчетностью пред комитетом Общества. Проценты с этого
капитала назначаются на ежегодную премию, за вычетом из них необходимых по
премии расходов, по определению комитета Общества. «4.» Премия выдается ежегодно
за лучшее оригинальное драматическое произведение на русском языке, не менее как
в 3-х актах, появившееся на императорских московских и петербургских театрах или
на сценах частных столичных театров (кроме клубных), в период времени от 1
сентября одного года до 1 сентября другого года. «5.» Всякие переделки чужих
произведений и заимствования из драматических сочинений к премии не допускаются.
Комитет ведет список всем драматическим произведениям, которые подходят под
условия пар. 4. «6.» Авторы, не пожелавшие представить свои произведения на
соискание премии, подают об этом письменное заявление комитету не позднее 1-го
октября. Комитет исключает эти произведения из упомянутого списка и доводит об
этом до сведения очередного общего собрания. Экземпляры подлежащих суждению
драматических писателей, в случае надобности, приобретаются комитетом на счет
процентов с капитала Грибоедовской премии. 7. Для оценки появившихся в
упомянутый в пар. 4 годовой период времени оригинальных драматических
произведений и для присуждения Грибоедовской премии лучшему из них Общество
русских драматических писателей и оперных композиторов избирает в общем
очередном собрании своем ежегодно трех судей и трех к ним кандидатов из
известных литераторов и артистов императорских театров, не состоящих в числе
членов этого Общества. Примечание. В составе судей участвует не более одного
артиста. 8. Судьи избираются из числа лиц, проживающих или в Петербурге или в
Москве, причем полный состав судей и кандидатов к ним всякий раз образуется из
лиц, живущих в одном и том же городе. «9.» По выборе судей комитет Общества
немедленно извещает их о том и по получении их согласия доставляет им экземпляры
всех драматических произведений, подходящих под условия пар. 4. 10. По

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
рассмотрении представленных драматических произведений судьи собираются в заседание для окончательного обсуждения, какое из них заслуживает премии. «11.» Решение свое они излагают в протоколе, который, за их общей подписью, препровождается ими не позднее 15-го января в комитет Общества русских драматических писателей. «12.» Если в заседании судей каждый признает отдельное драматическое произведение заслуживающим премии, то премия не выдается, а причисляется к капиталу. 13. Судьи могут не признать ни одного из представленных драматических произведений заслуживающим премии, которая в этом случае также причисляется к капиталу. 14. Премия выдается комитетом Общества автору 30-го января, в день кончины А. С. Грибоедова. 15. Лицо, принимавшее на себя обязанности судьи не менее трех раз, получает установленный общим собранием Общества русских драматических писателей и оперных композиторов медальон Общества, для ношения в виде брелока, стоимость которого покрывается из процентов с капитала Грибоедовской премии. Примечание. В случае выдачи медальонов одновременно двум или трем лицам, только один медальон изготавливается на проценты с премии, а расход на остальные относится на суммы Общества.

ИЗ-ПОД МОСКВЫ

Из Подольского уезда Московской губернии нам сообщают, что в субботу 1-го августа в Кузьминской лечебнице московского губернского земства кружок товарищей-врачей праздновал пятидесятилетие земской службы заведующего лечебницей врача Н. И. Невского.

«ОТКАЗ ОТ УЧАСТИЯ В ГАЗЕТЕ

«КРЫМСКИЙ КУРЬЕР»

Мы, нижеподписавшиеся, доводим до сведения читателей, что с сегодняшнего дня мы не принимаем участия в газете «Крымский курьер».

А. Бесчинский, заведующий редакцией.

М. Копотилев, секретарь редакции.

С. Елпатьевский.

В. Келлер.

П. Розанов.

Ант. Чехов.

ВОЗЗВАНИЕ

ЯЛТИНСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

О НУЖДАЮЩИХСЯ ПРИЕЗЖИХ БОЛЬНЫХ

Около 5 лет назад при Ялтинском благотворительном обществе образовался особый отдел, имеющий самостоятельную кассу, – Попечительство о нуждающихся приезжих больных. Оно заботится о приезжающих в Ялту недостаточных больных, отыскивает им помещения, дешевый или бесплатный стол, занятия, устраивает бесплатную медицинскую помощь, выдает денежные единовременные и ежемесячные пособия, вообще принимает участие в удовлетворении многообразных нужд одинокого, заброшенного в чужую сторону больного человека, который так нуждается в участии.

Количество таких нуждающихся больных год от году увеличивается – в особенности больных, ищущих спасения в теплом климате, в чистом воздухе южного берега Крыма от того, воистину, бича человечества, который называется чахоткой. Едут в начальном периоде чахотки еще бодрые люди, надеющиеся найти в Ялте заработок и жить своим трудом; едут в Ялту тяжелые больные, видящие в Ялте последнюю надежду; едут со всех концов России люди всех званий, профессий.

Заработок не всегда находится; обострение процесса, случайные заболевания часто прерывают занятия, тяжелые больные два-три месяца не поправляются, и малый запас средств быстро истощается, – в конце концов, рано или поздно, те и другие

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru обращаются к помощи Попечительства.

Средства Попечительства слагаются только из пожертвований.

К сожалению, поступления пожертвований не идут параллельно с ростом нужды, с все увеличивающимся количеством приезжающих в Ялту недостаточных больных. Ялтинское Попечительство о нуждающихся приезжих больных напрягает все усилия, но ему становится не под силу справиться с тяжелым бременем все растущей общерусской нужды болеющих людей.

Глубоко веря в доброту и отзывчивость русских людей, полагая, что устройство в Ялте нуждающихся приезжих больных не исключительно ялтинское, а всероссийское дело, дело всей той России, которая посылает своих больных на южный берег Крыма, мы обращаемся ко всем добрым людям с просьбой прийти к нам на помощь своими пожертвованиями в благом деле устройства больного человека, для которого возможность прожить известное время на южном берегу Крыма – вопрос жизни и смерти.

Попечители

А. Я. Бесчинский

С. П. Бонье

С. Ф. Ветютнева

С. Я. Елпатьевский

М. Ф. Ставраки

А. П. Чехов

ВОЗЗВАНИЕ

«ЯЛТИНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО

ОБЩЕСТВА»

Ялтинское Благотворительное общество приступает к постройке пансиона «Яузлар» для нуждающихся приезжих больных туберкулезом во всех стадиях его развития и обращается к вам с просьбой о помощи и содействии.

Устройство именно такого пансиона, в который принимались бы туберкулезные больные без различия тяжести их заболевания, чрезвычайно важно в Ялте, – оно необходимо, неизбежно, этого требуют условия ялтинской жизни, характер приезжающих в Ялту больных.

Ялтинское Благотворительное общество давно выделило из круга своих многообразных занятий особый отдел (с отдельной кассой) – «Попечительство о нуждающихся приезжих больных». Деятельность этого отдела все росла и расширялась параллельно с увеличением количества приезжающих в Ялту страждущих людей, – не считая многообразных услуг, оказываемых Попечительством больным – приискание дешевых комнат, стола, молока, предоставление бесплатной медицинской помощи и удешевленных лекарств, приискание уроков, занятий – одна выдача денежных пособий достигла в 1902 г. огромной для маленькой Ялты суммы – свыше 5000 рублей.

С расширением деятельности Попечительства все более и более выяснялась самая острая и тяжкая, наиболее трудно удовлетворимая нужда приезжих больных – устройство тяжелых больных, лихорадящих, слабых, лежачих больных. Их не принимают в официальные санатории, их боятся другие больные, и потому их избегают пускать к себе содержатели гостиниц, пансионеров и меблированных комнат. Обычная помощь Попечительства и выдача денежных пособий не устраивают таких больных – им необходимы сестра милосердия, постоянный медицинский надзор, специальный уход, приспособленная обстановка.

Три года назад, именно ввиду этих соображений, ялтинское Попечительство о приезжих больных устроило пансион «Яузлар» на 20 человек. За 40 рублей для занимающих комнату вдвоем и за 50 руб. для занимающих одиночные комнаты больные получают полный пансион, имеют доктора, фельдшерицу (живущую в «Яузларе»),

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
специальный уход, – всё, кроме стирки крахмального белья и лекарств, т. е. то, чего они не могут получить в Ялте за гораздо большую цену.

Трехлетний опыт доказал, с одной стороны, всю тяжкую и острую нужду в таком пансионе – на что всегда имеются кандидаты, ждущие очереди поступить в «Яузлар», – а с другой стороны, все несовершенства его, вытекающие из нашей бедности и в особенности из неудобства помещения пансиона в частном, не приспособленном для этой цели доме.

М. г.! Деятельность ялтинского Попечительства о нуждающихся приезжих больных могла возникнуть и так расширяться только благодаря отзывчивости добрых сердец русских людей, – продолжать это дело, расширить и улучшить его, построить собственный дом для пансиона «Яузлар» на 45 – 50 больных, хорошо обставленный, специально приспособленный, – мы можем только при поддержке и помощи тех, кто сочувствует нашему делу и пожелает помочь нам. Не нам, маленькой кучке ялтинских людей, удовлетворить огромную нужду едущих к нам со всех концов России больных людей, нам одним не под силу выстроить «Яузлар» в 70 – 80 тысяч рублей.

А между тем строить нужно, необходимо. Тяжелобольные всё едут к нам, едут со всех концов России, из Архангельска, из глухих мест Сибири, они затрачивают последние крохи, им собирают на дорогу товарищи, друзья, субсидируют учебные заведения и учреждения, где они учатся или служат, приезжают в Ялту, как в последнюю инстанция, где решается для них вопрос о жизни и смерти, – приезжают жалкие, одинокие, измученные, иногда только затем, чтобы через неделю, через месяц лечь на чужое ялтинское кладбище.

Нам могут сказать – зачем посылают таких больных, зачем едут они? Стоит ли тратить деньги на мертвых людей и не производительнее ли оказывать поддержку живым, способным жить, – тем подающим надежду на выздоровление, которых принимают в официальные санатории?

Подающий надежду на выздоровление! Мы, ялтинские люди, знаем, как трудно это определить. Приехавший с невысокой температурой, с небольшими изменениями в легких, случается, сгорает в 3 – 4 месяца, с другой стороны – лежащий туберкулезный больной с высокой температурой и большим поражением легких не значит безнадежный больной. Ялтинское Благотворительное общество имеет в своем числе много членов, приехавших в Ялту в тяжелом положении, а теперь деятельных работников в Обществе и Попечительстве. Устроители «Яузлара» с чувством гордости и радости могут указать немало больных, поступивших в него, по мнению врачей, почти безнадежными, а теперь поправившихся и сделавшихся работоспособными.

И они все равно поедут тяжелобольные, поедут с последней надеждой в сердце, наперекор советам врачей и родных, если бы даже у них и хватило жестокости сказать: «Ты скоро умрешь в Ялте!»

Мы, местные люди, не можем проходить равнодушно мимо горя и страданий приезжающих в Ялту тяжелобольных, мы должны устроить пансион, санаторию, убежище, – назовите, как хотите, – где могли бы находить приют, хорошее помещение, постоянный медицинский надзор, правильно организованный уход туберкулезные больные, подающие большие и малые надежды на выздоровление, и мы зовем на помощь всех, кто понимает ужас одиночества и заброшенности на чужой стороне больного человека, кто желает и может помочь приютить и устроить в Ялте близкого, – больного, одинокого, измученного.

Благодаря пожертвованиям мы успели купить землю свыше десятины в прекрасной местности на окраине Ялты за 16000 рублей, приблизительно столько же осталось у нас на постройку; но этого слишком мало для того обширного и вполне приспособленного здания, которое мы хотим строить.

Пожертвования принимаются по такому адресу: Ялта. В Правление ялтинского Благотворительного общества на постройку «Яузлара». Пожертвования могут быть двух родов: 1-ое, на постройку здания вообще – пожертвования принимаются в любом размере. 2-ое, на постройку комнаты имени жертвователя – 2000 рублей.

Комитет по постройке «Яузлара».

Председатель Комитета Б. П. Ножников.

А. П. Чехов

А. Я. Бесчинский

Л. П. Княжевич

И. Н. Альтшуллер

М. Ф. Ставраки

П. А. Тамбурер

О. А. Снеткова

Секретарь П. П. Розанов.

РЕДАКТИРОВАННОЕ

М. П. ЧЕХОВА. «КАКИЕ СЛЕДЫ ОСТАЛИСЬ

ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, КАРЛА XII,

КОЧУБЕЯ И ИСКРЫ, МАЗЕПЫ И МАРИИ»

С лишком сто лет прошло с тех пор, когда происходили события, описанные Пушкиным в его прелестной поэме «Полтава». Места описанных им действий группируются вокруг Полтавы, а потому и следы, оставшиеся после героев поэмы, нужно искать около Полтавы. Памятником победы Петра Великого над К«арлом» XII служит сама Полтава.

Памятником Петра Великого служат те его великие преобразования, плодами которых пользуется теперь Русская земля.

В Бендерах можно видеть три сени, углубленные в землю, и поросшие мохом ступени: место, где Карл XII* мужественно отражал натиск Турок. Мазепа не забыт только как изменник отечества. Церковь, проклиная его, долго напоминала людям об этом изменнике.

* В автографе: Карл XIII III.

Об искре и Кочубее говорит нам могила их, приютившаяся в ограде в одной из украинских церквей. О Марии, променявшей из честолюбия своих родителей на Мазепу, никто не помнит и никто о ней не говорит; только изредка иногда украинский певец, воспевая старину, напоминает молодым козочкам об этой преступнице.

Марья Глуцова.

Е. М. ШАВРОВА. «СОФКА»
(КИСЛОВОДСКАЯ ИДИЛЛИЯ)

Она сид[ела]ит [на снятом с лошади] на траве, на мужском седле и [капризно] покачива[лась]ется на нем. Тоненькая, узенькая, стройная, с волос[ы]ами [непокорной гривкой], лезу[т]щими на глаза, [выбились за ушами, щеки пылают, глаза] с пылающими щеками, с глазами, которые щурятся и блестят, - [и вся она,] в своей строгой черной амазонке, [кажется не то] похожа она и на переодет[ым]ого мальчик[ом]а [не то какой-то странной, необыкновенно узенькой,] и на фантастическ[ой]ую женщин[ой]у.

- я устала говорить! - кричит она. - Князь, дайте мне пить!

– Софка! – слышится окрик.

Но она не обращает внимания.

– Князь, – повторяет она еще громче, – князь!

Кругом в различных, более или менее живописных позах расположились друзья и знакомые ее матери.

Правда, многих она знает не больше недели, иные познакомились только сегодня перед поездкой. Но это ничего не значит; на водах так скоро знакомятся! [А бойкость всегда нравится и привлекательна. Это Софка хорошо знает.]

Лежат на траве, прислонившись к седлам и на разостланных бурках.

Несколько военных, есть актер, два помещика, доктор на отдыхе и, наконец, люди неопределенных профессий, живущ[их]ие «своим капиталом», которых на водах всегда много.

Эти все больше наряжены горцами.

Софке все равно.

Ее радует, что она с мамой* и Адель Карловной приехала сюда, в горы, что с ней говорят, как с взрослой, любят ее и даже как будто ухаживают все эти смешные усатые люди.

* Здесь и далее всюду исправлено: Мама на мама.

Ей весело, потому что трава в ущелье так зелена, что хочется примять ее, что камни там грозно нависли, и утесы хмурятся, и молодой серп месяца золотит зыбь маленькой горной речки...

Весело и от выпитого вина, и от прохлады вечера, а главное, весело оттого, что и в ней и для нее все еще так ново, свежо, [и неизвестно] странно. Софке не больше [пят]шестнадцат[ь]и лет. В этом году она как-то сразу из девочки [сделалась] превратилась в почти взросл[ой]ую [барышней]. Перемена произошла так внезапно, что Софка сама смущена и [довольна что] не верит глазам... И все как будто перменилось вокруг нее...

Возле нее генерал [бодрящийся видимо.] – громадная гора жира и мяса в белом кителе, проевш[ий]ая два состояния* на своем веку и оканчивающ[ий]ая теперь третье.

* Чеховым цифрами (1, 2) изменен порядок слов: проевшая на своем веку два состояния.

Черные масляные глазки смеются, он любит девочкой и не прочь подпоить ее немножко.

Софка видит, что [она] имеет успех между этими знакомыми мамы больше Адель Карловны и даже больше самой мамы.

Адель Карловна подруга мамы. Софка помнит ее еще [тогда] с того времени, когда [была крошкой] ходила в короткой юбочке, [и всегда голыми загорелыми] с голыми ру[ч]ками и но[жк]гами, темными от загара. И тогда также они* переезжали с вод на воды, [и] то за границу, [и] то в Крым, и здесь живали. И Софке кажется, что иначе жить невозможно.

* Цифрами: 1, 2 изменен порядок слов: и тогда они также.

Адель Карловна и мама мало изменились с тех пор. Знакомые постоянно менялись, они же все оставались такими же высокими, полными и красивыми дамами.

[Их принимают часто за сестер.

Но Софка предпочитает маму. У [нее] мамы такие большие томные глаза и утомленное бледное лицо, и она так хорошо одевается, гораздо лучше Адель Карловны, которая любит все яркое.

Мама часто ссорится с Адель Карловной, и они говорят друг другу ужасные вещи, - но Софка знает, что это ненадолго и что они опять помирятся.]

Софка так уверена в превосходстве мамы и Адель Карловны, особенно мамы, что очень [часто] удивлена и недоумевает, почему е[й]ю, Софкой, с некоторых пор так восхищаются. Мама часто теперь недовольна Софкой и реже берет ее с собой. Но Софка не задумывается, ей некогда и всегда хочется думать о чем-нибудь веселом.

[И теперь она с затаенной радостью следит из-за своих густых [загибающихся кверху] ресниц, как все бросаются исполнять ее желание.]

Один держит стакан, князь наливает вино, и все наперерыв лезут чокаться с ней и пить за ее здоровье.

- Не барышня - а шампанское! - восклицает полковник Иванов[, привычным жестом опрокидывая свой стакан в горло]. - И Софка улыбается ему и чувству[я]ет, что [это высшая похвала в его устах.] она и в самом деле похожа на шампанское.

И все они с удовольствием и радостью наблюдают Софку. Она забавляет этих взрослых людей, как редкий зверек, которого и подразнить и погладить одинаково приятно.

Князь, богатый грузин, совсем еще мальчик, [богатой грузинской фамилии, и] недавно выпущенный в офицеры. Он такой [сам] хорошенький, такой гладкий, свежий [и крепонькой], и все на нем так [и блестит на нем новизной и свежестью, что он ярко* выделяется между всеми остальными военными] ярко, ново и свежо, что его трудно не заметить, в какой бы он ни был толпе. Он мало обращает внимания на дам, несмотря на заигрывание Адель Карловны и томные взгляды мамы [Софки - Марии Ивановны].

* Первоначально далее было: он резко

Он приехал кутить, и старается добросовестно выполнить все, что [требуется] нужно для этого. С азартом входит он* в роль - хмурится, напевает осетинские песни и пьет с суровым видом знатока и [закаленного в боях] вояки, закаленного в боях.

* Первоначально: Он с азартом входит

Он кутит.

[Нужно проделать всю пантомиму, все, чтобы уверить себя и других, что они отчаянно кутят и очень, очень веселятся].

Все [располагаются в непринужденных позах на траве, и] пьют, рассказывают друг другу веселые анекдоты и пьют. [- Потом нужно расстегнуться, надеть фуражку на затылок и опять пить.]

[Варить] делают* шашлык и е[сть]дят его без [помощи] ножей и вилок, [а рвать мясо] прямо руками, как [это делают] истые горцы. И всем это нравится, и все

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru думают, что это нужно. Князек берет бутылку кахетинского и говорит, что выпьет залпом без передышки. Ему не верят, потом все смотрят. Он [с]хват[ыв]ает бутылку в обе[ими] рук[ам]и, запрокидывает назад голову и [начинает быстро пить] пьет. [Он] Широко расстави[л] в ноги, [в узких рейтузах и все больше] он наклоняется назад все больше и больше, а бутылка под[ы]нимается все выше и выше. Наконец [он] торжественно, с налитым кровью лицом, он показывает пустую бутылку и, нахмурившись, [лихим] сделав лихой жест[ом, хочет перебросить], бросает ее через плечо. Жест не удается, и князек [мрачно бросается] садится на землю возле [Марьи Ивановны.] мамы.

* Первоначально: Делать

Та сейчас начинает что-то говорить ему, взглядывая на него своими прекрасными глазами. Ее желтоватое, цыганско[го]е [типа] лицо с длинным носом и бле[кл]дными губами улыбается.

[Князек ей, видимо, нравится.]

– Давайте петь! – кричит Адель Карловна. [- все хором и генерал тоже.]

[Адель Карловна совершенно] Она лежит на белой бурке и курит. Белая папаха и башлык придают ей воинственный вид. Возле нее расположились поклонники. Между ними есть и [очень смелые и] выдавшие виды, как, например, полковник Иванов, есть [также] и робкие юноши вроде корнета [Закаспийского] Степанова, который [телячьими глазами взирает] по-телячьи глядит на нее и немеет от восторга.

Софка довольна, что сейчас будут петь. Она вскакивает с места и начинает предлагать, что петь.

Нужно такое, чтобы все знали, что-нибудь цыганское: «Милая», или «Ночи», или «Месяц плывет», – это наверное все знают, – да, да, это лучше всего!

И все поют. Немного нестройно, но зато все уверены, что петь следует, и потому [чувствуют удовлетворение.] довольны.

Тучный генерал [особенно] усердно выводит басовые ноты и качается в такт, хотя и не знает, что поют.

Актер принимает позы, прижимает для чего-то руку с большим бирюзовым перстнем к полосатой жилетке и косится на дам. Полковник Иванов изящно дирижирует бутылкой.

[Приехавшая раньше] Сидящая поодаль компания, приехавшая раньше, состоящая почти из одних барышень и дам, чопорно поджмается и спешит уехать.

– Итак, Софочка, вы не хотите нам рассказать, отчего вы убежали из института? – спрашивает генерал.

Софка смеется, ее тоненький нос морщится, [и] глаза лукаво щурятся... [от лукавства.]

– Вам очень хочется знать? Мама не любит, когда я рассказываю, да и ничего нет тут интересного. Ну, ушла потому, что мне там тесно [было и меня притесняли], а я люблю свободу!

И Софка, очень довольная [своей] последней фразой, которую она часто слышит от мамы, старается скорее замять [этот] неприятный для ее самолюбия разговор.

– Петр Петрович, продекламируйте нам что-нибудь, пожалуйста! – говорит она актеру и тербит его за рукав. – Ну – пожалуйста!

[Рассказы тоже входят в репертуар веселья, и Софка это знает. -]

Все просят.

Актер становится в позу. [Мария Ивановна] Мама внезапно проникается своими

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
материнскими обязанностями и указыва[я]ет глазами на Софку, прос[ит]я* этим
выбрать для рассказа что-нибудь менее пикантное, [из его рассказов.]

* Первоначально далее было: взглядом

Актер ищет чего-то в пространстве и вдруг раздражается чем-то очень непонятным и возвышенным. Он то кричит и разводит руками, то говорит совсем шепотом. Потом, видя, что всем скучно и что Адель Карловна [даже уединилась с одним из поклонников и] и один из ее поклонников завел[а]и свой разговор, он [быстро оканчивает и] начинает [нечто более игривое] читать что-то другое, в стихах. Все смеются, и Софка тоже, хотя [плохо] не понимает, что тут собственно смешно.

Потом все опять пьют и [снова оживляются] и снова пьют и без конца хохочут. Адель Карловн[а]е [хочет] приходит охота взлезть на высокий серый камень. Она подымается по горке, цепляется за кустарники руками, путается в амазонке и наконец сердито кричит вниз:

– Господа, какие вы невежи и лентяи, – помогите же мне!

Господа помогают.

[Раздается хохот, визг. Особенно старается полковник Иванов.

Пока продолжается эта занимательная игра, Марья Ивановна] А в это время мама старается овладеть князьком. [Он сумрачно с] С отяжелевшей от вина головой сидит он ниже ее на пригорке, охватив колена руками, и мрачно глядит исподлобья.

Лицо [ее слегка порозовело, омертвевшие очертания лица оживились. Она изредка кладет свои длинные пальцы, унизанные кольцами, на руку князя и наклоняясь что-то убедительно говорит ему.] мамы розово, глаза глубокие, страстные устремлены на [хорошенькое лицо] князя...

– Поймите, нужно пользоваться жизнью пока живем, брать все, [все] что она может дать... [- и любить как можно больше, как можно сильнее. – В этом только счастье, в этом весь смысл жизни, только в этом, поверьте,] – слышится Софке ее тягучий страстный шепот.

[Ее мать] Всем красивым молодым людям ее мать говорит всегда одно и то же [самое], и Софке почему-то это кажется* верхом изящества. Ей хотелось бы [как и во всем] и в этом [подражать] походить на мам[е]у, но почему-то совестно.

* Цифрами 1, 2 изменен порядок слов; кажется это

[Генерал отяжелел и осовел от вина. Адель Карловна легкомысленно занялась корнетами и забыла о нем. Ему завидно, он сердится, брюзжит и собирается уезжать.

Настроение Софки тоже изменилось. Стало не то что грустно, а просто нашло какое-то недоумение на нее – и сковало ее.]

Месяц скры[л]вается за каменную стену утеса. Речка продолжа[ла]ет шуметь, но ее уже не [было] видно [больше], и легкий, [нежный] свежий ветерок [задул]* подувает из ущелья. [- Зато] на темн[ом]ющем небе [начали выступать] одна за другой показываются яркие [южные] звезды.

* Первоначально было вписано: дует

[Адель Карловна теперь дразнила корнета, все собрались возле нее, и она громко хохотала.

Генерал пыхтел, сердился и, наконец, подозвал свой фаэтон тройкой и уехал, ни с кем не простившись.

Князек снова пил, и опять все чему-то смеялись и говорили вздор.]

Делать теперь уже решительно [было] нечего. Все переделали, и все успело наскучить. Пили, пели, врали глупости, ели шашлык и опять пили, и все это надоело, и потому [стали] пора собираться.

[Из] в темнот[ы]е разд[авалось]ается ржанье лошадей; проводники, лошади, всадники – все [смешалось] мешается в темн[ый]ую движущ[ийся]уюся [клубок] массу.

[Не узнавали друг друга, отыскивали лошадей. Адель Карловну общими*] усилиями усаживали на лошадь, и опять поднялся гам. Не узнают друг друга, отыскивают лошадей... Шум, визг, сердитые голоса...

* Правка не доведена до конца.

[Софка отыскивала свою маленькую гнедую лошадку под красным бархатным седлом.] – Князь держ[ал]ит [ее] Софкину лошадь под уздцы [и, что-то нежно бормоча про себя, обнимал ее за шею и, прижимаясь к ней], нежно цел[овал]ует ее в ноздри и голову и что-то бормочет. Лошадь смирно сто[яла]ит [под этими ласками] и только изредка переступа[ла]ет с ноги на ногу.

– Позвольте, – и человек в длинной черкеске [подошел к] вырастает из земли перед Софк[е]ой.

И прежде чем она успе[ла]вает опомниться, он ловко [схватил] хватает ее на руки, [посадил] сажает на лошадь, и в ту же минуту она [почувствовала] чувствует, как его усатое лицо [близко придвинулось к ней] касается ее лица и как он [грубо поцеловал] целует ее прямо в губы. [Она только удивилась, так внезапно это произошло, и не могла] Происходит это так внезапно, что она не может понять, действительно ли это [было], или ей показалось только. Неприятное брезгливое чувство [брезгливости поднялось в ней, ей] овладевает ею, хо[телось]чется ей ударить [его] нахала хлыстом, но его уже [не было] нет возле, и она не зна[ла]ет, кто он.

А князь все цел[овал]ует лошадь, целует без конца, и [а] черные силуэты всадников уже переезжа[ли]ют речку.

– Князь, пора! где вы, князь? Едемте! – [звала Марья Ивановна, забывая теперь совершенно о существовании Софки.] зовет* мама.

* Первоначально было вписано: кричи«т»

– Марья Ивановна, я ревную, что это в самом деле? [вы] Всё князь да князь! – Князь, голубчик, не откликайтесь!

– Что же, давайте перегоняться!

– Ну нет, силы не равные! [потому что ваша и моя лошадь – большая разница. Потому что ваша лошадь это...]

– Нагайку давай, Ассан!

[– Адель Карловна, это измена, я ее кавалер, а она изменяет! – «Сердце красавицы!» – напевает актер.]

[Слышится) Смех, шум каменье, плеск воды в свежем воздухе. Эхо отчетливо повторяет все это, и гул стоит между каменными стенами балки.

князь [сел] садится на своего иноходца, смешную мохнатую лошаденку.

Софка дер[нула]гает за повод [гнедого, который запрял ушами и насторожился].
Едут.

[Все, что сейчас с ней было, ошеломило Софку, недоумение еще больше сковало ее.]
Софка ошеломлена и в недоумении. Ребенком она привыкла к непрошенным поцелуям.
Но тогда целовали все[, и она не обижалась, - и целовали] и при всех. Но
сегодня?

Проводник чей-нибудь или один из «них», гостей мамы?

«Как гадко, противно. И сказать некому[, и еще самую будут бранить], - засмеют и
бранить будут».

Ей хочется плакать.

Княз[ь]ек едет рядом и[, повернувшись к ней, почти стоя в стременах, без умолку
рассказывает ей про свою любовь; чистую, высокую, святую к одной проезжей
петербургской grande dame. князь] изо всех сил старается увер[яет]ить Софку, что
она одна может понять его и что ему страстно хочется все, все высказать ей о
своей [особенной] необыкновенной, им одним изведанной, неземной любви.

[– Вы поймите, она так хороша, так необыкновенно, чудно хороша, что не любить ее
нельзя. Да вы видели ее, она жила на горе с своими детьми. Для нее я готов на
все, на что хотите. И я мучаюсь, что не могу ничем доказать, как люблю ее, и
сознаю что ей это вовсе не нужно.

И голос князя дрожит и прерывается.]

– Когда я увидел [ее в первый раз, то] вас, я понял, что не жил до этого. Что-то
особенное со мной произошло* [сделалось, и я был счастлив только, когда был
возле нее. Что я для нее? Ничтожный мальчишка, ненужный и неинтересный! а она
все-таки не пренебрегала мной, не гнала прочь, а утешала, говоря, что все это со
временем пройдет.

* Цифрами изменен порядок слов: Со мной произошло что-то особенное

– Она уехала, – продолжал он, – и, конечно, уже теперь забыла, что я существую,
а] Мне тяжело, и вот я пью, и езжу сюда, в горы, с этой пьяной компанией, и мне
не легче...

[Софка слушала его и забывала свое горе, так необыкновенно сильна казалась ей
любовь князя. Она немного гордилась даже, что он поверял ей свои тайны, хотя он,
может быть, те же слова шептал, обнимая ее лошадь. Она также не обиделась, когда
он упомянул о пьяной компании. Ведь это была правда, и больше ничего.] Голос
князя дрожит и прерывается.

– я поеду за [ней] вами в Петербург, [и грозные звуки слышатся в его голосе,
молодом и звенящем.] – бормочет он. – Не пустят, все равно уеду! [потому что] я
не могу, не могу так жить! Поймите, ну нельзя мне так жить. Ну, сопьюсь,
застрелюсь, все равно, – но терпеть я больше не [могу!] в состоянии!

И он [снова] начинает рассказывать Софке, какие у нее глаза [у его княгини], и
как он любит ее, и как ему будет тяжела разлука... [и опять в его голосе слышатся
глухие рыдания.]

Софка слуша[ла]ет молча и вдруг неожиданно начинает [за-]плака[ла]ть, вся
содрогаясь своим худеньким телом. Ей ста[ло так]новится жал[ко]ь этого
хорошенького мальчика, жаль себя, жаль еще чего-то, чего она не могла бы
[никому] объяснить словами, но что особенно больно муч[ало]ает ее в эту светлую
ночь и заставля[ло]ет плакать.

Они е[хали]дут близко друг [от] к друг[а]у по пыльной дороге.

Теперь совсем вызвездило.

Звезд – миллионы; [смотрели на них с высоты;] изредка одна звезда срыва[лась]ется и, описав яркую линию, исчеза[ла]ет куда-то с темного неба.

Князь цел[овал]ует руку Софке, благодарил* ее и все говори[л]т о своей любви. [И все было так искренно и казалось так просто и трогательно.] говорит, говорит, говорит...

* Правка не доведена до конца – нужно: благодарит

А кругом расстила[лась]ется серая волнистая степь, а там вдали сквозь молочный туман проступа[ли]ют очертания зданий, высоких тополей. Сверка[ли]ют огоньки станицы.

[- Вы милая, хорошая, вы поняли, я люблю вас, – повторял князь.]

– Еще одна, – [сказала] говорит Софка, влажными глазами следя за падающей звездой.

В. Г. КОРОЛЕНКО. «ЛЕС ШУМИТ»
(ПОЛЕССКАЯ ЛЕГЕНДА)

Было и былъем поросло.

I
[Лес шумел...

В этом лесу всегда стоял шум – ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов, как неясное воспоминание о прошедшем. В нем всегда стоял шум, потому что это был старый, дремучий бор, которого не касались еще пила и топор лесного барышника.] Высокие столетние сосны с красными могучими стволами стояли хмуро ратью, плотно сомкнувшись сверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь полог сосновых игол, которыми была усыпана почва, пробились яркие папоротники, пышно раскинувшиеся причудливою бахромой и стоявшие недвижимо, не шелохнув листом. В сырых уголках тянулись высокими стеблями зеленые травы; белая кашка склонялась отяжелевшими головками, как будто в тихой истоме. А сверху, без конца и перерыва, тянул лесной шум, точно смутные вздохи старого бора.

[Но теперь эти вздохи становились все глубже, сильнее.] Я ехал лесною тропой, и, хотя неба мне не было видно, но по тому, как хмурился лес, я чувствовал, что над ним тихо подымается тяжелая туча. Время было не раннее. [Между стволов кое-где пробивался еще косою луч заката, но в чащах расплзались уже мгlistые сумерки. К вечеру собиралась гроза.]

На сегодня нужно было уже отложить всякую мысль об охоте; в пору было только добраться перед грозой до ночлега. Мой конь постукивал копытом в обнажившиеся корни, храпел и настораживал уши, прислушиваясь к гулко щелкающему лесному эхо. [Он сам прибавлял шагу к знакомой лесной сторожке.]

Залаяла собака. Между поредевшими стволами мелькают мазаные стены. Синяя струйка дыма вьется под нависшею зеленью; покосившаяся изба с лохматою крышей приютилась под стеною красных стволов; она как будто врастает в землю, между тем как стройные и гордые сосны высоко покачивают над ней своими головами. [Посредине поляны, плотно примкнувшись друг к другу, стоит кучка молодых дубов.]

Здесь живут обычные спутники моих охотничьих экскурсий – лесники Захар и Максим. Но теперь, по-видимому, обоих нет дома, так как никто не выходит на лай громадной овчарки. Только старый дед, с лысою головой и седыми усами, сидит на завалинке и ковыряет лапоть. Усы у деда болтаются чуть не до пояса, глаза глядят тускло [точно дед все вспоминает что-то и не может припомнить].

– Здравствуй, дед! Есть кто-нибудь дома?

– Эге! – мотает дед головой. – Нет ни Захара, ни Максима, да и Мотря побрела в лес за коровой... [Корова куда-то ушла, – пожалуй, медведи задрали... Вот оно как... нет никого!]

– Ну, ничего. Я с тобой посижу, обожду.

– Обожди, обожди, – кивает дед, и, пока я подвязываю лошадь к ветви дуба, он всматривается в меня слабыми и мутными глазами. [Плох уж старый дед: глаза не видят и руки трясутся.]

– А кто ж ты такой, хлопче? – спрашивает он, когда я подсаживаюсь на завалинке.

Этот вопрос я слышу в каждое свое посещение.

– Эге, знаю теперь, знаю, – говорит старик, принимаясь опять за лапоть. – Вот старая голова, как решето, ничего не держит. Тех, что давно умерли, помню, [– ой, хорошо помню!]. А новых людей все забываю... Зажился на свете.

– А давно ли ты, дед, живешь в этом лесу?

– Эге, давненько! Француз приходил в царскую землю, – я уже был.

– Много же ты на своем веку видел. Чай, есть чего рассказать.

Дед смотрит на меня с удивлением.

– А что же мне видеть, хлопче? Лес видел... Шумит лес, шумит и днем, и ночью, зимою шумит и летом... И я, как та деревина, век прожил в лесу и не заметил... Вот и в могилу пора, а подумаю иной раз, хлопче, то и сам смекнуть не могу: жил я на свете или нет... [Эге, вот как!] Может, и вовсе не жил...

Край темной тучи выдвинулся из-за густых вершин над лесною поляной; ветви замыкавших поляну сосен закачались под дуновением ветра, и лесной шум пронесся глубоким усиленным аккордом. Дед поднял голову и прислушался.

– Буря идет, – сказал он через минуту. – Это вот я знаю. [Ой-ой, заревет ночью буря, сосны будет ломать, с корнем выворачивать станет!.. Заиграет лесной хозяин... – добавил он тише.]

– Почему же ты знаешь, дед?

– Эге, это я знаю! Хорошо знаю, как дерево говорит... Дерево, хлопче, тоже боится... Вот осина, проклятое дерево, все что-то лопочет, – и ветру нет, а она трясется. Сосна на бору в ясный день играет-звенит, а чуть подымется ветер, она загудит и застонет. [Это еще ничего... А ты вот слушай теперь.] Я хоть глазами плохо вижу, а ухом слышу: дуб зашумел, дуба уже трогает на поляне... Это к буре.

[Действительно,] куча невысоких коряжистых дубов, стоявших посредине поляны и защищенных высокою стеною бора, помахивала крепкими ветвями, и от них несся глухой шум, легко отличаемый от гулко-го звона сосен.

– Эге! слышишь ли, хлопче? – говорит дед с детски лукавою улыбкой. – Я уже знаю: тронуло этак вот дуба, значит, хозяин ночью пойдет, ломать будет... Да нет, не ломает! Дуб – дерево крепкое, не под силу даже хозяину... [Вот как!]

– Какой же хозяин, деду? Сам же ты говоришь: буря ломает.

Дед закивал головой с лукавым видом.

– Эге, я ж это знаю!.. [Нынче, говорят, такие люди пошли, что уже ничему не верят. Вот оно как! А] я же его видел, вот как тебя теперь, а то еще лучше, потому что теперь у меня глаза старые, а тогда были молодые. [Ой-ой, как еще видели мои глаза смолоду!..]

– Как же ты его видел, деду, скажи-ка?

– А вот все равно, как и теперь: сначала сосна застонет на бору... То звенит, а то

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
стонать начнет: о-ох-хо-о... о-хо-о! – и затихнет, а потом опять, потом опять, да чаще, да жалостнее. Эге, потому что много ее повалит хозяин ночью. А потом дуб заговорит. А к вечеру все больше, а ночью и пойдет крутить: бегаёт по лесу, смеется и плачет, вертится, пляшет и все на дуба налегает, все хочет вырвать... А я раз осенью и посмотрел в оконце; вот ему это и не по сердцу: подбежал к окну, тар-рах в него сосною корягой[; чуть мне все лицо не искалечил, чтоб ему было пусто; да я не дурак – отскочил. Эге, хлопче, вот он какой сердитый!..].

– А каков же он с виду?

– А с виду он все равно как старая верба[, – что стоит на болоте. Очень похож!..]. И волосы – как сухая омела, [что вырастает на деревьях,] и борода тоже, а нос – как здоровенный сук, а морда корявая, [точно поросла] с лишаями. [ТЬфу, какой некрасивый!] Не дай же бог ни одному крещеному на него походить... [Ей-богу!] я таки в другой раз на болоте его видел, близко... А хочешь, приходи зимой, так и сам увидишь его. Взойди туда, на гору, – лесом та гора поросла, – и полезай на самое высокое дерево, на верхушку. Вот оттуда иной день и можно его увидеть: идет он белым столбом поверх лесу, так и вертится сам, с горы в долину спускается... Побегит, побегит, а потом в лесу и пропадет. Эге!.. А где пройдет, там след белым снегом устилает... Не веришь старому человеку, так когда-нибудь сам посмотри.

Разболтался старик. Казалось, оживленный и тревожный говор леса и нависшая в воздухе гроза возбуждали старую кровь. [Дед кивал головой, усмехался, моргал выцветшими глазами.]

Но вдруг будто какая-то тень пробежала по высокому, изборожденному морщинами лбу. Он толкнул меня локтем и сказал с таинственным видом:

– А знаешь, хлопче, что я тебе скажу?.. Он, конечно, лесной хозяин – мерзеньная тварюка, [это правда. Крещеному человеку обидно увидеть такую некрасивую харю... Ну,] только надо о нем правду сказать: он зла не делает... Пошутить с человеком пошутит, а чтоб лихо делать этого не бывает.

– Да как же, дед, ты сам говорил, что он тебя хотел ударить корягой?

– Эге, хотел-таки! Так то ж он рассердился, зачем я в окно на него смотрю, вот оно что! А если в его дела носа не совать, так и он такому человеку никакой пакости [не сделает]. Вот он какой, лесовик!.. А знаешь, в лесу от людей страшнее дела бывали... Эге, ей-богу!

Дед наклонил голову и с минуту сидел в молчании. [Потом, когда он посмотрел на меня, с его глазах сквозь застлавшую их тусклую оболочку блеснула как будто искорка проснувшейся памяти.]

– Вот я тебе расскажу, хлопче, лесную нашу бывальщину. [Было тут раз, на самом этом месте, давно...] Помню я... ровно сон, а как зашумит лес погромче, то и все вспоминаю... Хочешь, расскажу тебе, а?

– Хочу, хочу, деду! Рассказывай!

– Так и расскажу же, эге! Слушай вот!

II

У меня, знаешь, батько с матерью давно померли, я еще малым хлопчиком был... Покинули они меня на свете одного. Вот оно как со мною было, эге! Вот громада и думает: «что ж нам теперь с этим хлопчиком делать?» Ну, и пан тоже себе думает... И пришел на этот раз из лесу лесник Роман, да и говорит громаде: «Дайте мне этого хлопца в сторожку, я его буду кормить... Мне в лесу веселее, и ему хлеб...» [Вот он как говорит, а громада ему отвечает: «Бери!» Он и взял.] Так я с тех самых пор в лесу и остался.

Тут меня Роман и выкормил. Ото ж человек был какой [страшный, не дай господи!..] Росту большого, глаза черные, и душа у него темная из глаз глядела, потому [что] всю жизнь [этот человек] в лесу один жил: медведь ему, люди говорили, все равно что брат, а волк – племянник. Всякого зверя он знал и не боялся, а от людей сторонился [и не глядел даже на них... Вот он какой был – ей-богу, правда!] Бывало, как [он] на меня глянет, так у меня по спине будто кошка хвостом

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru пове[дет]ла... Ну, а человек был все-таки добрый, [кормил меня, нечего сказать, хорошо:] каша, бывало, гречневая [всегда у него] с салом, [а когда] утку убьет, так и утка. Что правда, то уже правда, кормил-таки.

Так мы и жили вдвоем. Роман в лес уйдет, а меня в сторожке запрет, чтобы зверюка не съела. А после дали ему «жинку» Оксану.

Пан ему жинку дал. Призвал его на село, да и говорит: «Вот что, говорит, Ромасю, женись!» Говорит пану Роман сначала: «А на какого же мне биса жинка? Что мне в лесу делать с бабой, когда у меня уж и без того хлопеч есть? Не хочу я, говорит, жениться!» Не привык он с девками возиться, вот что! Ну, да и пан тоже хитрый был... Как вспомню про этого пана, хлопче, то и подумаю себе, что теперь уже таких нету, – нету таких панов больше, – вывелись... Вот хоть бы и тебя взять: тоже, говорят, и ты панского роду... Может, оно и правда, а таки нет в тебе этого... настоящего... [Так себе, мизерный хлопчина, больше ничего.

Ну, а тот настоящий был, из прежних... Вот, скажу тебе, такое на свете водится, что сотни людей одного человека боятся, да еще как!.. Посмотри ты, хлопче, на ястреба и на цыпленка: оба из яйца вылупились, да ястреб сейчас вверх норовит, эге! Как крикнет в небе, так сейчас не то что цыплята – и старые петухи забегают... Вот же ястреб – панская птица, курица – простая мужичка...

Вот, помню, я малым хлопчиком был: везут мужики из лесу толстые бревна, человек, может быть, тридцать. А пан один на своем конике едет да усы крутит. Конек под ним играет, а он кругом смотрит. Ой-ой! завидят мужики пана, то-то забегают, лошадей в снег сворачивают, сами шапки снимают. После сколько бьются, из снега бревна вывозят, а пан себе скачет, – вот ему, видишь ты, и одному на дороге тесно! Поведет пан бровью, – уже мужики боятся, засмеется, – и всем весело, а нахмурится, – все запечалится. А чтобы кто пану мог перечить, того, почитай, и не бывало.

Ну, а Роман, известно, в лесу вырос, обращения не знал, и пан на него не очень сердился.]

– Хочу, – говорит пан, – чтоб ты женился, а зачем, про то я сам знаю. Бери Оксану.

– Не хочу я[, – отвечал Роман, – не надо мне ее, хоть бы и Оксану]! Пускай на ней черт женится[, а не я... Вот как]!

Велел пан принести канчуки, растянули Романа, пан [его] спрашивает:

– Будешь, Роман, жениться?

– Нет, – говорит, – не буду.

– Сыпьте ж ему, – говорит пан, – в мотню*, сколько влезет.

* Хохлы носят холщевые штаны, вроде мешка, раздвоенного только внизу. Этот-то мешок и называется «мотнею». – Примеч. В. Г. Короленко.

Засыпали ему таки не мало; Роман на что уж здоров был, а все же ему надоело.

– Бросьте уж, – говорит, – будет-таки! Пускай же ее лучше все черти возьмут, чем мне за бабу столько муки принимать. Давайте ее сюда, буду жениться!

Жил на дворе у пана доезжачий, Опанас швидкий. Приехал он на ту пору с поля, как Романа к женитьбе заохачивали. Услышал он про Романову беду – бух пану в ноги. Таки упал в ноги, целует...

– Чем, – говорит, – вам, милостивый пан, человека мордовать, лучше я на Оксане женюсь, слова не скажу...

[Эге, сам-таки захотел жениться на ней. Вот какой человек был, ей-богу!

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Вот] Роман было обрадовался[, повеселел]. Встал на ноги, завязал мотню и говорит:

– Вот, – говорит, – хорошо. Только что бы тебе, человеку, пораньше немного приехать? Да и пан тоже – всегда вот так!.. Не расспросить же было толком, может, кто охотой женится. Сейчас схватили человека и давай ему сыпать! Разве, говорит, это по-христиански так делать? Тьфу!..

Эге, он порой и пану спуску не давал. Вот какой был Роман! Когда уж осердится, то к нему, бывало, не подступайся хотя бы и пан. Ну, а пан был хитрый! У него, видишь, другое на уме было. Велел опять Романа растянуть на траве.

– Я, – говорит, – тебе, дураку, счастья хочу, а ты нос воротишь. Теперь ты один, как медведь в берлоге, и заехать к тебе не весело... Сыпьте ж ему, дураку, пока не скажет: довольно!.. А ты, Опанас, ступай себе к чертовой матери. [Тебя, говорит, к обеду не звали, так сам за стол не садись, а то видишь, какое Роману угощенье? Тебе как бы того же не было.]

А Роман уж и не на шутку осердился, эге! Его дуют-таки хорошо, потому что прежние люди, знаешь, умели славно канчуками шкуру спускать, а он лежит себе и не говорит: довольно! Долго терпел, а все-таки после плюнул.

– Не дождет ее батько, чтоб из-за бабы христианину вот так сыпали, да еще и не считали. Довольно! Чтоб вам руки поотсыхали, бисова дворня! Научил же вас черт канчуками работать! Да я ж вам не сноп на току, чтоб меня вот так молотили. Коли так, так вот же, и женюсь.

А пан себе смеется.

– Вот, – говорит, – и хорошо! Теперь на свадьбе хоть сидеть тебе и нельзя, зато плясать будешь больше...

Веселый был пан, ей-богу, веселый, эге? Да только после скверное с ним случилось, не дай бог ни одному крещеному. Право, никому такого не пожелаю. Пожалуй, даже и жиду не следует такого желать. Вот я что думаю...

Вот так-то Романа и женили. Привез он молодую жинку в сторожку; сначала все ругал да попрекал своими канчуками.

– И сама ты, – говорит, – того не стоишь, сколько из-за тебя человека мордовали.

Придет, бывало, из лесу и сейчас станет ее из избы гнать:

– [Ступай себе! Не надо мне бабы в сторожке!] Чтоб [и] духу твоего не было! Не люблю, – говорит, – когда у меня баба в избе спит. Дух, – говорит, – нехороший.

Эге!

Ну, а после ничего[, притерпелся]. Оксана, бывало, избу выметет и вымажет чистенько, посуду расставит; блестит все, даже сердцу весело. Роман видит: хорошая баба, – помаленьку и привык. Да и не только привык, хлопче, а стал ее любить, ей-богу[, не лгу]! Вот какое дело с Романом вышло. Как пригляделся хорошо к бабе, потом и говорит:

– [Вот] спасибо пану, добру меня научил. Да и я ж таки не умный был человек: сколько канчуков принял, а оно, как теперь вижу, ничего и дурного нет. Еще даже хорошо. Вот оно что!

Вот прошло сколько-то времени, я и не знаю, сколько. Слегла Оксана на лавку[, стала стонать]. К вечеру занедужилось, а наутро проснулся я, слышу: кто-то тонким голосом «квилит»*. Эге! – думаю я себе, – это ж, видно, «дитына» родилась. А оно вправду так и было.

* Квилит – плачет, жалобно пищит. – Примеч. В. Г. Короленко.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Недолго пожила дитына на белом свете. Только и жила, что от утра до вечера.
Вечером и пищать перестала... Заплакала Оксана, а Роман и говорит:

– Вот и нету дитыны, а когда ее нету, то незачем теперь и попа звать. Похороним под сосною.

Вот как говорит Роман, да не то что говорит, а так как раз и сделал: вырыл могилку и похоронил. Вон там старый пень стоит, громом его спалило. Так то ж и есть та самая сосна, где Роман дитыну зарыл. Знаешь, хлопче, вот же я тебе скажу: и до сих пор, как солнце сядет и звезда-зорька над лесом станет, летает какая-то пташка, да и кричит. Ох, и жалобно квилит пташина, аж сердцу больно! Так это и есть некрещеная душа, – креста себе просит. [кто знающий человек, по книгам учился, то, говорят, может ей крест дать и не станет она больше летать... Да мы вот тут в лесу живем, ничего не знаем. Она летает, она просит, а мы только и говорим: «Геть-геть, бедная душа, ничего мы не можем сделать!» Вот заплачет и улетит, а потом и опять прилетает. Эх, хлопче,] жалко бедную душу!

[Вот] выздоровела Оксана, все на могилку ходила. Сядет на могилке и плачет, да так громко, что по всему лесу, [бывало,] голос ее ходит. [Это она свою дитыну жалела,] а Роман не жалел дитыну[, а Оксану жалел]. Придет, бывало, из лесу, станет около Оксаны и говорит:

– Молчи уж, глупая ты баба! Вот было бы о чем плакать! Померла одна дитына, то, может, другая будет. Да еще, пожалуй, и лучшая, эге! Потому что та еще, может, и не моя была, я же таки и не знаю. Люди говорят... А это будет моя.

Вот уже Оксана и не любила, когда он так говорил. Перестанет, бывало, плакать и начнет его нехорошими словами «лаять». Ну, Роман на нее не сердился.

– Да и что же ты, – спрашивает, – лаешься? Я же ничего такого не сказал, а только сказал, что не знаю. Потому и не знаю, что прежде ты не моя была и жила не в лесу, а на свете, промежду людей. Так как же мне знать? Теперь вот ты в лесу живешь, вот и хорошо. А таки говорила мне баба Федосья, когда я за нею на село ходил: «Что-то у тебя, Роман, скоро дитына поспела!» А я говорю бабе: «Как же мне-таки знать, скоро ли, или не скоро?..» Ну, а ты все же брось голосить, а то я осержусь, то еще, пожалуй, как бы тебя и не побил.

Вот Оксана полагает, полагает его, да и перестанет.

Она его, бывало, и поругает, и по спине ударит, а как станет Роман сам сердиться, она и притихнет, – боялась. Приласкает его, обоймет, поцелует и в очи заглянет... Вот мой Роман и угомонится. [Потому... видишь ли, хлопче... Ты, должно быть, не знаешь, а я, старик, хотя сам не женивался, а все-таки видал на своем веку: молодая баба дже сладко целуется, какого хочешь сердитого мужика может она обойти. Ой-ой... Я же таки знаю, каковы эти бабы. А Оксана была гладкая такая молодлица, что теперь я уже что-то таких больше не вижу. Теперь, хлопче, скажу тебе, и бабы не такие, как прежде.

Вот] раз в лесу рожок затрубил: тра-та, тара-тара-та-та-та!.. Так и разливаётся по лесу, весело да звонко. Я тогда малый хлопчик был и не знал, что это такое; вижу: птицы с гнезд поднимаются, крылом машут, кричат, а где и заяц пригнул уши на спину и бежит, что есть духу. Вот я и думаю: может, это зверь какой [невиданный так хорошо кричит]. А то же не зверь, а пан себе на конике лесом едет, да в рожок трубит; за паном доезжачие верхом и собак на сворах ведут. А всех доезжачих красивее Опанас Швидкий, за паном в синем казакине гарцует; шапка на Опанасе с золотым верхом, конь под ним играет, рушница за плечами блестит, и бандура на ремне через плечо повешена. Любил пан Опанаса, потому что Опанас хорошо на бандуре играл и песни был мастер петь. Ух, и красивый же был парубок этот Опанас, страх красивый! Куда было пану с Опанасом равняться: пан уже и лысый был, и нос у пана красный, и глаза, хоть веселые, а все не такие, как у Опанаса. Опанас, бывало, как глянет [на меня,] – мне, малому хлопчику, и то смеяться хочется, а я же не девка. [Говорили, что] у Опанаса отцы и деды запорожские козаки были, в Сечи козаковали, а там народ был все гладкий да красивый, да проворный. Да ты сам, хлопче, подумай: на коне ли со «списой»* по полю птицей летать, или топором дерево рубить, это ж не одно дело...

* Списа – копье. – Примеч. В. Г. Короленко.

Вот я выбежал из хаты, смотрю: подъехал пан, остановился, и доезжачие стали; Роман из избы вышел, подержал пану стремя: ступил пан на землю. Роман ему поклонился.

– Здорово! – говорит пан Роману.

– Эге, – отвечает Роман, – да я ж, спасибо, здоров, чего мне делается? А вы как?

Не умел, видишь ты, Роман пану как следует ответить. Дворня вся от его слов засмеялась, и пан тоже.

– Ну, и слава богу, что ты здоров, – говорит пан. – А где ж твоя жинка?

– Да где ж жинке быть? Жинка, известно, в хате...

– Ну, мы и в хату войдем, – говорит пан, – а вы, хлопцы, пока на траве ковер постелите, да приготовьте нам все, чтобы было чем молодых на первый раз поздравить.

Вот и пошли в хату: пан, и Опанас, и Роман без шапки за ним, да еще Богдан – старший доезжачий, верный панский слуга. [Вот уж и слуг таких теперь тоже на свете нету: старый был человек, с дворней строгий, а перед паном как та собака.] Никого у Богдана на свете не было, кроме пана. [Говорят,] как померли у Богдана батько с матерью, попросился он у старого пана на тягло и захотел жениться. А старый пан не позволил, приставил его к своему паничу: тут тебе, говорит, и батько, и мать, и жинка. Вот выносил Богдан панича и выходил, и на коня выучил садиться, и из ружья стрелять. А вырос панич, сам стал пановать, старый Богдан все за ним следом ходил[, как собака.]. Ох, скажу тебе правду: много того Богдана люди проклинали, много на него людских слез пало... все из-за пана. По одному панскому слову Богдан мог бы, пожалуй, родного отца в клочки разорвать...

А я, малый хлопчик, тоже за ними в избу побежал: известное дело, любопытно. Куда пан повернулся, туда и я за ним.

Гляжу, стоит пан посереде избы, усы гладит, смеется. Роман тут же топчется, шапку в руках мнет, а Опанас плечом об стенку уперся, стоит себе, бедняга, как тот молодой дубок в непогодку. Нахмурился, [невесел]...

И вот они трое повернулись к Оксане. Один старый Богдан сел в углу на лавке, свесил чуприну, сидит, пока пан чего не прикажет. А Оксана в углу у печки стала, глаза опустила, сама раскраснелась вся, как тот мак середь ячменю. Ох, видно, чужала небога, что из-за нее лихо будет. Вот тоже скажу тебе, хлопче: уж если три человека на одну бабу смотрят, то от этого никогда добра не бывает – непременно до чуба дело дойдет, коли не хуже. [Я ж это знаю, потому что сам видел.]

– Ну, что, Ромасю, – смеется пан, – хорошую ли я тебе жинку высватал?

– А что ж? – Роман отвечает. – Баба как баба, ничего!

Повел тут плечом Опанас, поднял глаза на Оксану и говорит про себя:

– Да, – говорит, – баба! Хоть бы и не такому дурню досталась.

Роман услышал это слово, повернулся к Опанасу и говорит ему:

– А чем бы это я, пан Опанас, вам за дурня показался? [Эге, скажите-ка!]

– А тем, – говорит Опанас, – что не сумеешь жинку свою уберечь, тем и дурень...

Вот какое слово сказал ему Опанас! Пан даже ногою топнул. Богдан покачал головою, а Роман подумал с минуту, потом поднял голову и посмотрел на пана.

– А что ж мне ее беречь? – говорит Опанасу, а сам все на пана смотрит. – Здесь, кроме зверя, никакого черта и нету, вот разве милостивый пан когда завернет. бт кого же мне жинку беречь? Смотри ты, вражий козаче, ты меня не дразни, а то я,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
пожалуй, и за чуприну схвачу.

Пожалуй-таки и дошло бы у них дело до потасовки, да пан вмешался: топнул ногой,
– они и замолчали.

– Тише вы, – говорит, бисовы дети! Мы же сюда не для драки приехали. Надо
молодых поздравлять, а потом, к вечеру, на болото охотиться. Айда за мной!

Повернулся пан и пошел из избы; а под деревом доезжачие уже и закуску сготовили.
Пошел за паном Богдан, а Опанас остановил Романа в сенях.

– Не сердись ты на меня, братику, – говорит козак. – Послушай, что тебе Опанас
скажет: видел ты, как я у пана в ногах валялся, сапоги у него целовал, чтоб он
Оксану за меня отдал? Ну, бог с тобой, человеке... Тебя поп окрутил, такая, видно,
судьба! Так не стерпит же мое сердце, чтоб лютый ворог опять и над ней и над
тобой потешался. Гей-гей! Никто того не знает, что у меня на душе... Лучше же я и
его и ее из рушницы вместо постели уложу в сырую землю...

Посмотрел Роман на козака и спрашивает:

– А ты, козаче, часом «с глузду не съехал»?*

* «С глузду съехать» – сойти с ума. – Примеч. В. Г. Короленко.

Не слышал я, что Опанас на это стал Роману тихо в сенях говорить, только слышал,
как Роман его по плечу хлопнул.

– Ох, Опанас, Опанас! Вот какой на свете народ злой да хитрый! А я же ничего
того, живучи в лесу, и не знал. Эге, паке, пане, лихо ты на свою голову
затеял!..

– Ну, – говорит ему Опанас, – ступай теперь и не показывай виду, пуще всего
перед Богданом. Не умный ты человек, а эта панская собака хитра. Смотри же:
панской горелки много не пей, а если отправит тебя с доезжачими на болото, а сам
захочет остаться, веди доезжачих до старого дуба и покажи им объездную дорогу, а
сам, скажи, напрямик пойдешь по лесу... Да поскорее сюда [возвращайся].

– Добре, – говорит Роман. – Соберусь на охоту, рушницу не дробью заряжу и не
«леткой» на птицу, а доброю пулей на медведя.

Вот и они вышли. А уж пан сидит на ковре, велел подать фляжку и чарку, наливает
в чарку горелку и подбивает Романа. Эге, хороша была у пана и фляжка, и чарка, а
горелка еще лучше. Чарочку выпьешь – душа радуется, другую выпьешь – сердце
скачет в груди, а если человек непривычный, то с третьей чарки и под лавкой
валяется, коли баба на лавку не уложит.

Эге, говорю тебе, хитрый был пан! Хотел Романа напоить своею горелкой допьяна, а
еще такой и горелки не бывало, чтобы Романа свалила. Пьет он из панских рук
чарку, пьет и другую, и третью выпил, а у самого только глаза, как у волка,
загораются, да усом черным поводит. Пан даже осердился.

– Вот же вражий сын, как здорово горелку хлещет, а сам и не моргнет глазом!
Другой бы уж давно заплакал, а он, глядите, добрые люди, еще усмехается...

Знал же вражий пан хорошо, что если уж человек с горелки заплакал, то скоро и
совсем чуприну на стол свесит. Да на тот раз не на такого напал.

– А с чего ж мне, – Роман ему отвечает, – плакать? Даже, пожалуй, это нехорошо
бы было. Приехал ко мне милостивый пан поздравлять, а я бы таки и начал реветь,
как баба. Слава богу, не от чего мне еще плакать, пускай лучше мои вороги
плачут...

– Значит, – спрашивает пан, – ты доволен?

– Эге! А чем мне быть недовольным?

– А помнишь, как мы тебя канчуками сватали?

– Как-таки не помнить! Ото ж и говорю, что не умный человек был, не знал, что горько, что сладко. Канчук горек, а я его лучше бабы любил. Вот спасибо вам, милостивый пане, что научили меня, дурня, мед есть.

– Ладно, ладно, [- пан ему говорит. -] За то и ты мне послужи: вот пойдешь с доезжачими на болото, настреляй побольше птиц, да непременно глухого тетерева достань.

– А когда ж это пан нас на болото посылает? – спрашивает Роман.

– Да вот выпьем еще. Опанас нам песню споет, да и с богом.

Посмотрел Роман на него и говорит пану:

– [Вот уж это и трудно:] пора не ранняя, до болота далеко, а еще вдобавок и ветер по лесу шумит, к ночи будет буря, как же теперь такую сторожкую птицу убить?

А уж пан захмелел, да во хмелю был крепко сердитый. Услышал, как дворня промеж себя шептаться стала, говорят, что, мол, «Романова правда, загудет скоро буря», – и осердился. Стукнул чаркой, повел глазами – все и стихли.

Один Опанас не испугался; вышел он, по панскому слову, [с бандурой песни петь,] стал бандуру настраивать, сам посмотрел сбоку на пана и говорит ему:

– [Опомнись,] милостивый пане! Где же это видано, чтобы к ночи, да еще в бурю, людей по темному лесу за птицей гонять?

Вот он какой был смелый! Другие, известное дело, панские «крепаки», боятся, а он – вольный человек, козацкого рода. Привел его небольшим хлопцем старый козак-бандурист с Украины. Там, хлопче, люди что-то нашумели в городе Умани. Вот старому козаку выкололи очи, обрезали уши и пустили его такого по свету. Ходил он, ходил после того по городам и селам и забрел в нашу сторону с поводырем, хлопчиком Опанасом. Старый пан взял его к себе, потому что любил хорошие песни. Вот старик умер, – Опанас при дворе и вырос. Любил его новый пан, тоже и терпел от него порой такое слово, за которое другому спустили бы три шкуры.

Так и теперь: осердился было сначала, думали, что он козака ударит, а после говорит Опанасу:

– Ой, Опанас, Опанас. Умный ты хлопец, а того, видно, не знаешь, что меж дверей не надо носа совать, чтобы как-нибудь не захлопнули...

[Вот он какую загадал загадку! А козак-таки сразу и понял. И ответил козак пану песней. Ой, кабы и пан понял козацкую песню, то, может быть, его пани над ним не разливалась слезами.]

– Спасибо, пане, за науку, – сказал Опанас, – вот же я тебе за то спою, а ты слушай.

[И ударил по струнам бандуры.

Потом поднял голову, посмотрел на небо, как в небе орел ширяет, как ветер темные тучи гоняет. Наставил ухо, послушал, как высокие сосны шумят.

И опять ударил по струнам бандуры.

Эй, хлопче,] не довелось тебе слышать, как играл Опанас Швидкий, а теперь уж и не услышишь! Вот же и не хитрая штука бандура, а как она у знающего человека хорошо говорит. Бывало, пробежит по ней рукою, она ему все и скажет: как темный бор в непогоду шумит, и как ветер звенит в пустой степи по бурьяну, и как сухая травинка шепчет на высокой козацкой могиле.

Нет, хлопче, не услышать уже вам настоящую игру! Ездят теперь сюда всякие люди, такие, что не в одном Полесье бывали, но и в других местах, и по всей Украине: и

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru в Чигирине, и в Полтаве, и в Киеве, и в Черкасах. Говорят, вывелись уж бандуристы, не слышно их уже на ярмарках и на базарах. [У меня еще на стене в хате старая бандура висит. Выучил меня играть на ней Опанас, а у меня никто игры не перенял. Когда я умру, – а уж это скоро, – так, пожалуй, и нигде уже на широком свете не слышно будет звона бандуры. Вот оно что!]

И запел Опанас тихим голосом песню. Голос был у Опанаса не громкий, да «сумный»* [, – так, бывало, в сердце и льется]. А песню, хлопче, козак, видно, сам для пана придумал. Не слышал я ее никогда больше, и когда после, бывало, к Опанасу пристану, чтобы спел, он все не соглашался.

* Украинское слово «сумный» совмещает в себе понятия, передаваемые по-русски словами: грустный и задумчивый. – Примеч. В. Г. Короленко.

– Для кого, – говорит, – та песня пелась, того уже нету на свете.

В той песне козак пану всю правду сказал, что с паном будет, и пан плачет, даже слезы у пана текут по усам, а все же ни слова, видно, из песни не понял.

[– Ох, не помню я эту песню, помню только немного.] Пел козак про пана, про Ивана:

Ой, пане, ой, иване!..

Умный пан много знает...

Знает, что ястреб в небе летает, ворон побивает...

Ой, пане, ой, иване!..

А того ж пан не знает,

Как на свете бывает, –

Что у гнезда и ворона ястреба побивает...

Вот же, хлопче, будто и теперь я эту песню слышу и тех людей вижу: стоит козак с бандурой, пан сидит на ковре, голову свесил и плачет; дворня кругом столпилась, [поталкивает один другого локтями;] старый Богдан головой качает... А лес, как теперь, шумит, и тихо да сумно звенит бандура, козак поет, как пани плачет над паном, над Иваном:

Плачет пани, плачет,

А над паном, над Иваном черный ворон кричит.

[Ох,] не понял пан песни, вытер слезы и говорит:

– Ну, собирайся, Роман! Хлопцы, садитесь на коней! И ты, Опанас, поезжай с ними, – будет уж мне твоих песен слушать!.. Хорошая песня, да только никогда того, что в ней поется, на свете не бывает.

А у козака от песни размякло сердце, затуманились очи.

– Ох, пане, пане, – говорит Опанас, – у нас говорят старые люди: в сказке правда и в песне правда. Только в сказке правда – как железо: долго по свету из рук в руки ходило, заржавело... А в песне правда – как золото, что никогда его ржа не ест... Вот как говорят старые люди!

Махнул пан рукой.

– Ну, может, так в вашей стороне, а у нас не так... Ступай, ступай, Опанас, – надоело мне тебя слушать.

Постоял козак с минуту, а потом вдруг упал перед паном на землю:

– Послушай меня, пане! Садись на коня, поезжай к своей пани: у меня сердце недоброе чует.

Вот уж тут пан осердился, толкнул козака, как собаку, ногой.

– Иди ты от меня прочь! Ты, видно, не козак, а баба! Иди ты от меня, а то как бы с тобой не было худо... А вы что стали, хамово племя? Иль я не пан вам больше? Вот я вам такое покажу, что и ваши батьки от моих батьков не видали!..

Встал Опанас на ноги, как темная туча, с Романом переглянулся. А Роман в стороне стоит, на рушницу облокотился как ни в чем не бывало.

Ударил козак бандурой об дерево! – бандура вдребезги разлетелась, только стон пошел от бандуры по лесу.

– А пускай же, – говорит, – черти на том свете учат такого человека, который разумную раду не слушает... Тебе, пане, видно, верного слуги не надо.

Не успел пан ответить, вскочил Опанас в седло и поехал. Доезжачие тоже на коней сели. Роман вскинул рушницу на плечи и пошел себе, [только, проходя мимо сторожки, крикнул Оксане:

– Уложи хлопчика, Оксана! Пора ему спать. Да и пану сготовь постелю].

Вот скоро и ушли все в лес вон по той дороге; и пан в хату ушел, только панский конь стоит себе, под деревом привязан. А уж и темнеть начало, по лесу шум идет и дождик накрапывает, вот-таки совсем как теперь... Уложила меня Оксана на сеновале, перекрестила на ночь... Слышу я, моя Оксана плачет.

Ох, ничего-то я тогда, малый хлопчик, не понимал, [что кругом меня творится!] Свернулся на сене, послушал, как буря в лесу песню заводит, и стал засыпать.

[Эге!] Вдруг слышу, кто-то около сторожки ходит... подошел к дереву, панского коня отвязал. Захрапел конь, ударил копытом; как пустится в лес, скоро и топот затих... Потом слышу, опять кто-то по дороге скачет, уже к сторожке. Подскакал вплоть, соскочил с седла на землю и прямо к окну:

– Пане, пане! – кричит голосом старого Богдана. – Ой, пане, отвори скорей! Вражий козак лихо задумал, видно: твоего коня в лес отпустил.

Не успел старик договорить, кто-то его сзади схватил. Испугался я, слышу – что-то упало...

Отворил пан двери, с рушницей выскочил, а уж в сенях Роман его захватил, да прямо за чуб, да об землю...

Вот видит пан, что ему лихо, и говорит:

– Ой, отпусти, Ромасю! Так-то ты мое добро помнишь?

А Роман ему [отвечает]:

– Помню я, вражий пане, твое добро и до меня, и до моей жинки. Вот же я тебе теперь за добро заплачу...

А пан говорит опять:

– Заступись, Опанас, мой верный слуга! Я ж тебя любил, как родного сына.

А Опанас ему [отвечает]:

– Ты своего верного слугу прогнал, как собаку. Любил меня так, как палка любит спину, а теперь так любишь, как спина палку... Я ж тебя просил и молил, – ты не послушался...

Вот стал пан тут и Оксану просить:

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Заступись ты, Оксана, у тебя сердце доброе.

Выбежала Оксана, всплеснула руками:

– Я ж тебя, пане, просила, в ногах валялась: пожалей мою девичью красу, не позорь меня, мужнюю жену. Ты же не пожалел, а теперь сам просишь... Ох, лишенько мне, что же я сделаю?

– Пустите, – кричит опять пан, – за меня вы все погибнете в Сибири...

– Не печалься за нас, пане, – говорит Опанас: – Роман будет на болоте раньше твоих доезжачих, а я, по твоей милости, один на свете, мне о своей голове думать не долго. Вскину рушницу за плечи и пойду себе в лес... Наберу проворных хлопцев и будем гулять... Из лесу станем выходить ночью на дорогу, а когда в село забредем, то прямо в панские хоромы. Эй, подымай, Ромасю, пана, вынесем его милость на дождик.

Забился тут пан, закричал, а Роман только ворчит про себя, как медведь, а козак насмехается. Вот и вышли.

А я испугался, кинулся в хату и прямо к Оксане. Сидит моя Оксана на лавке – белая, как стена...

А по лесу уже загудела настоящая буря: кричит бор разными голосами, да ветер воет, а когда и гром польхнет. Сидим мы с Оксаной на лежанке, и вдруг слышу я, кто-то в лесу застонал. Ох, да так жалобно, что я до сих пор, как вспомню, то на сердце тяжело станет, а ведь уже тому много лет...

– Оксано, – говорю, – голубонько, а кто ж это там в лесу стонет?

А она схватила меня на руки и качает:

– Спи, – говорит, – хлопчику, ничего! Это так... лес шумит...

А лес и вправду шумел, ох, и шумел же!

Просидели мы еще сколько-то времени, слышу я, ударило по лесу будто из рушницы.

– Оксано, – говорю, – голубонько, а кто ж это из рушницы стреляет?

А она, небога, все меня качает и все говорит:

– Молчи, молчи, хлопчику, то гром божий ударил в лесу.

А сама все плачет и меня крепко к груди прижимает, баюкает: «Лес шумит, лес шумит, хлопчику, лес шумит...»

Вот я лежал у нее на руках и заснул...

А наутро, хлопче, проснулся, гляжу: солнце светит, Оксана одна в хате одетая спит. Вспомнил я вчерашнее и думаю: это мне такое приснилось.

А оно не приснилось, ой, не приснилось, а было на правду. Выбежал я из хаты, побежал в лес, а в лесу птички щебечут, и роса на листьях блестит. Вот добежал до кустов, а там и пан, и доезжачий лежат себе рядом. Пан спокойный и бледный, а доезжачий седой, как голубь, и строгий, как раз будто живой. А на груди и у пана, и у доезжачего кровь.

...

– Ну, а что же случилось с другими? – спросил я, видя, что дед опустил голову и замолк.

– Эге! Вот же все так и сделалось, как сказал козак Опанас. И сам он долго в лесу жил, ходил с хлопцами по большим дорогам, да по панским усадьбам. Такая козаку судьба на роду была написана: отцы гайдамачили, и ему то же на долю выпало. Не раз он, хлопче, приходил к нам в эту самую хату, а чаще всего, когда Романа не бывало дома. Придет, бывало, посидит и песню споет, и на бандуре

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru сыграет. А когда и с другими товарищами заходил, - всегда его Оксана и Роман принимали. Эх, правду тебе, хлопче, сказать, таки и не без греха тут было дело. Вот придут скоро из лесу Максим и Захар, посмотри ты на них обоих: я ничего им не говорю, а только кто знал Романа и Опанаса, тому сразу видно, который на которого похож[, хотя они уже тем людям не сыны, а внуки]... Вот же какие дела, хлопче, бывали на моей памяти в этом лесу...

А шумит же лес крепко, - будет буря!

А. К. ГОЛЬДЕБАЕВ
[В ЧЕМ ПРИЧИНА?]

ССОРА

[1]

[Сава Хлебопчук, помощник машиниста, человек, начитанный от Писания, знал из священных книг, что нет более душеспасительного дела, как д у ш у с в о ю п о л о ж и т ь з а д р у г и .

Когда же он, поссорившись с машинистом Маровым, отряс - по Писанию - прах с ног, уехал навсегда из Криворотова, где ему так было хорошо жить и служить, тогда, в вагоне, пришлось ему думать, скорбя и вздыхая, что не всякое доброе дело ведет непременно к добру. Бывают в жизни, - думал Сава, - и такие добрые дела, которые совершаются не иначе как при участии адских сил, исконным человеконенавистником - дьяволом на пагубу людей творятся. И ведут людей к потере счастья!

Разве он, одинокий и нелюдимый чужанин, не привязался всей душой к своему машинисту Василию Петровичу Марову, не полюбил его как родного отца, брата, друга... И вот что вышло после совершенного ими доброго дела! Он покинул Криворотово, где ему было так хорошо, где он рассчитывал остаться навсегда; едет в далекий неведомый край, с разбитым сердцем, с набегавшими на глаза слезинками... Не говорил он только, не признавался никому, как полюбил он своего сурового машиниста, которого все помощники ненавидели за придирчивость, а он, Сава, души в нем не чаял!.. Радовался, что Маров полюбил его; гордился даже, что ему выпала удача ездить около полугода бесценно с лучшим из машинистов депо Криворотово, с которым ни один помощник не мог проработать больше месяца... Дружба меж ними была, как будто выросли вместе, как будто и родила их мать одна! Вмешался дьявол в их добрые отношения, искусил их дружбу добрым делом, кинувши промежду них невинного ребенка, и - рухнуло все... Редкое сердечное согласие двух друзей превратилось во вражду непримиримую.

- Обидел ты меня, Василий Петрович, - шепчет Хлебопчук, ворочаясь на жесткой койке вагона, - так обидел, как никто никогда меня не обижал!.. Обманул ты мое расположение, доверие к тебе душевное не оправдал! Я ничего не скрывал от тебя, все тебе говорил откровенно, как перед богом, - всю жизнь раскрыл, все мысли мои доверил, религию объяснил. Ты же скрыл от меня в ту ночь, когда мы спасли эту девчонку, что думал, что знал, о чем замыслил. Бог тебе судья, Василь Петрович, - а обидел ты меня.

Тоскует и смигивает слезинки глубоко опечаленный Хлебопчук, едуци в неведомый край, но не счастливее и Маров, оставшийся на месте, в Криворотове, где он живет и служит уже одиннадцатый год, где ему знакома каждая собака, где у него почти столько же кумовьев, сватьев, крестников, сколько и сослуживцев... Все как будто по-старому вокруг Василия Петровича, - служба, приятели, интересы, - а не хватает чего-то! О лживом Хлебопчуке он и вспоминать не хочет. Этот хитрый хохлик втерся в его душу, как ядовитая змея, и отравил ее на всю жизнь... Когда кто-нибудь из сослуживцев, неделикатный, неспохватливый человек, заведет глупый неуместный разговор о Хлебопчуке, Василий Петрович или ругается, кляня коварного хохла, или же становится хмур и угрюм, причем злобно щурит глаза с дрожжками веками. В эти минуты Марову делается стыдно перед самим собой за те необыкновенно хорошие чувства, которые он имел сообща с Хлебопчуком, этих хороших чувств не оправдавшим, обманувшим доверчивого человека и уехавшим не простясь, бежавшим как вор, Каин-братоубивец...

Лишь в крепком подпитии Василий Петрович позволяет себе сознавать, что он скорбит по Хлебопчуке, что ему не хватает Савы... Мрачный от избытка хмеля в

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
голове, он бурдит что-то невнятное приятелю Куринову, еще более осовелому, чем он сам, что-то рассказывает, путаясь в словах, этому доброму, но недалекому человеку, что-то пытается выяснить... Осовелый кум, с трудом поднимая отяжелелые веки, слышит непонятные слова, мешающиеся с понятными и знакомыми ему терминами, но уразуметь ничего не может. Слышит он среди кумова бурдения: «бесконечность, рапорт, Сириус, девчонка паршивая, цилиндр, Лизурка, генерал в эполетах, Марс-планета, света преставление, пространство...» И только жалобно улыбается, понимая, что куму почему-то очень прискорбно от всех непонятных слов этих. Не выяснив ничего ни куму ни самому себе, вздохнет Василий Петрович и поставит безответный вопрос:

– Скажи ты мне, братец мой, отчего же так вышло? Жили мы с ним ну, как влюбленные... И вдруг, – возненавидели один другого! В чем же причина – скажи ты мне?... А?..

– Эх, кум... Плюнь, кум, – примется утешать его приятель, расплескивая вино повсюду, где не видится рюмок. – Выпьем да спать, кум... У тебя паровоз на промывке, а мне завтра с шестым ехать. Пей, кум.

Пьет Василий Петрович и смутно соображает, что все это глупости – водка там, глупые разговоры с кумом и все такое прочее... С Савой, – думает он, – было совсем по-другому...

Но отдадим читателю полный и верный отчет обо всем, что произошло между машинистом Маровым и его помощником Хлебопчуком.]

[2.] 1

Василий Петрович Маров, первоклассный машинист депо Криворотово, сорокапятилетний мужчина высокого роста, сухощавый и желчный, с небольшими, но строгими глазами, с реденькой клинообразной бородкой, непредставителен с первого взгляда, но при ближайшем с ним знакомстве внушает к себе большое уважение. Говорит он медленно, с трудом, особенно когда волнуется и начинает заикаться, но речь его весьма основательна и охотно выслушивается [даже] [начальником.] Его очень ценит начальство и уважают сослуживцы. Непрочь он с старыми приятелями выпить в свободное время, пображничать на семейных празднествах, [- в Криворотове что ни старожил, то родня остальным, сват, кум, свояк, – на именинах, кстинах, смотринах;] но на службе, на деле Маров трезв, строг к себе и к помощникам, а добросовестен как никто из сослуживцев. Среди первоклассных машинистов депо Криворотово есть люди старше Марова по летам, по выслуге, но Маров превосходит их служебной аккуратностью, знанием дела, способностью сохранять хладнокровие в опасных случаях, столь частых, столь обычных в ответственной службе машиниста. Поезда чрезвычайной важности, когда с ними едут особы, чаще всего поручаются Марову, и у него имеются благодарности со стороны иноземных и отечественных особ, благополучно проследовавших с Маровым мимо Криворотова. С своим начальством всех чинов и величин Маров держится почтительно, но с достоинством, без заискивания, в глаза забегать не любит и режет правду.

Но прямота и независимость Василия Петровича не вредит ему [во мнении ближайшего начальника, ценящего в нем добросовестность, знание дела, трудолюбие.] Строгий начальник участка тяги, Николай Эрастович Чернозуб, инженер очень дельный, на похвалу скупой, так отзывается о Марове, [когда ему случается аттестовать начальнику тяги своих «вверенных»:]

– Маров? Лучший машинист мой! Маров и Стратанович несравненные работники! У меня, слава богу, около дюжины безукоризненно отличных машинистов, но Стратанович и Маров – украшение депо Криворотово!

В особенную заслугу Марову [начальник] став[и]ят его честность. [У Василия Петровича нет рокового недостатка большинства наших криворотовских машинистов: он не жаден и скуп, почему вполне довольствуется правильным заработком, не ищет темных препентов*. Всем известно, что раздатчики топлива большие плуты, всегда готовые за трешницу утопить «?» чивого механика вместе с паровозом в казенной нефти. И право, жаль, даже стыдно, что среди наших криворотовцев-деповцев, находятяся бесстыжие люди, тайком покупают топливо, ради больших премий, в ущерб и во вред товарищам-сослуживцам. Но Маров гордо гнушается сделок с казнокрадами,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru и бессовестные сослуживцы его побаиваются.] Он гордо гнушается сделок с казнокрадами, и бессовестные сослуживцы его побаиваются.

* Так в тексте.

[Остальные же] А те, кому нет особенной надобности смущаться презрительно прищуренных серых глаз Василия Петровича, любят его, несмотря на его придирчивый ворчливый характер, уважают в нем [стойкого защитника общих интересов,] справедливого человека и верного в слове товарища. Вне службы, в компании, Маров, правда, ворчлив, но он беззлобен [он], терпеть не может ссор, дрызг, пререканий[, почему] и готов лучше уступить вздорному забияке, чем поднимать шум [и оскандаливать себя]. За полтора десятка лет, пока он служит на нашей дороге, у него не было ни одной крупной ссоры, а стычки с движенскими, неисправимыми кляузниками и сутягами, были лишь самые незначительные. Только в собственной своей семье, с женой, с детьми, к которым Василий Петрович относится так же сурово и строго, как и к служебным обязанностям, он становится неуступчиво требователен, тверд до безжалостности. – «Дай бабе волю, она возьмет две», – говорит Василий Петрович и потому не дает воли почтенной Агафье Михайловне, боящейся его как огня. Детей же, как исстари известно, надо учить, пока они поперек лавки укладываются; когда же лягут вдоль, – сами учить примутся. [И дети, хорошо выученные еще в поперечном возрасте, боятся строгого родителя и в долевом положении].

Но у безукоризненного машиниста есть крупный недостаток, причиняющий и ему самому горе и Николаю Эрастовичу неприятности: он меняет помощников чаще, чем шпилнты у букс, гораздо чаще, чем дымогарные трубы у своего отличного паровоза серии «Я», номер сороковой. Требовательный, ревнивый к делу и к благополучию своего старого друга-паровоза, суровый машинист не умеет снисходить к слабостям молодых людей, не щадит их неопытности, ест их за каждый ошибочный жест, за крошечный вентилек, не начищенный до блеска, за прядочку концов, кинутую не там, где указано, за малейшую промашку при исполнении команды по обслуживанию котла[, инжектора]... Да ведь как ест-то! – с бешеным скрежетом, с необузданными вспышками брани, с непрекращающейся воркотней, то бешеной, то, – что еще обиднее для самолюбивой молодости, – презрительной и уничтожающей! Больше трех месяцев переносить «маровскую каторгу» нет сил человеческих, как уверяют помощники. Но силы человеческие до последнего времени и не заходили так далеко – самый долгий срок службы помощника у Марова до сих пор не превышал одного, много двух месяцев.

Чаще всего назначают к Марову каких-нибудь строптивцев, заводящих контры с машинистами, и паровоз серии «Я», номер сороковой, принадлежащий Василию Петровичу, обыкновенно является последней инстанцией в службе молодого строптивца: неделя-другая «маровской каторги» – и молодой человек уже бежит к Николаю Эрастовичу:

– Заявляю расчет! Как угодно, а продолжать службу с господином Маровым никак невозможно!.. Не служба, а, надо прямо говорить, – Сибирь, ад кромешный! Лучше увольте!..

Его увольняли, а к Марову ставили следующего. Если же не находилось кандидата на увольнение, то всегда был новичок в депо, прибывший на днях, – назначали его к Марову, и через две-три недели, через месяц шла та же история: ссоры, жалобы, зубовный скрежет с одной, отчаяние с другой стороны и – неизбежный финал.

– Как угодно, господин начальник, а с господином Маровым работать невозможно!.. Лучше последним слесарем в депо быть, чем у господина Марова в помощниках...

[Николай Эрастович морщился, пожимал плечами и делал распоряжение назначить к Марову новую жертву, а сбежавшего – поместить на время в кочегары (соглашались и на это, лишь бы не быть у Марова!), или же, если была вакансия, поместить к другому машинисту.] Замарованный Маровым помощник, переместясь к другому машинисту, менее придирчивому и умеющему смотреть сквозь пальцы на дело, оказывался сносным работником, исправно служил, выходил в дело. [Далеко не один из наших машинистов, имеющих в настоящее время класс, были в прошлом у Марова помощниками, браковались им и аттестовались как безнадежные шалопаи. Но

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru замечательно, что редкий из них хранил злобу против Марова. Достигнув звания, которое их несколько равняло с Маровым, его бывшие каторжане и недруги охотно с ним дружили и наверное уважали его гораздо больше, чем других, менее придирчивых и строгих машинистов.]

Сослуживцы-старожилы, люди солидные и, конечно, кумовья, сватья, свояки Василья Петровича, время от времени пытались его усовещевать.

– И как это ты, Василь Петрович, не найдешь человека себе по нраву? Меняешь ты помощников что месяц, себя изводишь, обременяешь начальника! Ведь ты всю молодежь супротив себя восстановил!..

– Ничего поделаться с собой не могу! – сокрушенно сознавался Маров. – Не люблю беспорядка, лености на службе, недоглядок... Лучше я сам все сделаю, всю грязную работу, лучше найму парня из депо вымыть, вычистить, чем грешить с каким-нибудь негодяем, шалопаем... По-моему – как? Взятся ты за дело – сделай его так, чтобы комар носу не подточил! Ведь наша работа, други мои, – огонь, беда! Ведь не навоз, а души человеческие б озим, и ответ на себя принимаем перед богом, перед совестью!.. Потому и обязаны каждый болтик, каждую гаечку обнюхать, облизать, проверить... А ведь они что, лентяи? Языком болтать их дело, баклуши бить, да за сельскими девками бегать!.. О службе и не думают! Нет того сознания, что в каждую поездку сотню душ человеческих на верную смерть, быть может, везем!.. Терпеть не могу!..

[– Ну, это что же, ежели так сомневаться-то! – единодушно протестуют старые травленные волки. – Бог грехам терпит, а авось и на кривой везет!]

– Ежели так понимать, Василий Петрович, то и служить нельзя!.. Все не без греха[, что мы, что ремонт, что движение. Там, глядишь, паровоз не в порядке, там шпалы, там телеграфисты, стрелочники с устатку носом клюют. Не миновать бы иной раз крушения, а господь милует. Ну, тоже сказать, и помощники – у всех они не ангелы, люди, а ездим же. Где так, где не так – ладно! Бог не выдаст, паровоз не свалится!

– Вот вы так убеждены, а я не могу с этим примириться!.. И разнесчастный я человек, когда сел да поехал! – шипит где, хлябает, постукивает – душа у меня не на месте! Ну, прямо по сердцу стучит, а не то что!

Рассмеявшись сухим, неприятно-срывающимся смехом и подозрительно щуря колючие глаза с дрожащими веками, Василий Петрович признается в некотором сентиментализме, мало приличествующем опытному, ко всему притерпевшемуся машинисту...

– Слушаешь и думаешь: а что ежели пассажиры услышат...

– Ну уж, это ты того, голова, – заропщут деповские старейшины, – через край хватаешь! Придирчивость не в меру, – вот что! Этак-то на тебя и любой из нас, чего доброго, не потрафил бы, ежели бы к тебе в помогалы бог привел!..

– Пожалуй и не потрафил бы! – согласится с ними Василий Петрович с задорными искорками в глазах.]

– Вот погоди, ужо дождешься нагоняя от с а м о г о за частую мену помощников! – смеясь припугнут Марова кумовья.

– Увидим! – ответил он с легкой дрожью в голосе. – До сих пор бог хранил... Не говоря нагоняя, а даже замечания не заслужил... И за пятнадцать лет управления паровозом, слава богу, ни одного случая не было, – добавит он не без гордости.

– Еще бы у тебя да случаи! Чай ты бежишь нянчиться с своим паровозом за сутки до поезда! – хохочут машинисты.

– На людей не надеюсь, это правда, – отрежет им Маров. – А оттого и исправность.

– Мученик ты, Василий Петрович! – закончат свои увещанья старые паровозные волки, убедившись лишний раз в неисправимости Марова.

«Сам», нагоняем которого приятели попугивают Марова, то есть начальник тяги,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
лицо полумифическое и недостижимо далекое, обитающее в недоступных недрах
Управления, – этот «сам» давно уже знает о роковом недостатке Марова. Но он
умеет при случае больше Марова снисходить к недостаткам и смотреть сквозь пальцы
на слабости тех из подчиненных, которых ценит. Раза два в десятилетие,
прислушавшись к ропоту помощников, к докладам ревизоров, «сам» писал
криворотовскому начальнику своим до жесткости сжатым стилем: «Г. Нач. XI уч.
тяги. Маров слишком часто меняет людей. Потрудитесь объяснить, чем это
вызывается». И Николай Эрастович столько же раз давал ответ, приблизительно
такого рода: «Г. Нач. тяги. На надпись № 47898 и. ч. сообщить, что частая смена
обуславливается лишь строгим отношением к делу со стороны Марова. Это
безукоризненный машинист. Что же касается помощников, большинство из них
нуждается именно в строгом к ним отношении».

И «маровская каторга» оставалась в том же положении. Мучился он сам, ежемесячно
начиная одно и то же дело переделывать снова, поедом ел помощников, скрежетал
зубами и вызывал проклятия молодежи...

С годами этот маровский обычай всем примелькался до того, что на него уже не
обращали и внимания.

[3.] 2

И вот произошло истинное чудо, заставившее о себе говорить и основное депо
Криворотово, и оба подчиненные ему оборотные депо – Сухожилье и Малютино, и все
три дежурки, в которых сбились на отдых паровозные бригады трех соседних
участков:

- У Марова новый помощник ездит сряду два месяца.
- Да не может быть?! Кто такой этот страстотерпец, ежели он не черт?
- Черт не черт, а что хохол, так это верно... Хлебопчук какой-то, называют.
- Вот история-то!.. И не гонит его Маров?
- Куда тебе! Не надьшится!
- А все-таки, надо ждать, скоро прогонит...

Но за вторым месяцем прошел и третий, а новый помощник Марова, на удивление всем
трем участкам, преблагополучно оставался у Марова. Любители поспорить на заклад
пропили не мало пива и водки, держа пари, что обычная маровская история
непрерывно должна произойти через неделю, через две, через три наконец[, смотря
по уверенности спорщиков]. Но недели шли одна за другой, а необыкновенный
человек, удивительный Хлебопчук твердо стоял на своем служебном посту, – по
левую сторону котла на паровозе серия «Я», номер сороковой, принадлежащем
Марову.

- Кто он такой, этот чудесник? Что он сделал с нашим Васильем Петровичем?

Хлебопчуком заинтересовались, как истинным чудом. О диковинном молодом человеке
говорили все криворотовцы, стар и млад; девицы же бегали табунками к его окнам,
чтобы подсмотреть под покровом темноты, что он делает, чем он занят. «Чита-ат!
Чита-ат!» – [доносился до слуха Савы] слышался шепот и смех этих шпионок.

Он был чрезвычайно необщителен, приятелей не заводил; как появился в
Криворотове, так и стал сразу затворником, ни с кем не сходясь ближе служебных
отношений. Среднего роста, пониже Марова, но значительно шире его костью и
полнее, молодой человек был смугл лицом, волосом черен, скуласт и непригляден.
Широкие черные брови на низком и смуглом лбе, покрытом морщинами, старили
Хлебопчука лет на десяток; а когда он хмурил эти широкие брови, глядя понурим и
печальным взглядом темно-карих глаз, его смуглое безбородое лицо принимало
совсем старческое и мрачное выражение, не располагавшее к приятельской болтовне.
Людей он сторонился, и люди стали его сторониться, после тщетных попыток
сблизиться с ним ради выпивки, карт, девчонок. Жил он монахом, водки не пил ни
капли, в карты не играл, и все читал книги, принадлежащие лично ему, привезенные
им с собой в большом ящике, который он хранил под кроватью и держал на замке.

[Лишь изредка уступая потребности молодого организма в движении, он принимал участие в общественной игре криворотовцев – в чушки; да и то как бы против желанья: палки метал апатично, молча, без выкриков и крепких слов – без одушевления! При проигрыше не спорил, при выигрыше не зубоскалил и противника не высмеивал. Надо ли говорить, что, по нашему общему мнению, это был человек и странный и чудной, и даже несколько – того, как бы не в полном рассудке.]

Явился он в Криворотово откуда-то с юга – из Херсона или из Житомира, и поступил в депо слесарем, сдавши пробу сразу на рубль с четвертаком. А месяца два спустя, присмотревшись к людям и к порядкам нашего депо, новичок-слесарь улучил минуту, когда на паровозе серии «Я», номер 40, началась обычная история с помощником, чуть ли не сто пятидесятым по порядку, и отправился к начальнику проситься к Марову в помощники. Николай Эрастыч ушам не поверил, когда услышал беспримерную просьбу.

– К Марову? – спросил он, вскидывая глаза на понурого смуглого парня, стоявшего в почтительном отдалении у стола в начальническом кабинете. – Гм!.. А тебе известно, что Маров очень строгий и даже тяжелый человек?

– Да, господин начальник, – спокойно ответил Хлебопчук.

Инженер Чернозуб встал из-за стола, прошелся по линолеумовой дорожке взад-вперед и дал себе время подумать над необычайной просьбой слесаря.

«Работник превосходный, по отзывам монтера, – думал он о Хлебопчуке, – работник, каких не много... Если он оборвется у почтеннейшего Василий Петровича да, – что очень возможно, – смутится от неудачи, – уволится, пожалуй, и депо лишится полезного слесаря, каковых у меня весьма маловато...»

– Что же, послушай, Хлебопчук, тебе т а к хочется на паровоз?

– Да, господин начальник, – признался хмурый парень.

– Так повремени до осени, когда усилится товарное движение, – тогда можно будет тебя поместить на какой-нибудь паровоз.

Но это обещание, по-видимому, не удовлетворило просителя: он потупил глаза и не трогался с места, а на его смуглом и черном от копоти лбе заходили морщины[, свидетельствующие об усиленном движении в мозговой коробке).

– Тебе хочется непременно к Марову? – спросил Николай Эрастыч.

– Так точно, – с живостью ответил слесарь, морщины которого быстро разгладились. – Жеконский у него непрочен, – добавил он вполголоса.

– Гм! К Марову хочешь! Что ж, – отлично, – согласился начальник усмехаясь. – Жеконский действительно непрочен и, вероятно, на днях откажется ездить с Маровым. Но поладишь ли ты с ним?

– Да, господин начальник, – твердо ответил Хлебопчук[, глядя на начальника прямым и немигающим взглядом]. Судя по твердости тона и по уверенности взгляда, следовало заключить, что этот угрюмый, но бравый парень хорошо обдумал свою просьбу.

– Я был бы очень рад, знаешь... В сущности Маров далеко не злой человек, лишь строг и нервен. Угодить ему трудно, но при желании возможно: стоит только заниматься делом добросовестно, не лодырничать, точно исполнять инструкции.

– Я знаю, что это так, господин начальник.

– Хорошо. Ты уже работал на паровозе?

– Так точно. На Жабинко-Пинской... Паровоз я знаю, господин начальник.

– Ну, отлично, – поезжай с Маровым. Я скажу ему, когда уйдет жеконский от него.

– Слушаю, господин начальник.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Хлебопчук отступил к выходу с довольным видом, с ясным лбом. Чернозуб нашел не лишним, однако, остановить его для нового предупреждения, которым как бы закреплялось приятное для начальника соглашение.

– Только послушай, помни, что ты некоторым образом дал обещание твердо держаться на месте. Ты сам просишься к Марову, почему сам же будешь обязан заботиться о прочности своего положения.

– Так точно, – согласился Хлебопчук с этим выводом, глядя начальнику прямо в глаза серьезн[ым]о и уверенн[ым]о [взглядом].

Дня через три он начал ездить с Васильем Петровичем и приводить своей беспримерной прочностью всех в изумление, которое росло с каждой новой неделей его несменяемой службы у сурового, требовательного, ворчливого, невыносимого, капризного, грозного машиниста.

[4.] 3

– Хохол точно опел, околдовал этого лютого пса! – говорили помощники, визнавшие по личному опыту «маровскую каторгу». – Так обмяк, людоед, так притих, присмирел, – точно и нет его! Просто шелковый стал, злой черт! И уж на паровозе не торчит, как бывало прежде, – стал святого лодыря праздновать, собака цепная... Даже, гляди, улыбаться выучился, рожа его злющая просветлела... – Видно, – калугуром своим понурым доволен.

– Колдуны они, эти калугуришки, – вот в чем вся суть, голова. Тут как хочешь, дело нечисто. Просто–напросто опоил Марова чемнибудь хохол[, вот он и покорился ему. А ежели бы не такая штука, разве ездил бы с нашим бешеным чертом хохол!!!] Ведь, помни, пятый месяц ездит, и не то что ссориться или бы жаловаться друг на друга – водой их не разольешь!.. Тут не без колдовства, братцы!

И на самом деле, при виде Марова, значительно изменившегося к лучшему [за последнее время при наблюдении завидных отношений, весьма быстро установившихся между машинистом–людоедом и его последним помощником], мысль о колдовстве приходила сама собой в голову даже и тем из молодых криворотовцев, которые обучались в техническом и зачерпнули из кладезя неверия, вместе с геометрией и геодезией.

Василий Петрович, что ни день, становился все благодуще. Его сухощавое нервное лицо стала освещать приятная, несколько ленивая улыбка, глаза почти разучились щуриться [с задорными искорками сквозь вздрагивающие веки], а в походке, в движениях появилась солидная неторопливость человека, вполне уверенного, что его бездеятельность к худым последствиям не поведет. Угрюмый слесарь в совершенстве выполнил обещание угодить Марову, и Николай Эрастыч вздыхал спокойно: наконец–то у его любимого машиниста нашелся достойный помощник. Встретится он где–нибудь у мастерской, на платформе с украшением «депо Криворотово» и задаст ему веселый вопрос:

– Ну что, Василий Петрович, довольны своим помогал ой?

– Н–ничего, – сдержанно ответит Маров, точно боясь сглазить [избытком похвалы] своего Саву, – пока бог милостив, Николай Эрастович.

– Хлебопчук хороший работник! – с жаром похвалит скупой на похвалу Чернозуб.

– Ничего, – снова подтвердит Маров, так же осторожно. – Работник, слава богу, исправный.

И тотчас же поспешит переменить тему, заведя деловой разговор о необходимом ремонте.

– Поршневые кольца, записал я, сменить, Николай Эрастыч. У заднего тендерного ската, как я докладывал вам, выбоины в четыре с половиной мелиметра – переточить бы бандажи...

А в вечернюю пору, сидя с собственным своим помощником за составлением наряда бригад, при чем идет поминовение «вверенных», как за проскомидией, встретится

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Николай Эрастович с любезной ему парочкой сорокового паровоза и высказывает с отеческим умилением свое удовольствие юному инженеру.

– Неразлучны, голубчики! Я всегда, знаете, был того мнения, Михаил Семеныч, что не Маров причина частой смены помощников, а н е и м е н и е хороших добросовестных работников среди наших шалопаев. – Посмотрите на Хлебопчука! ездит же вот человек пять месяцев с Маровым, и – ни одной жалобы, ни малейшего неудовольствия [с той и с другой стороны]. Молодец, Хлебопчук!

Хлебопчук покорила сурового машиниста сразу, привлек к себе его сердце в первый же день, как поступил к нему под начало. Прибывавши к паровозу чуть не за три часа до расписания, как привык делать это всегда, не надеясь на помощника, Маров нашел, что его машина уже готова к отправлению, и даже глазам не поверил. Вычищен, вылощен, заправлен, бодр и свеж, молодец-паровоз мерно и спокойно щелкает, качая воздух в тормозной резервуар, и радостно вздрагивает, как сытый молодой конь, ожидающий веселой пробежки. Поднялся изумленный, не верящий себе машинист в будку, глянул придирчивым взглядом туда и сюда, потрогал тот и другой краник, – решительно не к чему прицепиться. Слез, обошел своего железного друга кругом, посматривая на работу Хлебопчука, крепившего гайки у параллелей, – все в порядке, все как следует быть... Нечего и сказать этому новичку[, если не пуститься в неуместные похвалы его внимательности, аккуратности, знанию дела]. Фонари – хоть сейчас на выставку, их рефлекторы – как серебро, стекла у ламп вычищены до совершенной прозрачности... Даже досада разобрала было в первую минуту от неожиданной необходимости молчать, не ворчать, не скрежетать зубами, даже как-то тоскливо на сердце стало от сознания, что у паровоза и дела нет никакого. Все готово! – садись, машинист, и трогай под нефть, под трубу...

Но эта легкая досада, приятная тоска бездействия была только в первую минуту и больше уже не повторялась, уступивши место чувству довольства, которое росло с каждой новой «турой» при участии добросовестного помощника. «Злая собака» Маров был отныне кроток как ягненок [«людоед» превратился в сентименталиста-мыслителя].

Строгого работника[, как он ни жесток, ни бессердечен в своей требовательности,] ничем так не разнежишь и не смягчишь, как добросовестным отношением к делу: Василий Петрович, благодаря деловитости своего нового помощника, стал неузнаваем даже для самого себя – спокоен, ровен, ясен, тих. С течением времени он до того обмяк и разнежился, что начал вдаваться в поэзию и[, за отсутствием необходимости злиться, скрежетать зубами, метаться от крана к котлу,] стал посвящать свои досуги мечтам, задушевным беседам о таких вопросах, какие прежде ему и в голову не приходили, – о далеких странах и о порядках в них, о чувствах и предчувствиях, о звездах и беспредельности божия мира, о судьбе человека здесь и на том свете...

Подчас, сидя в зале первого класса, – а за последнее время у него, благодаря Хлебопчуку и свободе, нередко являлось желание покичиться перед сослуживцами своей бездеятельностью и посидеть, в ожидании звонка, за бутылкой пива, – подчас он подвергался незлобивым насмешкам кумовьев и сватьев, и не прищуривал глаз, не метал искорки, не гневался, как это было раньше, во спокойно выслушивал насмешки, зная, что его удаче завидуют.

– Сидишь? – подмигнут на него машинисты. – Паровоз-то бросил?

– Сижу, – ответит не торопясь Василий Петрович. – Не все вам одним лодырничать, пришел и мой черед.

– Крепостного нашел!.. Ва-ажничает!.. «Я ли, не я ли, гуляю в вокзале»... Беги скорее к машине! Савка твой паровоз на кругу свалил.

– Ну и ладно... Он, брат, порядки-то не меньше вас знает и без машиниста с места не тронется.

– Когда прогонишь хохла-то?

– Что мне его гнать-то? Дай бог вам таких хохлов!..

– Что говорить, парьнина завидный, – переменит тон насмешник. – Уж недаром, братцы, пошвыркивал народом как щепками наш Василь Петрович! вот и дошвыркался

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru до заправского человека... А теперь, вишь, важничает.

– Хитрый!.. Он потому и баталился век с помощниками, что дожидался, когда Хлебопчук припожалует... Не стоишь ты, сварливец, такого помощника!

– Вот видно стою, ежели у меня прижился.

– Прижился! Велика важность! Поманить только пальцем! – сейчас же от тебя, тирана, к кому угодно перейдет с удовольствием...

– Помани-ка! – подзадорит Василий Петрович с загадочной усмешкой.

– А что, старики, давайте отобьем у Марова Саву! – предложит кто-нибудь из кумовьев, при дружном смехе остальных.

Смеется и Василий Петрович. Но в то же время у него проскальзывает тень беспокойства на лице[, взгляд тускнеет, а блуждающая улыбка становится еще загадочнее].

– Нет, господа, не удастся вам это! – говорит он едва слышно и как-то растерянно.

– Почему? Клятву что ли дал он в верности до гроба? – хохочут машинисты.

– Клятвы не давал... А от меня не уйдет, – закончит Маров, потупивши глаза и хмуря брови.

[– Ну, и чудопляс же ты, Василий Петрович! – закончат и кумовья, смеясь. Но тотчас же поспешат переменить щекотливую тему и заведут речь о другом.]

На чем основывал Маров свою уверенность, что Хлебопчук от него не перейдет к другому машинисту? – он и сам не отдавал себе в этом отчета. Помощники с машинистами ничем, кроме службы, не связаны; продолжительность их совместной службы в большинстве случаев не длится свыше трех лет – вполне солидный срок для приобретения права экзаменоваться на управление паровозом, и помощнику надо быть феноменальным тупицей, если он и четвертый год остается на том же месте. А Хлебопчук, по отзывам самого Василья Петровича, настолько солидно знал паровозное дело – ремонт, управление, казуистику случайностей, инструкции, что ему можно было безбоязненно поручать паровоз в пути и спать спокойно. Таким образом, Хлебопчук, случись нужда в машинистах, мог получить завтра же от Николая Эрастовича приказание отправиться в город на экзамен и вернуться оттуда с правом на управление паровозом на маневрах, чем и обуславливалась бы неизбежная с ним разлука. И, тем не менее, Василию Петровичу думалось, что последний его помощник не уйдет от него, чувствовалось, что они с Хлебопчуком неразлучны!..

Почему? В чем причина?..

Среда, воспитание, трудовая жизнь с малых лет, ответственная служба, полная роковых возможностей, – все эти условия не приучили Василья Петровича к самоуглублению, к умению находить объяснение сложным явлениям мира внешнего и внутреннего, давать самому себе последовательные ответы, которые удовлетворяли бы собственную любознательность, успокаивали бы тревогу сердца и ума, подчас тяжелую и неразрешимую. За свои сорок пять лет машинист Маров, как и всякий поживший человек, немало сталкивался с необъяснимыми случаями, с явлениями, которые ставили в тупик, с собственными чувствами и побуждениями, сила которых была и ясна и властна, а происхождение загадочно; но, как и большинство из нашего брата, криворотовцев, – разгадок найти не мог и отходил к своему будничному делу с налетом недоумения на душе. Там прервал счастливую жизнь пулей богатый молодой человек, тут разошлись прочь муж и жена, прожившие душа в душу полсотни лет; там у почтенного, всеми уважаемого отца вырос сын негодяй [и каторжанин], тут богобоязненный муж и примерный семьянин, честно доживши до старости, начал пить и развратничать... Отчего? В чем причина?

Так же не мог он объяснить и своей уверенности в Хлебопчуке. Чувствовалось ему, что меж ним и его последним помощником возникла связь, несколько не похожая на обычную приязнь с кумовьями, сватьями, сослуживцами и добрыми собутыльниками; чувствовалось, что не нужно о ней рассказывать добрым собутыльникам, так как и

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru не расскажешь им толком, в чем вся суть, в чем заключается непонятная и самому ему приятность общения с «хохликом», задушевной с ним беседы, касавшейся таких предметов, о которых Василию Петровичу еще не приходилось рассуждать с кумовьями-сослуживцами... Надо сознаться, что всем, знавшим Василья Петровича за человека очень умного, – по нашей, криворотовской мерке, – очень «сурьезного», казалась странной, удивительной, ч у д н о й его необыкновенная нежность к угрюмому хохлику, ведущему затворническую жизнь, избегавшему общества, вина, табаку, женщин, читавшему какие-то книги, – к человеку «маленечко того», одним словом, не в полном рассудке [находящемуся]; и эта общественная оценка не ускользала от сознания Василья Петровича, педагогически невозделанного, но очень чуткого; и она оказывала свое влияние, затрудняя попытки найти ответ на вопрос: в чем причина, что ему так мил и дорог его последний помощник, и – почему он так хочет верить, что с Хлебопчуком они неразлучны?

[5.] 4

На паровозе, в шестичасовые «туры» из конца в конец участка; на больших станциях, в получасовые остановки; на малых; полустанках, разъездах, платформах, где почтовый стоит от одной до десяти минут; в дежурках, наконец, где приходится часами ожидать обратной «туры», – пользуясь каждым случаем уединения вдвоем, без помехи со стороны других ожидающих, гуляя по полю, если есть в дежурке эти другие, купаясь или забираясь с Хлебопчуком в уютную тень рожицы, Василий Петрович говорил, говорил с своим помощником и, казалось, не мог наговориться.

Медленно, не спеша, с длинными паузами, ставил он Хлебопчуку вопросы, каких никогда и никому другому не ставил, затрудняясь с выбором слов[, чтобы яснее оформить неясную для самого себя, но часто мучительную мысль,] и [еще более того затрудняясь] непривычной, головоломной и изнурительной работой размышления; медленно, спокойно, с такими же длинными паузами, давал Хлебопчук [посильные] ответы[, нередко являвшиеся как поучительные откровения для него самого и заставлявшие его самого надолго задумываться над новизной, над по разительностью вывода, случайно пришедшего в воспринявший ум, согретый теплотой разделенной симпатии]. Для одинокого чужанина Сава эти задушевные беседы с Васильем Петровичем были трогательны, как добрая, сулящая привет улыбка для сироты; для Марова же они являлись какой-то мучительной отрадой, которая терзала ум и душу, опьяняя их и томя... [Нет надобности выписывать подробно вариации их размышлений над вопросами, томящими всех, и малых, и великих, великих – глубже, малых – сильнее: как и слова любви, эти вопросы о вечном всегда одни и те же, и их тираническая поэзия знакома каждому, кто хоть однажды в жизни урвал для них минуту от будничной прозы, корысти, битв, житейских треволнений.]

Возвращаясь домой, в Криворотово, «снявшись» с паровоза, они замолкали для этих бесед на все время, пока домовничали, и каждый из них вел свою отдельную жизнь, почти не встречаясь друг с другом. Но тем охотнее, тем любовнее стремились оба к другу-паровозу в предписанный нарядом час их поездки, тем сердечнее было их торопливое, как бы стыдящееся собственной теплоты рукопожатие, которым они молча обменивались, сойдясь у котла их паровоза, после целых суток разлуки. И они снова говорили, говорили, опьяняя друг друга музыкой голосов, согретых обоюдной симпатией. И их сердца бились повышенным, облагороженным ритмом.

Из этих интимных и задушевных бесед выяснилось между прочим для Василья Петровича, что его помощник не нашей веры, что недавно еще он был счастлив в жизни и что в настоящее время у него разбито сердце: дифтерит отнял у него жену, которая была ему «по совести», и двоих детей, которых он «так любил»... Когда Сава, глуша волнение порывистой возней с поддувалом, выжимал из горла признания в неутешном горе, Василий Петрович не сумел побороть досадной «бабьей» слабости и высунул голову на волю, чтобы смигнуть слезы... Срзди продолжительного молчания, наступившего за этой гнетущей минутой, у Василья Петровича впервые появилась теплая мысль утешить как-нибудь разбитое сердце бедного сироты... И, лучше всего, утешить таким способом, который закрепостил бы это сердце ему, Василью Петровичу – выдать за Саву старшую дочь Лизурку, когда ей выйдут года, то есть года через полтора. [Мысль эта зрела и лелеялась до самой роковой минуты, превратившей в непримиримую вражду их сердечную взаимность.] Сообщать Хлебопчуку этот план Василий Петрович до поры до времени не желал; но мысль породниться с симпатичным человеком пришла так по душе, что не останавливала православного христианина-церковника даже перед соображениями о разнице вероисповеданий.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Хлебопчук по-дружески доверчиво открылся Марову в том, что находил необходимость тщательно скрывать от всех: Маров знал, что его помощник верует в Господа Вседержителя, признает Сына Божия, Святую Деву, Апостолов, но молится не по-нашему, в церковь не ходит и принадлежит к секте, которую строго преследуют урядники, так как ее последователи не приемлют многого из нашего закона, [не крестят детей до возраста,] не зовут попа для совершения треб, - сами брачатся, сами напутствуют покойников... Жутко [было возросшему под сепию матери-церкви] православному вообразить самого себя на месте еретика-отщепенца! [Угрюмая судьбина Савы напоминала Василию Петровичу сиротливую будару-душегубку, затерявшуюся в безбрежном океане-жизни, вдали от спасительных, уповательно ликующих и в самых надгробных ликах, торжественных обрядов нашей веры; конец же этой безрадостной жизни пугал воображение сходством с кончиной какого-то отверженного существа, которое спешат тайком и молча забросать землей, где-нибудь в глухом безлюдном месте... «Без церковного пения, без ладана, без всего, чем могила крепка», - как сказано у Некрасова, стихи которого Василий Петрович любит и в редкие минуты настроения вспоминает.]

Но чувство симпатии пристрастно и лицепрятно; [оно находит кассационные поводы и в самом преступлении любимого человека: как ни жутки были для сыновнего сердца церковника признания во вражде с матерью-верой,] как ни страшна казалась вражда Савы с церковью, в сердце Василия Петровича нашлось, однако, оправдание еретика-другу, и именно в том, что он был образцом высокой нравственности. И все они, эти еретики, по описаниям Савы, оказывались таковыми же, как и он, так что высоконравственный Сава не составлял исключения, - все они жили дружно, честно, трезво, все готовы были жертвовать последним ради братской поддержки ближнему, кто бы он ни был, свой или чужой, гонимый [ли, как они сами,] или гонитель [ли, как иноверец-урядник]. Их любили и уважали соседи всех вер - немцы, поляки и русские, их жалело начальство, обязанное гнать их и преследовать, а урядник, случалось, прежде чем наскочить на их мирное стадо, спешивался с коня и в тише ночной подходил к их околице, чтобы шепнуть о своем завтрашнем наскоке. Так признавался другу-машинисту Сава, бесхитростный, прямой мужик, а Василий Петрович слушал дружеские признания достойного честного человека, искренно им любимого, и думал:

«Нет слов, они навряд ли попадут в царство небесное, - хоть бы хлебопчук и другие прочие, его веры... В церкву не ходят, живут без причастья, хоронят - не отпевают, детей растят некрещеных... Ну только то сказать, что все это - дело их совести, на все на то, чего они не исполняют, у них есть резон, в ответе же перед богом не кто иной, как они сами. Что же касается остального прочего, то люди они такие, каких поискать - не найдешь. Взять хоть бы Саву опять же: что добрый, что скромный, что трудящий... Поищи-ка таких среди наших, православных! [Что из того, что он молится господу богу не по-нашему, ежели он ведет богобоязненную жизнь! - может быть, он больше угоден богу, чем архиерей иной... Ничего этого нам неизвестно, и в чем причина, - господь ведает!..»]

Всего же больше нравилось Марову в Хлебопчуке то, что Сава был так ли сяк ли сведущ во многом, чего совершенно не знал Василий Петрович, и о чем ему приходилось впервые думать и рассуждать лишь при разговорах с его последним помощником. Чужанин-раскольник, угрюмый и молчаливый со всеми, кроме Марова, жил и в Немцах, и в Турции, и среди венгерцев, сталкиваясь с людьми разных стран и наций, степеней развития и политических окрасок, а, между прочим, и с теми из русских, кому вольготнее живется, по их политическим или религиозным особенностям, у соседей, чем дома. Таким образом, землепроходцу Саве было о чем порассказать любознательному другу-домоседу, с которым так приятно складывалась беседа, так хорошо думалось вслух. Сава описывал Василию Петровичу, насколько сам это знал, по слухам и по книгам, как живут люди в разных землях, в Америке, даже в Австралии, как там понимают рабочего человека, какие там существуют веры, обычаи, нравы и диковины. Сообщал иногда, к разговору, такие факты из текущей жизни России и из ее истории, которые в газетах не напечатаны, в хрестоматиях и летописях не упомянуты, но которые, дойдя окольным путем до слуха нашего брата-криворотовца, заставляют воскликнуть: «Та-та-та!.. Во-от оно в чем штука-то!..» [Но подобного рода восклицания, так и самые факты, вызывающие почти испуг, допустимы лишь при разговоре с друзьями и к откровенности с собутыльниками не поощряют, почему Василий Петрович и не вынес ни разу сору из избы даже тогда, когда с Хлебопчуком разошелся навеки...]

Еще и еще больше, чем эти запрещенные предметы, еще глубже их и сильнее волновали Василия Петровича беседы о том, что позволено к обсуждению всем, что

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
нигде и никем не запрещено и тем не менее никому и никогда недоступно, ото всех
и навсегда сокрыто, – о тайнах мироздания, о загадочных светилах, рассеянных в
пространстве, о головокружительном, леденящем умы представлении бесконечности.

[Эти не запрещенные, но опасные сами по себе вопросы, по-видимому, всегда
занимали Хлебопчука столько же, как и неудобоисповедная вера, причинявшая
беспокойства, заставлявшая его быть всегда настороже: он довольно много читал об
этих вопросах, он в них был сведущ, насколько можно быть сведущим в том, чего
никто знать не может.) Бледнея от душевной муки и закрывая глаза, говорил он о
расстояниях между Землей и ближайшей к ней звездой, какой-нибудь Вегой, попутно
объясняя, как мог, как умел, и способы, которыми определяли астрономы
расстояния, не постигаемые умом простых людей; и с горячим благоговением вполне
убежденного человека он утверждал, глядя на звезды, что люди Земли не одиноки в
мироздании, что за миллионами миллионов верст у нас есть соседи, наши подобия,
но лучше нас и, быть может, милее для Создателя, чем мы, злые и грешные дети
Земли... С знанием дела рассказывал он также о Луне, о Марсе, о Сириусе, которого
считал солнцем тех планет, что окружают Сириус, оставаясь незримыми для нас, за
дальностью расстояния...

Такие речи были для Василия Петровича не только новы, но и мучительно
привлекательны; они вспугивали и терзали его ум, заставляя сердце замирать от
ужаса и наслаждения, как от взгляда в бездонную пропасть. Ни о чем таком он не
задумывался никогда, до близкого знакомства с Хлебопчуком, до задушевных бесед с
ним. Читал он мало вообще, а о каких-либо фламарионах не имел понятия даже и
понаслышке. И речи Савы открыли перед ним новый, необъятно бесконечный мир,
полный и ужаса, и наслаждения.

Когда он в первый раз, под впечатлением разговора о вселенной, отдался мысли о
страшной бездне, называемой пространством, ему пришлось распротиться с мыслью
[о необходимом] об отдыхе и провздыхать всю ночь[, ворочаясь с боку на бок! – он
боялся, что к утру сойдет с ума от мучительной думы].

– Иу, хорошо, – рассуждал он сам с собою, среди темноты и тараканьего шороха, –
ну, пускай, оказался конец этому пространству – коробка такая громадная[,
цилиндр, в котором мы, земля с луной, солнце и все прочее... И хорошо бы оно,
кажись, спокойно, ежели оказался конец, – голова не ноет. Так вот нет же! стой!
погоди!]. А за коробкой что?.. Опять пространство, которому конца нет?..

Тупая тоска [отчаяния,] леденила сордце. Василий Петрович шептал[, стеная]:

– Как же это так?! Почему же?.. В чем же причина?

Две-три «туры», захватывающие ночное время, он боялся наводить беседу на
страшные вопросы, не смел поднять глаз к таинственной бездне, разверзавшейся над
ним и над землей в торжественно грозном уборе неисчислимых загадок-светил,
сиявших как крупные бриллианты, – тогда как Земля, по словам Савы, была видна
жителям тех далеких миров лишь едва заметной бледно-голубой звездочкой... [Но
влечение к бездне побороло ужас перед нею, и у Василия Петровича снова возникло
желание муки для ума, жажда фантазмагорий о населенных светилах, которые
указывал поименно его мечтатель-помощник.]

– Господи, твоя воля! – говорил Василий Петрович уже без трепета, с тихой
покорностью человека, примирившегося с неотстранимым ужасом, и следя за
указующим перстом Савы[, подъятым над его головой.]. – Творец всемогущий!..
Неужели же – и там... Такие же, к примеру, люди, города, луга, рощицы?.. И поезд,
быть может, так же стоит на станции, и механики, как мы, которые смотрят на нас
и разговаривают о бледной [м и н и а т ю р н о й] звездочке!.. Ума помраченье!..
Неужели же, Сава Михайлыч, жительствоуют и там божи твари?

– Для человека невозможно, для бога же все возможно! [– устранил Сава священным
изречением последние крупичи неверия своего начальника-друга.]

– Ну, страшно подумать обо всем об этом, Сава Михайлыч! [– снова поднимал голову
Маров. –] Взять хошь бы то: нет конца!.. [Что за чудо такое?] Как это мы об этом
не подумаем, не вспомним, не закручинимся?! живем себе[, суетствуем] и не
замечаем... Взяти бы хоть то в соображенье, – поезжай, к примеру, курьерским
сотни, тысячи лет, и все – пространство, пространство, и нет ему конца!.. В чем
же причина, господи ты, боже ты мой?

– Сокрыто от нашего ума создателем! – отзывался на этот тоскливый вопрос Сава и, глубоко вздохнувши, принимался за работу у котла. Разговоры прерывались гулким шумом бегущего паровоза, до следующей остановки, ко времени которой прикапливались в голове Василья Петровича новые вопросы, новые сомнения и тревоги души, терявшей равновесие.

– А как же, Сава Михайлыч, теперича с сошествием Христа на землю? – встревожится вдруг Маров, глубоко обеспокоенный религиозными сомнениями. – Неужели и там то же самое было? – укажет он на звезды. – И, опять же, кончина мира, второе пришествие... Там-то как же?

– И это сокрыто господом от ума человека! – ответит Сава с новым вздохом сокрушения и смирения.

– Гм!.. Мученье, да и только, как начнешь думать!.. Ну, а что же в книгах касательно этого пишут?

– Что же можно писать о том, чего никто, кроме бога, не знает! Понаписано, известно, всякое... Книги от людей, от ума человеческого, а он слаб и короток. Многие от него сокрыто, и, разумеется, для того ради, чтоб не оробел...

Заметивши же, что его ответ, не устраняющий и его собственных сомнений, нисколько не удовлетворил тревожной пытливости товарища, Сава добавит, хмуря брови:

– Грешно и пытаться дознать, что отец наш небесный поволит сокрыть от нашего разума!

– Ну, как же так грешно, Сава Михайлыч, – протестует Маров кротко. – Почему же грешно?.. Взять, к примеру, с э[с]тими самыми жителями на звездах: тоже ведь нет от господа бога никаких разъяснений, что там существа существуют, а вот дознались же!

– Не дознались, Василь Петрович, – поправляет его Сава, – не дознались, а выходит так по нашему разуму. Потому как невозможно, чтобы всемогущий не насоздал иных прочих планет и тварей, лучше нас во много крат... И в Писании говорится: «Утверди воды превыше облак». А ежели – воды, то и все прочее должно быть. Потому как вода – жизни начало. Хочется думать, что создатель, ради своей славы, без конца творил... [Не одних же ж таких гадин, как мы многогрешные, сотворил всемогущий да и ископился!]

Долго молчит Василий Петрович, соображая то, что услышал от мудрого и уважаемого Сава Михайлыча, – иногда целый перегон не молвит и слова. Кропотливо взвешивает его слова, старательно обдумывает случаи из собственной жизни, переживая их памятью при новом, звездном и бесконечном свете, загоревшемся для его ума благодаря новому помощнику, разбирает поведение и будничную жизнь сватьев, кумовьев и прочих наших криворотовцев, не исключая и самое начальство... И, наконец, скажет, – как будто их беседа и не прерывалась долгим молчанием.

– Да!.. Это верно: гадины мы! И действительно, что из-за нас одних, мерзавцев, не стоило и огород городить!.. Не стоим мы и внимания господнего по нашей по низкости характера... Тьфу! – плюнуть и растереть! – вот мы какие, люди...

Но у мечтателя Хлебопчука, творящего словами над душой Василья Петровича чудеса и то повергающего ее в бездну отчаяния, то восхищающего на седьмое небо восторга, готово уже утешение в горестности безнадежного вывода, к которому привели Василья Петровича его думы; и он спешит преподать это утешение, веря от всего своего мечтательного сердца в сбыточность собственных надежд на лучшее будущее.].

Господь ведет все к лучшему, а не к худу, – [говорит] продолжает он, закрывая глаза [от приятности своих домыслов]. – Теперь[-то как:] мы грешны и злы, и не любим, а ненавидим своего брата. А в будущем все переменится, люди сделаются как ангелы, станут сильно любить друг друга, избегать зла. Подивитесь, что было до нас за долгие годы, как себе жили люди, наши прародители: разве ж это люди были? Дикари, безбожные людоеды!.. Потом уже стало с ними лучше – пошли и пастыри, и хлеборобы. После того – письма появились, законы, храмы, святые мученики,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru которые за своих братьев на смерть шли... Теперь же, посмотрите, все стали уже вместе, сообщая: русский, поляк, еврей, немец; все стали сообщая думать: неже воевать, надо всем поломать и побросать оружие, провались оно в пекло!.. О справедливости стали думать, помогать тем, кого постигла лихая година, кормить голодных, прибирать сирот. А в будущем такое будет, что мы и подумать не можем. Как ангелы люди станут, милый мой Василь Петрович!

– Дай-то боже, дай-то боже! – благоговейно молит Маров[, всегда готовый отвести в своем сердце самое просторное место всем мыслям и словам симпатичного человека.

«И очень даже просто! – убеждает сам себя Василий Петрович, размышляя о возможности «в предбудущем» людей «как ангелы». – Почему бы и не так? Один, другой начнут появляться хорошие люди, – гляди и набралось!.. Разговаривать промеж себя станут, задумываться... И – все об умственном, о божеском, а не об одних только поверхностных или о волкодаве, о выпивке да, к примеру, о том еще, кого из молодежи у Немцевичихи ее муж застал... Теперь, пока что, вот они – двое, с Хлебопчуком; а там, глядишь, пойдут присоединяться и прочие, которые из машинистов получше: Курунов, хоша бы, Шмулевич, Кроль, Стратанович опять же... И – пойдет, и пойдет... Будут калякать, допытываться, – как? по какому случаю? в чем причина?... А в последствии времени скажут друг дружке: «И что это, братцы, мы все одними пустяками живем? Пьянство да пересуды, карты да дрязги!.. Давайте примемся жить вот так и вот этак...» Ну и будет все по-новому, по-другому, по-божески... И очень просто!»

Такие мечтания, навеянные поэмами Савы о лучшем будущем,] Такие разговоры усугубляли мирное блаженство Василья Петровича, [с признательным чувством] сознававшего, что его собственная жизнь при новом помощнике идет по-другому, по-новому, – более по-божески, чем раньше, при целой сотне прежних помощников; самая наличность Савы, одно лишь появление такого примерного человека уже служило порукой, что жизнь может быть гораздо приятнее, чем она есть, что не все люди сплошь «так себе», «пустельга одна», как это думал Василий Петрович раньше, наблюдая кумовьев Куруновых, мученски мучась с прежними помощниками. Не могло быть даже и сравнения никакого между этим, и умным и дельным, по-внешности хмурым, неласковым, душой же как ребенок нежным хохликом, и теми, до него мелькавшими тут, как частокол. Те ведь – что? болтают, бывало, глупости, сальности разные... А надоест слушать, да оборвешь – нахохлятся, грубить, задирать машиниста начнут... Вместо того, чем бы дело делать, примутся высчитывать, сколько пробегу нагнали, да скверноматерски ляять счетоводов, что будто бы они всегда врут в списках на поверстные... Ну, соображают, да по пальцам кумекают, заместо дела, а форсунка гаснет, а в потолке того и гляди пробки расплавятся... Как же не грех-то с ними, с негодяями с подлыми?... Изозлишься, возненавидишь – бить готов подлеца!.. Супротив своей души вынужден иной раз подать рапорт, что помощник к черту не годится!.. В болезнь, мерзавцы, вгонят, совесть, душу испоганят всю, жизни, детям не рад станешь, бывало!.. А ведь этот, Сава – чистый ангел божий!.. Теперь, с ним – что в пути, что после туры, дома, как после теплой молитвы сознаешь себя... На душе легко, дурных мыслей нет, все люди приятны... Даже о выпивке в голову не приходит... Идешь домой как от обедни!.. Да и дома-то, в семье, все стало по-другому при нем, при Саве, – тихо, дружно... Инда жена, Агафья, стала дивоваться, хе-хе!.. А ввиду чего? А все ввиду того, что сам не раздражен, не бесишься, землю не грызешь, ну и снисходишь...

[«И слов нет, люди очень могут быть в предбудущем как ангелы. Довольно даже просто!»]

Умиленный и счастливый, оглянется иной раз Василий Петрович на тьму ночи, пресыщенную теплым благоуханием лугов, на пурпурную ленточку зари, просквозившую на горизонте; обведет нежным родительским взглядом будку своего сердечного друга-паровоза, где все чинно, все в порядке, все блестит и радуется, благодаря золотым ру[чень]кам Савы; прислушивается изощренным ухом к ровному и уверенному ходу любимца, в металлическом организме которого знакома ему каждая жилка, со всеми своими добродетелями, желаниями, капризами, причудами, и вздохнет от полноты сердца благодарно, сам завидуя собственному счастью.

И, конечно, проскользнет иногда, как та пурпурная полоска на горизонте, напоминающая, что благоухание теплой ночи не вечно, – проскользнет тревожная дума о том, что же будет дальше с их мирной как ночь и как ночь боящейся света сердечной дружбой? Сохранятся ли их на диво прекрасные, [до жуткого] нежные

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru отношения, их беседы и согласие во всем, когда Сава, быть может и очень скоро, покинет маровский сороковой для собственного, какого-нибудь истрепанного чумазля-паровоза, сосланного за ветхостью на маневры... Но переход Хлебопчука в маневровые – полбеда; он останется тут же, с ним можно будет сходить в свободное время, чтобы поговорить, посоветоваться... Лишь та неприятность произойдет, что Василий Петрович потеряет редкостного помощника, которому подобного уже никогда не найти. А другой разговор, ежели Сава, как некоторые прочив, из молодых, уйдет совсем из Криворотова, соблазнившись заработками на новых местах. [Человек-то он уж бесконечно больно хороший, а хорошие люди что-то к месту не прирастают: порывает их все куда-то дальше да дальше... Вот уж если он уедет, тогда...]

– А что, Сава Михайлыч, – поставил вопрос ребром Василий Петрович [как-то незадолго уже до их разрыва]. – На что вы располагаете в предбудущем? Я к тому, что вот теперь, с проведением Китайской пути, вся молодежь вообще на эту путь устремилась... Зарботки там, слышь, [а]громадные, народ, манжурцы эти самые, простой да праховый... Так что, говорят, можно большие капиталы без труда в тех местах приобрести... Известно, ежели в душе совести нет, а у рук пальцы загрибистые... Так вот и – того?... Как, мол, вы касаете этого? Может, на новую путь располагаете в скором времени?

На этот вопрос, и хитро-хладнокровный, и ревниво-жесткий в одно и то же время, Хлебопчук дал твердый ответ, без тени колебания, приведя им в восхищение Василия Петровича, тревога которого сразу уступила место душевному довольству. [Сава начал издали, с критики положения, высказанного «предыдущим оратором».]

– Оно, видите ли, какая штука, Василь Петрович, – начал Сава, нравоучительно хмуря брови на масленку с длинным носиком, – в рассуждении того, что без совести на новых местах легко деньги заробить, то оно везде так, не токма в Манжурии. Человеку ж, который душой дорожит и бога боится, можно без греха, с пользой для людей и души коротать век и там, в той сам[исеньк]ой Манжурии: народы там темные, истинного бога не знают, веры не имеют ни настоящей, ни испорченной. И коли есть доброе желание у человека, он может там апостолом своей святой веры стать. Дело это великое, богу угодное... Только то сказать, – Сава понизил голос и опустил голову, – не каждый вместит... «Могий вместити да вместит...» [А коли есть который человек игоистом, тот о себе, о своем несчастье думает и вместить того не может. И г о на том человеке сатанинское, и шкодит о н о ему.]

Он сокрушенно вздохнул, поставил на место масленку, сел и, вытирая руки, [прядочкой концов, перешел уже непосредственно к ответу.], продолжал:

– Сам я в божьем свете, как есть – сирота... Ни у меня родных, ни – близких... Куда мне ехать, чего мне искать, коли здесь хорошо! – Для меня то есть хорошо. Много уже я поблуждал по свету, видел уже всякое... И коли господь мне привел найти людей по совести, дай бог не загубить, не потерять их. От добра же добра не ищут, известно. Люди тут хорошие, начальник справедливый, служба нетрудная, профиль пути легкий, по ровному степу, а оттого и заработок – слава богу. Мне же не много надо! Сам, один кругом, горелки не употребляю, разных там привычек да выкрутасов панских не имею... Буду служить тут много лет, коли не погонят, прикоплю гроши и куплю хутор малюсенький. Земли тут добрые, большого ухода не просят, а коли стараться – урожаи богатые. Велит бог, чтобы оно так и вышло, как гадается, – лучше и не [треба] нужно. Пускай только душа будет покойна, – буду жить тихо, мирно... [И на какой ляд мне та Манжурия, заведи ее трясушка? – весело закончил Хлебопчук, с усмешкой, мило и ясно осветившей его смуглое печальное лицо.]

«Чего лучше! – думал Василий Петрович, ошастливленный этим ответом. – Сам ты, душевный человек, не перестарок, а моя Лизурка на возрасте – устраивайся себе, а там посмотрим... Может, бог велит, сыном мне будешь, внучаток народишь, в отца умных да порядочных. Слов нет, она [супротив] его вдвое моложе, ну, только то, что девчонка сурьезная[, не вертячка], хозяйственная; а опять же и то, что другого такого мужа ей не найти... Что же каса[юще]ется бракосочетания – [как] он [есть] не нашей веры, – то ведь он объясняет, что они при нужде в церкву ходят, обряды [иные] делают, для видимости, чтобы не придирались. Ну, и – того... Как-нибудь, с божьей помощью, ухитримся[, облапошим, кого следует]...»

[Этот приятный план, устранявший все сомнения «в предбудущем», Василий Петрович лелеял в душе до последней, роковой минуты своей дружбы с Савой. И, – кто знает,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
– быть может, мечты об упрочении близости с дорогим человеком, у которого дочь на выданье, шевелились и за угрюмым лбом друга-помощника... Недаром ведь Сава, ворочаясь на койке вагона, увозившего его в далекий и чуждый край, шептал сквозь слезы:

– Как друга, брата, как о т ц а родного полюбил я тебя, Василь Петрович... Гадал с тобой всю жизнь коротать, счастье мирное, тихое найти... И для того все тебе поверил, всю душу тебе открыл, ни одной мысли не утаил перед тобой... А ты обманул меня, скрыл от меня в ту ночь, что думаешь, о чем замыслил... Сатане предался! Он, лукавый, шепотник, человеконенавистник, втиснулся и девчонку эту, чтоб ей... подбросил, а ты и сдался, черные мысли и намерения против меня от него перенял... Обидел ты меня! На всю жизнь ты меня обидел!..

[6.] 5

[Лукавый он и прочие адские силы, разрушившие счастье Хлебопчука, втиснулись между двух друзей тонко, обдуманно, с превосходным знанием своей специальности по искушениям и соблазнам; и, конечно, достигли своего, внедрив на месте погибшей дружбы ненависть, озлобленные слезы с одной стороны, озлобленное недоумение с другой. Бес силен: горами качает.]

Этот день – последний день их согласия и счастья – был лучшим днем в их жизни: им улыбалась удача во всем, оба они были прекрасно настроены, веселы [и провели время с утра до самой роковой минуты как два небожителя, посетившие землю, где у них не находилось иных симпатий, иных друзей, кроме них двоих]. Кончив удачную путину, где все у них чудно спорилось, все шло как по маслу, они остались на отдых в Сухожилье, чтобы ехать в обратную туру опять с лучшим из поездов – о экспрессом; и тут в тихом и благословенном Сухожилье, полном зелени и прозрачных ериков среди камышей они [вкусили от полноты блаженства] задушевно беседовали на полной свободе, гуляя по рощам, купались в родниковой воде, когда зной стал гнетущим, ели и пили в тени лип, потом, наслаждаясь серьезной беседой, резвились и школьничали как дети[, ловили кузнечиков, бегали, будили эхо шаловливыми звуками и смеялись, получивши смешные ответы]... Они были неразлучны, дружны и блаженны весь этот день[– последний их день, лучше которого не было за все шесть истекших месяцев их совместной службы...].

Отправились они – все так же удачно – в обратную с экспрессом после обеда, когда зной был еще нестерпим. Но в открытую настезь дверь и окно будки рвался резвый ветерок, поднятый быстрым ходом, и приятно освежал голову: зной для них не существовало. Удача буквально преследовала их в этот день; счастье, неизменный их спутник в течение шести месяцев, сегодня прислуживалось с подозрительным вниманием: у них не произошло даже малейшего пререкания с станционными, им не представлялось надобности говорить с зазнашкой-обером[, взъерошась, как рассерженный индюк], так как и начальник станции и поездная бригада в этот исключительный день умели только приятельски улыбаться, отпускать милые шуточки. Очень хорошо, удачно вышло и то, что скорый, принятый ими, пришел в Сухожилье с опозданием на час двадцать семь минут, что давало возможность молодецкой бригаде сорокового – машинист Маров, помощник Хлебопчук – отличиться ловкостью, нагнавши время в пути до Криворотова при непременно условии, чтобы аристократический поезд[, ведомый удальцами] не заметил [бы] собственной быстроты. Далеко не со всяким помощником рискнешь на попытку, которая легко может вызвать беспокойство у пассажиров [с раздутым самомнением], любящих составлять телеграммы министру при малейшем толчке их вагона! но с Савой да не рискнуть? [С такой-то правой рукой, у которой все начеку, все необходимое готово задолго до надобности?]

И экспресс шел, летел, как по воздуху. Поршни молодца-паровоза, любимца, балованного сына наших друзей, частили своими штоками, как иглой швейной машины, которую пустила в ход резвая и нетерпеливая молодая ножка; назойливый для всякого машиниста немчура-гаусгельтер вел свой пунктир почти без размахов выше восьмидесяти... А удалая бригада оставалась спокойной, как ни в чем не бывало! Посиживал, улыбаясь, машинист около своего крана; с усмешкой, не спеша делал дело помощник, лаская вентильки, умасливая лубрикатор... И оба еще имели смелость предаваться размышлениям, вспоминая поучительные места их сегодняшней беседы.

Их расчетливая форсунка чуть-чуть краснелась, пользуясь случаем сэкономить топливо: путь на добрую сотню верст шел под уклон, не ощутимый для пешехода, для неповоротливой телеги, но значительный и полезный для разошедшегося поезда, в

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru полтысячи тонн весом, с превосходной конструкцией всех ходовых частей. Впрочем, загаси они и совсем огонь, быстрота не убавилась бы, а росла; пока не вступился бы в свои права тормозной кран и не положил бы под рукой машиниста предел этому росту... Рука машиниста, скользя по рукояти крана, не нажимала, однако, на нее: «А что за беда? Пускай себе на все на сто лупит!.. Разве вот только немчуре оборвать ленту, чтобы не измерял скорость...» Марова впервые брало сильное искушение нестись с такой быстротой, чтобы дух захватывало, галька балластная пылью летела!.. Условия тому не препятствовали: путь на всем перегоне – по каменистому грунту; ни мостов, ни насыпей ближе Чуваева... Господа же пассажиры [«высокого давления»] – красавицы в атласах и в шляпках с Агафьино решето да генералы [в шитых золотом кителях, они себе кантуют в свое полное удовольствие, потягивая] пьют чай или винцо в столовой, и [ничего] не заметят, как они едут. Роскошные вагоны Международного общества тяжелы и нетряски. Приспособлены они к заграничной быстроте: сыпь полтора-два верста в час – лишь покачивает как в люльке!

Вечернее солнце мало-помалу спряталось за далекий горный кряж, приукрывшись сверху темно-красными тучками, и послало вместо себя пурпурный луч, высоко взлетевший над темно-красным покровом, от которого и он сам стал в вышине фиолетовым: под его фиолетово-пурпурным светом все вокруг приняло серовато-синие тоны и утратило ясность очертаний; как будто низко по земле пополз тонкий дым, прозрачный и легкий. Вдали на косогоре показалась казарма 706 версты, – от нее начинается плавное закругление влево, а там дальше, верстах в пяти, есть «к а л ь е р», где идет разработка бетонного камня: тут придется немного уменьшить скорость, а пока – пускай!.. Ход поезда налачился так мило, так удачно, что просто жалко мешать великолепной работе друга-паровоза, несущегося, как ласточка, по вольному воздуху, без толчка, без отрыва... Только и жизни, что в нем, в его учащенном пытении, ровном лязге и стукотанье, слившемся в сплошной монотонный шум, под который удобно мечтать; а кругом – тишина, и она растет, надвигается, вместе с растущей дремотой земли, утомленной зноем и отраднo кутающейся в серовато-синюю дымку для отдыха... Хочется думать о том, что поезд вот-вот останется один, без земли, которая вся исчезнет, потонувши в дымке, когда сядет солнце, а дымка утратит прозрачность; что он, одинокий, будет шуметь, стучать и вечно нестись вперед, как в том самом мировом пространстве, о котором Василий Петрович не перестает размышлять с почтительным изумлением...

Вдруг его мысли прервало резкое движение Сава. Рука инстинктивно впилась в рукоять, глаза поднялись на помощника: Хлебопчук, далеко вытянув шею, приник тревожным взглядом к полотну, плавно уходящему влево.

– Что там такое, Сава Михайлыч? – вскочил на ноги и машинист.

– Глядите, глядите!..

Далеко на полотне, саженьях в двухстах, если не обманывало зрение, что-то белое и небольшое трепещет между рельс[, засиявших от последнего луча двумя изогнутыми полосками бронзы]; но – что именно? – глаза отказываются различить... Зоркие глаза Василия Петровича изощрены долголетним упражнением, но им и утомлены: уже явилась необходимость восполнять иногда недостатки глаз догадками, головой работать, где не возьмешь глазами. Так и сейчас: Василий Петрович, судя по величине и движениям отдаленной беленькой точки [среди двух сходящихся полосок светлой бронзы], полагает, что это – ком бумаги, быть может смятое стенное расписание, выброшенное из окна казармы; подхваченный вечерним ветерком, этот смятый лист [мельтешит] мелькает там вдали, подпрыгивая на месте.

Но зоркий Хлебопчук, молодые глаза которого еще не натружены, полагает иное.

– Гусь! – говорит он решительным и спокойным голосом, опускаясь с носков на пятки, за спиной Василья Петровича.

Пожалуй, и действительно гусь. Теперь, после убежденного заявления Сава, стало заметно, что беленькая точка, прыгая на месте, взмахивает как бы крыльями... Гусь же и есть! продолговатый... движется тяжело... Ну, конечно, уйти не успеет и будет прирезан!

– Гусь, думаете? – [ищет у Хлебопчука подтверждения догадки] спрашивает Василий Петрович, садясь.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
– Известно, гусь! – усмехается Сава, [опираясь о плечо друга и] с улыбкой глядя на бедную птицу, кажущуюся издали не более бабочки.

– Попался, бедняга! – кричит Василий Петрович Саве, стоящему рядом с ним, плечом к плечу[, в последний раз так близко и так родственно]. – И сколько этой глупой птицы гибнет под поездами, – весело кричит он дальше другу. – Гуси, куры, утки, индейки... числа несть!.. И видишь – бежит, а режешь!.. Не тревожить же пассажиров из-за каждого цыпленка!.. Да то сказать, не велика и потеря – гусь. Съесть можно и из-под поезда... Ну, а вот, не дай бог – корова... [Хранит меня господь: случая не было, а другие отзывались: беда, ежели бык, корова!.. Особливо, – рогом под колесо... Рога у ней что самая твердая сталь: ничем их не сокрушить... Раз попала таким манером, – долой скат с рельс!.. А опять же, владелице, сторожихе какой-нибудь переездной, разоренье: у семьи кормилицу прирежут, да еще штраф за недосмотр уплати... Ну, а гусь, – ничего!..

– Известно! – кричит Сава, смеясь. – Так ему, дурню, и треба! Не гуляй по шпалам!..]

Вопрос исчерпан, гусь предоставлен своей ужасной будущности; Сава отходит на свое место и, попутно, гроыхает дверцей топки, куда пришла пора заглянуть.

Поезд летит. Момент – и закругление уже выровнялось, и на пути ничего уже не видно: труба, котел, могучие плечи паровоза сокрыли от глаз машиниста его бедную жертву. Вот направо казарма, дальше, по тому же косогору – желтая решетка сада, с беседкой в нем[, шпиль беседки кажется паутинкой, замершей в воздухе торчком]. Там, за темными шапками клена, повис высоко в воздухе ленивый журавель колодца, – точно кнут чумака-великан[ищ]а, воткнутый в землю; а тут, поближе, по самому косогору, по косогору...

– Ах, что это – по косогору? – вскрикивает Маров, снова впиваясь рукой в рукоятку, и весь леденеет от испуга: по косогору крутится другой комок, большой и красный... Застилает глаза... Но – страшное дело! – похоже, как будто это человек в красном, который метнулся к поезду, но оборвался, упал, вдали от рельс и извивается на месте... Ползет, вытягивает руки, ломает их и мотает головой в отчаянии, в ужасе... Женщина... в красном... в платке... Господи!.. Милостивый!.. «Мать!..»

– Са... Сава, – хрипит задыхаясь Маров, дергая кран дрожащей, заоченелой рукой. – Не гусь!.. Ребенок!.. Ради бога!.. Скорее!.. Скорее!..

Голос его визжит, как визжат и бандажи, врываясь в рельсы; глаза застилают черный дым, рванувшийся из топки; но, отпрыгнувши в сторону Савы, Маров уже не видит его в будке: Хлебопчук уже скользнул на землю, скрылся. Маров спрыгивает за ним, не щадя ног. Уголком правого глаза он охватывает изогнутый ряд вагонов, зловеще блестящих под красным лучом синевой, желтизной зеркального лака, уловляет заглушенный расстоянием тревожный крик, визг, взрывы детского плача... Но – все равно! в эту минуту ему не до тревоги пассажиров. В голове молнией сверкает мысль: «Успел ли?» И, если успел, – как успел? прыгнул?.. Ведь одна лишь секунда!.. И он сам в три прыжка достигает голову паровоза, тележки, под красными бегунками которой барахтается черная масса с белым комочком... И его вдруг оставляют силы...

Паровоз трепещет крупной дрожью, он прыгает с неподвижными колесами, он еще движется, скользит, производя режущий скрежет; Василий Петрович роняет пылающую голову на жгучую обшивку цилиндра и ждет... Не мелькнуло и минуты с того мига, как он понял отчаяние матери в конвульсиях человека, крутившегося по косогору, как неистово рванул ручку крана... Но ему сквозь жгучую тоску отчаяния в собственном своем сердце кажется совершенным пустяком та непостижимая бесконечность, кажется не длиннее этой минуты, не имеющей границ... – Что он там... Зачем он там так долго!..

[В темноте под бегунками ничего не видно... Но вот черная масса с белым комочком судорожно ползет прочь от бегунков, пытается встать, припадает, снова встает... Бессознательно движется и Василий Петрович за цилиндром, царапающим ему лоб и покорно думает о гибели всего: кран повернулся сам собою назад, паровоз снова сорвется с места и, если не задавил еще ребенка, то сейчас задавит... Задавит Хлебопчука, его задавит, задавит и всю его семью, если уж случилось первое несчастье, – жену, мать, Петю, Лизу... до крохотной Катюшки!..]

– Скорее! – кричит он бешеным голосом, кидаясь вперед. – Чего ты там, прости господи, мямлишь?! Двигается ведь!.. Прочь беги, прочь, дьявол!.. Карамора!..

Он не помнил себя, охваченный безумным ужасом, он накричал бы без конца ругательств, если бы в эту минуту не подбежали к нему люди, – главный кондуктор, проводник международных вагонов, а за ними, поспешая вдаль, – офицеры, иностранные господа в белой фланели, дамы. Его окружили, требуя объяснения, шумя, грозно жестикулируя. Уже слышались возбужденные голоса, протестующие [против безобразий наших костоломок], грозящие кого-то проучить, что-то вывест[ь]и на чистую воду. «Министр», «телеграмма», «жалоба» и другие грозные слова носились вокруг Василья Петровича[, как рой ос и шмелей.]. Но он ничего не слышал, ни на кого не обращал внимания, не спуская глаз с Савы, подходившего к нему колеблющейся походкой с ребенком на руках. Маров рванулся из толпы[, грубо оттолкнувши какой-то мундир] и подбежал к Саве[, лицо которого, заметил он вскользь, стало черно и угрюмо.].

– Жи... жива? – спросил Маров, задыхаясь от радости и протянув руки к ребенку, к пучеглазой толстушке лет двух, с голыми ножонками, не прикрытыми с самых коленочек, пухлых и белых. Девочка выросла из своей белой рубашонки, служившей ей, быть может, в день рождения; но откровенный костюм нисколько не смущал ее, как не испугала, по-видимому, и возня под паровозом: она очень доверчиво и покойно положила голову на сальное плечо своего спасителя, державшего ее на руках с материнской нежностью. Быть может, она уже набегалась за долгий день и теперь уже хотела бай-бай...

– Цела? Не ушиблась? – с радостным смехом спрашивал Василий Петрович, снова пытаясь взять у Савы ребенка. Но Хлебопчук отстранился, не дал ему свою находку, еще крепче прижал ее к себе...

[7.] 6

[Удовлетворивши любознательность в торопливых и бестолковых расспросах, убедившись почти, что с разочарованием в отсутствии повода лишний раз напомнить о себе там, в Петербурге, кучка грозных, строгих россиян-пассажиров потянулась к вагонам: ей] Пассажиры потянулись к вагонам: им сообщили, что поезд сейчас тронется, так как все благополучно[; среди удаляющегося разноголосого говора выдался женский голос, дивно красивый, контральтовый, сильно грассирующий и сказал плохим русским языком что-то о «эроизме», другой голос, гнусавый тенорок, отозвался: «А, вуй, мм-зэль, сэ ль-мо...» и все голоса, красивые и гнусавые, солидные и игривые, потонули вдаль.]. На месте происшествия остались лишь агенты: обер, красивый и толстый усач с лакейски надменным лицом, щупленький проводник-бельгиец в щегольских желтых туфельках да паровозная бригада: растерянно ухмылявшийся Маров и унылый Сава, все еще прижимавший к груди крошечную толстушку. Они вчетвером наскоро выяснили подробности случая. Хлебопчук, посланный машинистом, который принял меры к остановке поезда, поспешил прыгнуть на ходу и чуть-чуть успел предупредить наезд, пр[я]ыгнувши под паровоз, под бегунками которого что-то забелелось. Но, пока он ловил это что-то, его сильно ударило в плечо и шею цилиндром, едва не сбило с ног... А потом уж он и не помнит, как все было и каким образом удалось ему выкарабкаться с деточкой из-под паровоза. Думалось одно только: «требе ратовать»...

К ним справа, из-за паровоза[, все еще трепетавшего от негодования, что прервали его удачный бег,] выскочил лохматый мальчишка и за ним показалась баба в красной рубахе и такой же юбке. Она задохлась от бега, едва дышала, твердя пересохшими губами: «Матушка, царица, владычица!..» [Не обращая внимания за мужчин,] Она сорвала с рук Хлебопчука девочку, кинувшуюся к ней с внезапным ревом, и выразила свою радость парюю шлепков [по толстенькой заднюшке.].

– Паскуда!.. Вишь шляется, шайтаны тебя носят!.. Запорю, стервенок!.. Искромсают, подлюю, за тебя отвечай, – сама того не стоишь!..

Но кончила расправу [беглым] поцелуем [разревевшейся девчонке.].

– Молчи, дура, пирога дам... Федька, бежи, скажи отцу, чтоб не сумлевался, – приказала она сыну, толкнувши его в плечо. – Ремонтные мы, – обратилась она к величавому усачу-главному, уже мусолившему карандаш, чтобы записать показания

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru для рапорта об остановке скорого на 706 версте.

Маров полез в будку. Хлебопчук поднялся туда раньше его, сейчас же, как отдал матери ребенка, и сидел в углу, у дверцы, охвативши лицо руками. Василию Петровичу почудилось, что Сава плачет.

– Вы что, Сава Михайлыч? – спросил он.

Сава не ответил. «Смотри, обиделся, что я ругался, – подумал Василий Петрович с раскаянием. – И что это я за собака, на самом деле! – упрекал он себя. – С чего поднялся лаяться на человека, который, надо говорить, спас ребеночка от смерти!..»

– С опасностью для жизни, – отрапортовал издали голос оберга, который уже покончил допрос и на ходу репетировал совместно с проводником донесение по начальству.

Сава явственно всхлипнул, Маров нахмурился, мучась раскаянием и сердясь на помощника: «Ну, какого черта хнычет?.. Взял бы да облаял сам!.. По-товарищески!.. Терпеть не могу, когда дуются!..»

– Форсунка погасла, Хлебопчук, – сказал он сухим тоном начальника, вспомнив впервые за полугодие фамилию Савы Михайлыча. – Надо освободить топку от газов, в предупреждение взрыва и затем уже бросить туда зажженную паклю, – распорядился он, как по инструкции, хотя и не сомневался, что все это известно помощнику и без него, что он напрасно, лишь в сердцах, учит ученого, обижая его еще больше.

Хлебопчук тотчас же встал и молча принялся за дело. Когда заревела форсунка и осветила лицо нагнувшегося к топке Савы, Василий Петрович увидел в этом лице, печальном и озабоченном, что-то мягкое, теплое... И поспешил снова спросить вкрадчивым полупшепотом:

– Вы что это, Сава Михайлыч?.. О чем это вы?

– А ну! что там!.. Так оно, дурости! – смущенно усмехаясь, отвечал Хлебопчук. [То немовля, донечка та малая...] Думки пришли, как держал ее. Тепленькая да беленькая, ноженьки толстые... Что она мне?.. А в ы н у л вот чужую из могилы, а своих туда уклал!..

Он махнул рукой и горячо принялся за дело. Спешной работы прикопилось у обоих много, пока шли без паров, пока стояли. Минут с десять прошло у них в горячей работе, пока явилась возможность ответить на нетерпеливые вопли кондукторов: «Готово ли?»

– Готово!

Затрелил свисток оберга, рывкнул трехголосным басом паровоз, оба повторили на иной лад эту музыку, и поезд тронулся, простоявши в степи с полчаса, «Вот тебе и нагнал время!» – подумал Василий Петрович. Былого настроения, бодрого и светлого, не осталось и тени, всё начало складываться худо: паровоз шел гадко, капризничал, дергал; где-то в шиберах стало хлябать... Но всего хуже и стеснительнее было то, что Сава продолжал хмуриться. [Суровый по внешности, самолюбиво-задирчивый на словах, гордый «прищур» был нервно восприимчив, как институтка, чувствителен к настроению соседа, особенно того, кто, как друг и любимец Сава, был дорог, близок его сердцу. Василий Петрович, и досадуя и грустя, раздумывал о причинах хмурости помощника.)

«Гм! Дуется! Ну, что дуется? – думал Василий Петрович. – Слов нет, пускай, та девчонка затронула его, вспомнил он о своих, расстроился... Ну, только все это дело прошлое, и я при всем при этом ни при чем: за что же на меня-то хохлиться!.. Даже дело свое забыл, – фонари не зажег, – пришлось напомнить, чего допрежде никогда не бывало; стал быть, есть у человека что-нибудь на уме, ежели дела не помнит!.. Вон, звездочки замигали, – поднял он голову к потемневшему небу, – если бы по-прежнему, – подошел бы сейчас и стал бы называть их: «Это тут Вега», или еще что... [«А вон там Ай да баран...»] И стали бы по душам калякать... А то молчит [да смотрит абызом.]. Терпеть не могу!..»

И в тот самый миг, когда Хлебопчук, украдкой кидавший пытливые взгляды на

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Василья Петровича, думал:

«Вот, дивись, молчит да заворачивается!.. [Хиба ж] Уж так-таки ни слова не скажет? Чем я повинен?.. Чего он себе раздумывает?» - [Василий Петрович в этот самый миг мысленно роптал на друга-помощника и резал правду-матку ему «в глаза»:

«Ну и черт с тобой! молчи коль ин так!.. Ты молчишь, и мы будем помалкивать. Наперед лезть да заискивать не станем! не на таких, брат, напал... У начальства никогда не заискивали, не то что! И то уж товарищи зубы пролупили: «Помощника на шею к себе посадил, первым себе другом поставил!..» Ну, коль ин так, молчи да дуйся на доброе здоровье!..»]

Великий подвиг, героями которого только что явились наши друзья, самоотверженное спасение ребенка отодвинулось куда-то на неизмеримое расстояние от них - в пространство, дальше тех звезд, от которых, по уверениям Савы, миллионы лет как ничего уже не осталось, кроме света...

Что скрывать! [По моим наблюдениям,] и все-то мы, криворотовцы, таковы, как Маров да Сава. Мы не только практически не умеем пользоваться нашими геройскими подвигами, как другие, но, - что уже очень худо, - не способны никогда извлечь из них и духовных благ - светлого нравоучения, душевной бодрости, веры в себя и в людей, наших соседей по смежным участкам дороги...

[8.] 7

[А жизнь, точно издеваясь над комолостью нашего духа, шлет еще нам испытания в своей суете, в тщеславии, в кичливо-тупом и неделикатном отношении к нашим подвигам, - конечно, наша домашняя жизнь, не соседская, которой мы не знаем. Иное доброе дело, не оказавши благотворного результата тотчас же по совершении, могло бы приютиться в глубине сердца и отрыгнуться потом, в свободную минуту, при раздумье, при вспоминанье, и принесло бы, глядишь, пользу для души и ума... Но является тут как тут жизнь, суета, тщеславие, кичливое тупоумие и влачит наше доброе дело на позорище, не разбирая грязи, и мнет его, и пачкает, и обращает в конце концов в отвратительную ветошь, запятнанную грубыми руками, вгоняющую в досаду и смущение самого героя, владельца этой ветоши. Распространяюсь я в этой философии потому, что с одним из наших героев, с Васильем Петровичем, произошло как раз нечто подобное.]

После остановки прошло около часу[, в течение которого по-видимому шло, наряду с тонкими филе-соте, пережевывание и «эроизма»], и сытая публика международных вагонов[, ковыряя в зубах] нашла, что ей надо развлечься [для пищеварения]. По ее требованию был послан, при первой же полчасовой остановке, один из кондукторов на паровоз, чтобы привести в роскошную столовую машиниста. Не худо заметить, что пассажиры, жаждавшие видеть машиниста [по какому-то недосмотру], совсем не поинтересовались узнать, как его имя и кто он такой [и каков его характер.]. «Привести сюда нашего машиниста», - повелели пассажиры, и кончено дело.

Таким образом, не успел еще паровоз отцепиться под воду, как на лесенке появился [и поехал на ней] посол-кондуктор, принявшийся [«как можно»] убеждать неподатливого механика[-мужичка «сей же час»] отправиться в вагон-ресторан [и предстать пред ясные очи их превосходительств и высокородий таких-то и таких-т, «оченно желающих» видеть господина механика].

- Это насчет чего же? - спросил Маров.

- Да все касемо этой остановки на 706 версте! - с притворной досадой воскликнул кондуктор.

- Что же... Остановка как остановка... Со всяким может производти, не с одним со мной. А со мной еще реже, чем с другими прочими, - ворчал Василий Петрович, вращая кран и дергая ручку свистка. - Ежели что кому не нравится, могут записать жалобу.

- Нет, не в тем, Василий Петрович, - заторопился с объяснением кондуктор. - А как, стал быть, относительно этой самой девчурки... Ну, известно, как, стал быть, большие господа, - оченно интересно, дескать, как оно?.. И все прочее. Как

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru можно, приказывали! И сами Карп Ильич, наш обер, значит, строго-настрого велели: «Без механика, чу, и не являйся, Слепаков!..» Пожалуйте, уж!..

– Не велика фря ваш обер, – спокойно заметил Василий Петрович, осаживая паровоз под трубу.

– Да не в тем... Обер – что!.. Тут, понимать надо, иной разговор. Все господа... Самые генералы... Баронесса одна... Как ее? Запомнил! [Фамилье-то такое, нерусское... Говорят, при дворе... Самая, что ни на есть!.. Важнейшая, одно слово!..] Так она, пуще всех, вишь: «Привести да привести машиниста»... Уж пожалуйте, сделайте милость, Василий Петрович!

– Вот привязался!.. Ну, чего я там пойду делать?.. Не умею я разговаривать с э[с]тими господами важными.

– Христом-богом прошу! – взмолился кондуктор. – Пожалуйста, Василий Петрович!.. Господ изобидите. Потому – все желают и оченно дожидаются... Большой скандал даже может произойти...

– Какой такой скандал? – злобно прищурил глаза Маров. – Что ты меня скандалом пугаешь, [куроцап]? Я свое дело знаю!.. А ты вот не имеешь понятия, что машинист не вправе оставить паровоз при маневрах...

– Оченно понимаем, Василий Петрович! не первый год служим... Только в этом разе [чу] такая история [что важнеющие пассажиры... Может которые из них с министром – чашка-ложка... И приказы... Просют! – поправился кондуктор]... Оченно уж просют!.. Идите, ради бога! не теряйте время...

– А, черт! – выругался Василий Петрович. – Пойти, что ли? – спросил он, не оборачиваясь к Хлебопчуку. Но Сава или не слышал его [вопроса], или, быть может, опечалился, что Василий Петрович и спрашивает, и как бы не спрашивает его; только не отозвался ни звуком на этот вопрос, чем еще сильнее обозлил Марова. [«Вишь, ехидна!» – обругал друга в душе окончательно расстроившийся] Не получив ответа, Василий Петрович [к великому удовольствию посланца]* быстро шагнул на ступеньку.

* Вместо этих слов было вписано, а затем зачеркнуто: окончательно расстроившись.

– Много там их? – спрашивал он по дороге к вагону-ресторану[, из широких окон которого лились далеко на землю потоки ослепительного электричества].

– Да все, что ни на есть!.. Весь поезд, без малого... Опречь генералов и прочих офицеров, дам с этой с баронессой, иностранные господа... [Они, пуцай, сами по себе, стороной, хоша в разговор вступают. Ну, потом, сибирячки, золотопромышленники... Миллионеры...] Да всякого народу там довольно! – закончил кондуктор [к вящему беспокойству Василья Петровича, очень смущавшегося предстоящим ему разговором с пассажирами «высокого давления»].

Роскошный вагон-ресторан был [ему] хорошо знаком Марову, так как приходилось ездить с экспрессом десятки раз; но знаком лишь по внешности, бывать же внутри [всех этих шикарных вагонов] надобности до сих пор не представлялось. Василий Петрович остановился на минуту в раздумье у двери, которую поспешил распахнуть перед ним забежавший кондуктор, – не вернуться ли уж?.. Но устыдился малодушия и вступил в проход [мимо кондуктора, с высоко поднятой головой].

Он был положительно ослеплен, очутившись после ночной темноты среди моря света, среди богатства [гобеленовых стен, яркого золота люстр и кэнкетов], среди эвфрозительной смеси запахов вина, тонких яств и духов; он замер на месте, почти в самом проходе, около посудного шкапа из черного дерева... Но всего более смутило его именно то, чего он и боялся всего более: блестящая высокомерная толпа, обилие дам. Тут было несметное, как показалось ему, число высокопоставленных особ, военных и партикулярных, людей молодых и старых, с одинаково презрительными манерами, лиц красивых и дурных[, с одинаково надменными минами]; дамы, молодые и старые, но все в [роскошных] дорогих платьях, все в изысканных прическах, [расположились букетом, от которого,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru по-видимому, и исходил тонкий аромат, а вокруг этого букета возвышались стоя величественные, гордые господа], офицеры [в эполетах,] в аксельбантах, в белоснежных кителях [из замши], а меж них и штатские, не менее [их гордые.] важные. И все это блестящее общество беспощадно [пронзало взглядами] смотрело на прокопченную фигуру машиниста, казавшуюся пятном грязи на [лилейно-]белом фоне. Можно было подумать, что эти господа и дамы[, цвет высшего общества] собрались здесь, чтобы засудить невзрачного машиниста, что они уже заранее подписали ему приговор и теперь казнят уже его убийственными взглядами. Даже лакеи [в тонких суконных] во фраках и белых галстуках, просунувшиеся в дверь напротив Марова, смотрели на него, как судебные приставы, пытливо и неодобрительно... Выражение его лица, [постать] манеры, костюм не могли и вызвать чьего-либо одобрения: крепко стиснутые от нервного волнения челюсти и прищуренные глаза придали его худощавому лицу вызывающий вид; грязные руки он глубоко спрятал от глаз публики в карманы, зажавши под мышку засаленный картуз с гербом дороги; рабочий же его пиджак из дешевой коломенки, с оттянутыми карманами, где чаще покоился гаечный ключ, чем носовой платок, – этот пропитанный салом и копотью пиджак мог внушить только отвращение...

[Но дамы, перекидывавшиеся вполголоса небрежными замечаниями, старались придать своим улыбкам и взглядам на это живое пятно грязи благоволение, снисходительность, теплоту... Прекрасные создания, предназначенные самой природой на дело кроткого милосердия, смягчили бы, конечно, суровость приговора своих непрекрасных половин, если бы в глазах преступника этому не мешали их переглядывания, их насмешливый полусшепот на каком-то картавом и гнусавом языке, казавшемся Марову скорее мерзким, чем музыкальным.] Он горел, обливаясь холодным потом, и злился на свое неумение прилично держаться, [с достойным самообладанием] прямо смотреть в глаза этим людям – «ведь, пойми, все таким же людям, как и ты сам!» – стыдил он себя... Горшей пытки он не переносил еще никогда в жизни!

[Когда все эти «лица», изрешетив взглядами свою жертву, вполне насладились казнью – она длилась не более двух минут, но показалась Марову бесконечностью, уже второй за сегодняшний день, – тогда их глаза, утратив убийственность, обратились к тонкой, хотя и величественной и изящной, хотя и пожилой даме, сидевшей посредине букета, и эта дама произнесла царственно-слабым голосом, несколько в нос:]

– Вы, машинист... только что... спасли ребенка... – проговорила одна из дам.

[И остановила свою милостивую речь, изумленно расширив глаза на машиниста, резко двинувшегося вперед.] Василий Петрович имел [прекрасное] намерение [поправить редакцию этого манифеста, в котором шла речь о нем, а не о Саве,] внести поправку, сказать, что ребенка спас не он, а его помощник Сава, но не успел: [едва он заикнулся на первом звуке,] тотчас же произошло общее движение, послышалось внушительное тсс!.. и чей-то высокочинный бас с хрипотцой еще более внушительно крикнул; Маров так и остался с раскрытым ртом и вытянутой шеей... [А величественная дама, выждав паузу с опущенными глазами, произнесла уже менее милостивым и более утомленным голосом:]

– Такой поступок [...а...а...] достоин поощрения, – произнесла дама. – И мы, собравшиеся [...а...а...] здесь, нашли нужным вознаградить вас, машинист...

[Одобрительный, но и почтительно сдержанный ропот на мгновение прервал этот манифест; бас снова крикнул, на этот раз восторженно, а ослепительно яркие пятна платьев, кителей, эполет зашевелились оживленно, но и скромно. Когда это минутное движение улеглось, дама закончила манифест уже усталым, едва слышным голосом:]

– Тут...а-а... небольшая сумма...

Она осторожно коснулась тонким мизинчиком кучки золота, лежавшей на столике, близ ее локтя[, произнеся с гримаской:].

– Каких-нибудь триста рублей... Возьмите себе, любезный, вы [...а-а...] заслужили эту безделицу...

И вдруг все разом лишили Марова своего [упорного] внимания! Дамы защебетали о чем-то [веселом], склонив друг к другу головки, мужчины взяли друг друга под

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
локоть, чтобы обменяться вполголоса интересным сообщением... Все, точно по уговору, отвели глаза, чтобы дать возможность этому чумичке сгрести со стола в грязную ладонь кучку золота... Маров выронил фуражку, желая поднять руки к ушам, которых коснулось раскаленное железо... Краска залила ему лицо, и тотчас же он побледнел. Но это [тупоумно-неделикатное] выражение милости, оскорбительность которого он не сознал, а почувствовал, вернуло ему способность владеть собой, хотя его била лихорадка [от злобы]. Он поднял фуражку и сказал громким, слегка дрожащим голосом.

– Н-нет... [Б-]благодарю вас, господа!

Произошло новое движение голов [и эполет – снова назад, к Марову. Пронзительные], взгляды приковались снова к нему, но уже с испугом, почти с ужасом. Хриповатый бас издал кряканье продолжительное и грозное, а обладатель этого баса, толстый седоватый офицер [вскинул плечи с толстыми эполетами и] сказал Жарову.

– Э... послушай... Ты что же это? Возьми, братец, если дадут!

– Не хочу! – крикнул Маров, гневно глядя в самые глаза офицеру.

[Движение, происшедшее вслед за этим дерзким криком машиниста, напоминало катастрофу:] Задвигались стулья под гул голосов, выражавших ужас [на иностранном диалекте], смешались в группы белые кители [с расшитыми мундирами с яркими цветами распавшегося букета]; со звоном упал серебряный поднос от чьего-то изумленного жеста... Полный офицер склонился над изящной пожилой дамой, по-видимому желая утешить ее [в неудаче] парю теплых слов. Маров услышал эти [теплые] слова офицера:

– Эх, баронесса, охота вам было!.. Стоило беспокоиться!..

Но продолжения [его слов] Василий Петрович не слышал, воспользовавшись сумятицей, чтобы уйти.

На самых ступеньках вагона его настиг один из офицеров [в замшевом кителе, гибкий как жердь и такой же длинный]. Он[, извиваясь лебяжьей шеей над головой Жарова] поймал его за локоть и торопливо заговорил.

– Послушайте, однако... Какого это вы черта?.. Почему вы не взяли ту безделицу, странный вы человек?.. Право же, вы поступили...м...м... неумно, мой друг! [Знаете что? Вы поломались, отказавшись от крупной для вас суммы и нанесли неудовольствие баронессе.] Право же, вы поступили, мой милый, необдуманно!.. Идите, послушайте, возьмите ваши деньги...

– Идите вы возьмите... мой милый! – ответил Маров, едва владея собой.

Офицер несколько опешил от этого тона[. Он, остановился с широко раскрытыми глазами и ощупал правой рукой левое бедро. Но не нащупав там ничего, кроме голой замши, вернул себе благоразумие] и сказал [гневно]:

– Послушайте, вы – как вас? Я вам говорю по участию, черт возьми! Как вы не хотите понять!.. Поймите же, что вы натворили глупостей с этой вашей фанаберией!

– Ну, что же делать! – насмешливо воскликнул Маров, спеша к паровозу.

[– Да поймите, – приставал офицер, – вы могли бы извлечь большую пользу, если бы не заломались... Мы, поймите, мы все, тем более баронесса, сообщили бы о вашем поступке там, в Петербурге, и вы бы, может быть, стали... Но теперь, поймите, когда вы так дерзко... Теперь нам всем приходится только забыть о вас!]

– Ну и забудьте!.. А то мне недосужно с вами бобы-то разводить!]

– Фу, какой, однако, нахал! – крикнул офицер вслед Марову[, уже взлетевшему в свою будку]. Поругавшись еще с секунду, [жердеобразный] юнец исчез в ночной темноте. Василий Петрович дрожал с головы до ног от волнения, не мог владеть руками. Он действовал свистком и краном как автомат, не отдавая себе отчета.

– Какое он имел право говорить мне «ты!» – разрешился наконец он бешеным криком,

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru после долгого молчаливого пыхтения. – Он тыкай солдат своих в швальне, а не меня!.. Я ему не подчиненный!.. Мне сам начальник тяги не говорил никогда «ты»!.. Сам он не позволит говорить «ты» заслуженному машинисту!.. Да и никому!.. [Свиная рожа! Дрянь, черт!]

[9.] 8

[Этот взрыв бешенства закончился сравнительным улучшением в настроении Василия Петровича: разрядившись в брани, начатой криком и перешедшей в воркотню, он кончил тем, что харкнул в сторону бегущих за ним вагонов, где ему пришлось провести десяток мучительных минут, и порешил, что не стоит и думать о расфуфыренных дураках и дурах «высокого давления», теперь покойно спавших в своих купе, на мягких диванах. А порешив забыть о дураках и о нанесенном ими оскорблении,] Маров снова занялся тем, что было всего ближе его сердцу, – упрямым молчанием и хмуростью Сава.

Хлебопчук точно воды в рот набрал. Делал свое дело в ненарушимом молчании и как-то рассеянно, без обычной своей ретивости и ловкости, вяло копался там, где нужна была быстрота работы, забывал то, что нужно делать, так что приходилось напоминать ему жестом, кивком головы, и как будто всего более заботился о том, чтобы не производить шума, быть незаметным, прятаться в тень... Когда же его лицо освещалось красным пламенем топки, у которой Сава присаживался на корточки, чтобы понаблюдать за горением, тогда взгляд Василия Петровича находил на этом хмурым лице, багрово-красном, сатанинском, отблеск нехороших мыслей, угрюмую злобу, и очень сердился, скорбя о неожиданной и неприятной перемене с Савой. Только сознаться не хотел он, как ему было тоскливо в одиночестве, как ему хотелось бы поговорить с другом о дамах и господах вагона-ресторана... Он рассказал бы, как он отделал их, мотнувши головой «вот этак», сверху вниз, когда ему предложили кучку денег, как они все[, гордые дураки,] зашевелились, за[лопота]говорили на разных диалектах, увидевши, что чумазый машинист плевать хочет на их [бешеные] деньги... «Так, стал быть, и понимай: вы без трудов богаты, а мы от трудов горбаты! Ну, только то, что и промежду рабочего класса тоже бывают иные которые, кому своя трудовая копейка милее вашего пригульного алтына!» И Сава Михайлыч, ежели бы послушал про все про это, непременно уж похвалил бы, сказал бы что-нибудь от Писания... Поговорили бы, глядишь, развлеклись бы, – дурь-то бы и прошла. – «Наплевать, дескать, на них, чертей надутых! не ими живем!..» А он молчит [да сопит], рыло воротит... Э, да черт с ним, ежели так!..

Скверно чувствовалось Василью Петровичу, скучно, тоскливо, жутко... Только, повторяю, сознаться было совестно в том, как бы хотелось ему положить конец тяжелому молчанию, вызвать друга на разговор! обругаться бы к примеру, для начала... «Как-кого, дескать, черта, на самом деле!..» Сознаться было совестно.

И чем дальше ехали, тем все тяжелее становилось чувство стеснения и росла досада. Совсем изгадилась и езда: паровоз, точно сговорившись с помощником, дурил, не хотел слушаться тормоза, дергал. На станциях, при коротеньких остановках, где, казалось бы, и можно и должно было бы обменяться парой слов, выходило еще хуже, чем в пути: почувствует Василий Петрович, что глаза Сава впились ему в спину, оглянется в надежде, что тот хочет сказать что-нибудь и... взвыть готов от негодования, заметивши, как опустит Хлебопчук глаза, потупится, отвернется!.. «Ах ты, хитрый дьявол!.. Что он там задумал, хохол коварный?»

На станции же Перегиб, в двух часах от Криворотова, с Хлебопчуком произошло уж и черт знает что. Побежал он за кипятком, как и всегда это делается в Перегибе, где чудная родниковая вода и где поезд стоит четверть часа, – побежал за кипятком, да и пропал. Василий Петрович, проверявший воздухопровод в то самое время, когда Сава шел по платформе с чайником, и глядевший из будки на осмотрщика, который подавал ему сигналы проверки, видел, [дело было уже утром, на свету], что Хлебопчука остановили на платформе двое кондукторов и смазчик Ленкевич[, полячишко досужий и не по чину совкий], остановили и начали что-то ему рассказывать, махая руками, смеясь, приседая от смеха... О чем уж они там ему рассказывали, – неизвестно, только Хлебопчук вернулся на паровоз перед самым отправлением и без кипятку. Вскочил в будку, лица на нем нет, уронил чайник на стлань и глянул на Марова с каким-то испугом, «как черт на попа»[, по определению Василья Петровича]. А потом сел на свое сиденье с таким видом, как будто [бы] и делать ничего не желает – оперся на локотник, глаза уставил в одну

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru из нижних котельных заклепок, сам дрожит, губы ходенем ходят... Поломал-таки Василий Петрович голову, допытываясь понять, в чем причина такой перемены с Саваой!.. И, само собой разумеется, надумал всякое... [опричь того, что могло бы способствовать выяснению действительной причины их внезапно возникших наладов, пока еще немых, бездеятельных, но тем более тяжелых, мучительных.] Конечно, он первым делом предположил, что «лягаши», – как величают движенцев-кондукторов их антагонисты из других служб, – что «лягаши» [куроцапы] рассказали Хлебопчуку о случае с машинистом в вагоне-ресторане. [И описали всю эту катавасию с наградой, причем, известно дело, приврали с три черта, по своему обыкновению, набрехали чего и не было. И ежели это так и случилось, ежели Сава действительно собрал у куроцапов их сплетни, то...]

«Уж чего и лучше!.. Вместо того, чтобы расспросить толком, по-дружески своего близкого человека, как и что было, [стреканул] пошел лягашей пытаться, чужие пересуды выведывать!.. Как будто и не видал, что я вернулся оттуда как с виселицы, себя не памятовал, не соображал, что и делаю!.. Тут бы и мог спросить, что-де с тобой, Василий Петрович? – ежели бы совесть-то в нем была чиста... Так вот – нет! выдумал дело, чтобы побежать сплетни собирать, чайник схватил, за кипятком побежал!.. Как будто уж и потерпеть не мог пару часов до дому!» – ворчал Василий Петрович, забывая, что и сам он никогда не мог отказать себе в наслаждении попить [на зорьке] чайку на прекрасной перегибовской водице.

Чем ближе становилось Криворотово, тем сильнее в нетерпеливее желал Маров, чтобы Хлебопчук сбросил с себя эту свою угрюмую печаль и заговорил бы с ним... Ну, поругался бы хоть, если сердится на что-нибудь, ворчать бы что ли начал, как, бывало, ворчали другие помощники! было бы к чему придраться, поднять шум, в там, гляди, и выяснилось бы что-нибудь... Так нет же – молчит, хмурится, смотрит исподлобья, вздыхает... И придраться не к чему. Что дела не делает – беда невелика; го-первых, все налажено за первый сорт им же самим... Потом же и то, что его ушибло цилиндром, вследствие чего он, быть может, и не в состоянии работать. Придраться не к чему, чтобы завести разговор, а заговорить так, без всякого [намек] повода с его стороны [да после всего того, что он всю ночь пробылся,] – еще как он примет этот разговор... Чужая душа потемки, недаром молвится, и – с другом дружи, а камешек за пазухой держи: быть может, у него в душе такая ненависть собралась [су]против товарища, что огрызнется да к черту пошлет, ежели заговоришь...

Лишь в последнюю минуту их совместной работы, когда поезд довели до Криворотова, сделали запас воды в тендере, поставили паровоз в депо и стали сниматься на землю, Василий Петрович уступил желанию освободить душу от пытки, принудив себя к первому начину.

– Вы там, того, – начал он, заикаясь и глядя в сторону, – говорили там, в Перегибе с кондукторами... Слышали от них что?

– Слышал, – угрюмо шепнул Хлебопчук, глядя под колеса.

– Что же именно вы слышали? – спросил Василий Петрович, щуря глаза.

– Господа пассажиры давали вам тысячу рублей...

«Ну вот!.. Так я и знал, что наврут да прибавят, проклятые!» – подумал Маров.

– Вятских! – насмешливо кивнул он головой. – Сами они говорили, что триста... Да не в тем дело, хо[ша]тя бы и ты[ща]сяча рублей, хо[ша]тя бы и две!.. Ну, а еще что вам плели там?

– Отказались взять! – шепнул так же угрюмо Сава, не поднимая лица.

– и больше ничего?

– Ничего.

Хотел было Василий Петрович спросить друга: «Как, дескать, вы, Сава Михайлыч, об этом понимаете, что я этих денег не взял?» Но друг Сава Михайлыч поспешил схватить с земли свою корзину с таким видом, как будто [бы] очень боялся, чтобы с ним не заговорили. Повел плечами Маров и тоже поднял свою корзину.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Переходя мостик через деповскую канаву, он услышал за собой торопливые шаги, оглянулся и увидел Хлебопчука, который догонял его. «Ну, – подумал он с радостью, вот и конец, слава богу! [бежит, мудреный, натешился своей молчанкой, натиранился надо мной!..]»

– Что, Сава Михайлыч? – весело спросил он, опуская тяжелую корзину на землю.

Хлебопчук остановился шагах в пяти от него и, блуждая глазами, спросил с [превеликим] усилием, точно выжимал из себя мучительный вопрос:

– Рапорт подадите?..

Он еще хотел что-то спросить, по-видимому, у него болезненно шевелились бледные губы и глаза стали до черноты темными от какой-то мысли, отказывавшейся высказаться; но не спросил ничего и только пылливо уставился своим черным взглядом в глаза Марова.

– Подаю, конечно, – ответил Василий Петрович, неприятно разочарованный в своих ожиданиях. – Вы сами знаете, что я обязан подать начальнику рапорт об остановке в пути... А что?

– Так... Ничего, – сказал неопределенно Хлебопчук, поворачиваясь в свою сторону.

И они разошлись, направившись каждый в свою сторону, разошлись не до завтра, как бы следовало по наряду паровозных бригад, а навсегда. С этого дня нога Савы уже не вступала на дорожку его сердцу стлань паровоза серии «Я», номер сороковой!.. Он взял бюллетень, чувствуя себя серьезно больным: плечо было разбито, шея не поворачивалась, а на душе было так тяжело, что и на свет божий глядеть не хотелось.

[10.] 9

Василий Петрович, позавтракав «с приварочком», не так как в дороге, где все одна сухомятка, хорошо выспался и спросил у Петюшки лист бумаги, перо новое, чтобы составить черновичок рапорта. Письменная работа была для него тяжелее самой тяжелой туры, при снеговых заносах, в бурю, в сильный ветер; он сидел за столом целый вечер. Составивши черновик, он аккуратно отрезал от бланка маршрута узкую и длинную полосу, с печатным заголовком «Донесение машиниста» и принялся переписывать свой рапорт набело.

«Господину начальнику XI участка тяги, – писал он. – Имею честь донести следуя с поездом № первый ведя нормальный состав 24 оси подъезжая к казарме 706 версты произошла остановка скорого поезда по случаю девочки прохмеду рельсов на самой пути. Которая оказалась ремонтного рабочего фамилие неизвестное. Заметья промежду рельсов полагая в стах сажнях чего-то белое полагая лист бумаги стенное расписание поезда не остановил. Приближаясь ближе, полагая жигое существо домашнее животное гусь и сомневаясь принял меры к остановке и пославши помощника удалить посторонний предмет. Оказалось девочка лет двух от рождения без получения повреждения. Причем порчи пути подвижного состава и несчастья с людьми не было, что могут подтвердить главный кондуктор и проводник международных вагонов Кливезаль. Кроме того ничего не произошло поезд пришел благополучно с опозданием на четырнадцать минут. О чем и имею честь донести господину начальнику машинист Маров».

Вытеревши лоб и глонувши чаю из стакана, который дрожал в руке, окоченевшей от работы, Василий Петрович перечитал донесение и аккуратно сложил его с привычной тревогой: «Думаю, чай ничего не нагорит...» Потом крикнул Петюшку и послал его в депо положить рапорт в ящик, а сам отправился поразмять косточки по полю, имея в предмете зайти к куму Курунову, с которым давно уже не вдался. О Саве же думать упорно не желал и воспоминаний о событиях минувшей ночи старательно избегал, промявши косточки, сидел у кума, где собрались кое-кто из машинистов, играл в карты, выпивал, разговаривал о лошадях, об охоте... Провел, одним словом, время по-криворотовски и вернулся домой в полночь, довольно навеселе. Давно уж он не проводил время по-криворотовски, «по случаю Хлебопчука», и на первое время чувствовал некоторое довольство от перемены режима, как будто освободился от какого-то тяжелого обязательства, из плена бежал, что ли.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Донесение же пошло своим чередом. Сторож вынул его, в охапке других донесений, из ящика, принес в контору; счетовод положил в папку начальника, а начальник, Николай Эрастович, прочитавши о случае с любимым машинистом, нашел нужным представить донесение Марова с своим заключением:

«Господину Начальнику тяги, – написал на донесении ближайший начальник. – С представлением донесения машиниста Марова о случае на 706 версте, и. ч. просить Вашего ходатайства о представлении Марова к награде, по Вашему усмотрению».

Дня через три[, в течение которых Хлебопчук хворал, а Маров снова вернулся, после полугодового перерыва, к калготе с помощниками и ездил снова с зубовым скрежетом,] Сава пришел в контору, чтобы взять еще бюллетень, – он все еще чувствовал себя дурно.

– Ну, Хлебопчук, – сказал ему один из конторщиков, молодой паренек, – радуйтесь! вашему машинисту, Василию Петровичу Марову скоро медаль выйдет.

– Какая медаль? – равнодушно спросил Сава, беря оранжевый лоскуток бюллетеня.

– Как, какая медаль?.. А за спасение ребенка-то!.. Эка!.. Позабыли!..

– Медаль?..

Сава как будто растерялся даже, услышав это сообщение. Он опустил голову в тяжелом раздумье и пошел из конторы, забывши и про бюллетень.

«Так вот как! – думал он, бредя как сонный. – Так вот почему он молчал, не гукнул ни слова, отворачивался!.. Ах, лживый, коварный человек... [кацап.] Что ж? [хиба ж] разве я отнял бы от него эту медаль!.. Да на кой [ляд] оне мне?.. [Нехай себе понавешает тех медалей как гороху, да за что же меня обманывать?!] Ах черная душа!.. И мог ли я подумать, чтобы Василь Петрович оказал такое против меня!.. А он для того и [карбованцы] деньги не взял, чтобы медаль ему получить!.. Ах, москаль криводушный!.. [Дивись,] деньги пришлось бы со мной делить... Вот [же ж] у меня плечо заболело, поверстных не получаю [и може не имею получать месяц, два]. А он деньги не принял, чтобы со мной не делиться, а на медаль подал!.. Вот оно как!.. Вот оно как!..»

И спустя еще дня два, начальник читал новый рапорт о случае на 706 версте, подписанный уже Хлебопчуком.

«Господину начальнику, – писал Сава прямо начисто, не обдумывая, как Маров, выражений [и не округляя периодов деепричастиями], – прошу, коль так, дать мне награду за спасение девочки, которую обещали дать машинисту Марову, медаль за спасение погибающих, который не спас девочку, которую спас я с опасностью для жизни, чему есть свидетели. И если Маров захотел выхвалиться перед начальством, то он поступил не по-товарищески [и очень меня глубоко обидел, так как я всегда относился к нему по совести, хотя он, как известно, по характеру тяжелых свойств человек и помощники с Маровым не могут ездить]. И если в рапорте он утаил, что я бросился под паровоз, вследствие которого получил увечье, плечо болит и лишился поверстных, то прошу допросить жену ремонтного рабочего Павлищева, которая оказалась мать девочки, которую я спас, а несколько не машинист Маров. Сам бог не потерпит, если криводушные люди будут в медалях ходить. Я же мог погибнуть под паровозом вследствие своего стремления туда, как паровоз был в ходу со скоростью восьмидесяти верст и получил ушиб плеча до боли по сей час[, которое ударило бегущим цилиндром и сбило с ног на рельсы, держа ребенка на руках, с опасностью для жизни]. Он [же] оставался на паровозе и соскочил тогда, когда я был под паровозом, вследствие чего поступил крайне недобросовестно, подтвердил свой характер злостный, написал, что это он спас девочку с опасностью для жизни. [Тогда как этого не было, совсем напротив, так как я не помня себя устремился под движущий паровоз и выхватил ребеночка.] Почему прошу не давать Марову никакой медали, за его лживый характер и обман. А также и мне никакой медали не надо за божье дело, а только я не могу допустить неправды[, хоша бы меня уволили от службы]. В чем и удостоверяю покорнейший проситель Хлебопчук».

Пожал плечами Николай Эрастыч, покрутил седой головой и представил начальству донос Сава, надписав на нем.

«Госп. Нач. тяги. В дополнение надписи моей № 47893 от 17/VII, и. ч. представить

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
донесение помощника Хлебопчука на Ваше благоусмотрение».

Начальник тяги, добравшись в ворохе бумаг для доклада до этого донесения, потребовал всю переписку о исхлопотании награды машинисту Марову, уже приготовленную к отсылке в Управление железных дорог, со всеми мнениями и заключениями, прибулавил к этому бумажному богатству новый перл и написал на уголке:

«Г. ревизору VII уч. тяги. Как было дело? Потрудитесь расследовать».

Началось расследование. Ревизор[, выведенный из инерции, повлачил по линии отяжелевшие ноги, лениво волоча их то в вагон, то из вагона] ездил, допрашивал, обливался потом от зноя и писал, писал, писал... В этом месяце он не даром получил свои окладные сто шестьдесят девять рублей с копейками!..

[Писал и Василий Петрович: избесившись до последних степеней на Хлебопчука за упрямое нежелание ездить и за проистекающую оттого необходимость ежедневно скрежетать зубами на помощников, Василий Петрович едва не лопнул от злобы, когда узнал, что Сава валит с большой головы на здоровую и пишет в донесении жалобы на коварство своего машиниста. «Так ты так-то, хохол поганый? Хорошо же!.. Я тебе напою, до новых веников не забудешь!..»

Взял перо и напел, на этот раз без красот стиля, почти без деепричастий.] Писал и Василий Петрович:

«Имею честь донести[, - писал он, после обычного вступления -] господину... и т. д., - что никакой я награды не желал и не просил а напротив того даже отказался от суммы денег в триста рублей которую сумму собрали промежду себя пассажиры скорого поезда, что могут подтвердить бывшая кондукторская бригада и международные спальные лакеи с буфетчиком. Те лакеи присутствовавшие как я отказался от денег подтвердят насколько я был низкий человек как пишет мой бывший помощник Хлебопчук в дерзких и неуместных выражениях, каких я от него не ожидал, как почитал его за честного человека, а он оказался совсем напротив того и меня крайне обманул. О чем и имею честь донести на Ваше усмотрение и распоряжение и покорнейше просить не давать награды Хлебопчуку».

Но, окончив и прочитав новое донесение, показавшееся длинным, так как работа над ним утомила до боли в спине, Василий Петрович усомнился, удалось ли ему напеть: писал как будто долго, а чего-то не хватало!.. [Движимый этим сомнением, он отправился к машинисту Шмулевичу, который в молодости обучался в пансионе и потому был большой мастер составлять донесения.

- Самого дела ты не изложил, понимаешь, - сказал Шмулевич, выпутывая из непроходимого леса своей аароновской бороды проволоку очков, сквозь которые он читал сочинение Марова. - Твой друг Хлебопчук...

- Не друг он мне! - отрекся Василий Петрович глухим, но решительными тоном. - Он низкий обманщик, предатель!..

- Ну, не знаю там, дело ваше, - усмехнулся в густую бороду старик. - Я говорю, понимаешь, что он просит себе медаль на том основании, что это он, понимаешь, а не ты спас малютку...

- Слов нет, это пуцай правда, - чистосердечно подтвердил Маров.

- Ага! Тогда о чем же и хлопотать... Пусть себе достает и носит свою медальку, - сказал Шмулевич, смеясь одними глазами и сохраняя серьезную мину первосвященника-советодателя.

- Ни за что! - воскликнул Василий Петрович. - Как? После всех подлосте[в]й, которые допущены[е] им [су]против меня?! Он ценить не умел, как к нему относится человек!.. Напакостил, ушел от меня, марает в глазах начальства меня! Таких подобных низких обманщиков в тюрьму, а не медали им за их за коварство!.. Нет, уж ты обмозгуй, Исак Маркыч, как бы так изложить, чтобы ни мне, ни ему ничего не вышло!

- Гм?.. Ну, хорошо, давай обмозгуем. Надо оформить так, как будто он и спасал, и не спасал малютку, понимаешь?.. Гм!.. Ну, хорошо. Он, говоришь ты, твердил:

– Да как же! Гусь, говорил, и – кончено дело!.. И как он это сказал, мне в ту пору и самому казаться начало – гусь!.. Вижу, – крыльями машет, бежит вперевалку, ни дать ни взять по-гусиному!.. Ведь вот ты история-то, братец ты мой!.. Точно он глаза отвел мне, околдовал меня!.. Как сказал, так и я сам начал понимать! гусь – и больше ничего..

– Ну, хорошо... Будем идти дальше. Дальше ты увидел бабу и сейчас же сообразил, что баба тут не сдуру, что у ней должно быть какого-нибудь важного дела с поездом, если она припала на землю и руками на поезд машет?..

– Как же не сообразить-то?.. Вижу – рухнула, ползет, крутится... «Господи! Милостивый!.. Мать ведь это, не иначе как!..»

– Ш-ш!.. Постой!.. Ну, хорошо. Теперь, понимаешь, будем идти еще маленько дальше. Вот ты уже хорошо знаешь, что у тебя на дороге гуляет себе гусь, – и едешь спокойно; потом ты соображаешь кое-что и уже не едешь спокойно, а скорее, скорее тормозишь, и поезд – стоп!.. Ни с места! Так я говорю? Так! Ну, хорошо. Теперь еще немножко размышления, и мы у станции. Если бы ты не сообразил кое-что и не остановил поезд, была бы спасена малютка? Ну?..

Шмулевич плотно зажмурил левый глаз, а правый у него плутовски засмеялся; засмеялся и сам он, засмеялась и борода, и все его упитанное, но плотное тело. Василий Петрович быстро поднялся со стула, широко раскрывши на Шмулевича глаза, засиявшие удовольствием.

– Теперь, скажи пожалуйста, кто спасал малютку, хе-хе-хе? – залился жирным смехом старый хитрец.

– Верно!.. То есть вот как верно! – согласился Маров, шагая в радостном волнении гигантскими шагами. – Так и написать!.. Пойду так и напишу!

– Поди так и напиши, – смеялся Шмулевич. – А когда откажут вам обоим в награде, ты должен будешь купить старому жиду Исаку бутылку старого ямайского, с негритьяночкой. Правда?

– Идет!.. Ну, спасибо, Исак Маркыч!.. Побегу скорее, пока голова работает!

[Прибежал домой, засел] Он долго ходил из угла в угол и думал, потом сел за свое донесение и к рассвету дополнил его таким образом:

[«Только ежели Хлебопчук настолько дерзок, позволяя себе неуместные выражения доносить он стоит медали как спасший малютку, то неизвестно. Но это еще вопрос.»] «Вследствие того как увидя промежду рельсов белый предмет, бывший помощник Хлебопчук уверил меня что это гусь и продолжал у котла не обращая больше внимания на предмет. Только ежели бы я поверил ложному и ошибочному его уверению, что гусь произошла бы жертва несчастного случая с малюткой [угодившей под поезд]. Между тем как я приняв меры к быстрой остановке поезда и послал помощника вниз потому как показалась издали женщина, упала и крутилась на косогоре с маханием руками вследствие которых я испугался не человек ли попал не гусь, как уверял Хлебопчук. Вследствие чего имею честь просить ходатайства перед высшим начальством не давать медали и никакого вознаграждения Хлебопчуку, который желая нанести оскорбление позволяя непристойные выражения оказался совсем не таким как я о нем понимал [и меня не только оскорбил даже глубоко огорчил и в жизни расстроил. Считал его достойным человеком между тем как он позволил обмануть мое доверие и написал разные неуместные выражения низкого свойства. Ежели бы он спас тогда не было бы разговору. Спасти легко было когда я остановил поезд и послал его имея обязанности на паровозе, а он ничего не знал и уверял что гусь. Ну а ежели бы я поверил окончательно что гусь и не остановил не смотря на женщину которая махая руками]. Вследствие чего имею честь просить разобрать по справедливости и выяснить правду, которую Хлебопчук изменил и меня обидел. Мне же не надо никакой награды, хо[ша]тя бы медали о чем и имею честь донести машинист Маров».

– Сам черт их не разберет, чего им надо! – ругался бедный Николай Эрастыч, представляя на благоусмотрение и этот рапорт.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Начальник тяги, потратив немало времени на чтение всей этой переписки, махнул рукой на свое ходатайство о награде [за спасение ребенка], от которой упорно отказывались оба спасителя, и все последующие донесения их помечал не читая: «К делу».

«Дело о наезде на человека на 706 версте» располнело на зависть другим своим соседям в синих папках; но полнота его была водяночная и кроме кончины ничего не обещала.

Последним вздохом безнадежно больного дела была последняя бумага, вшитая в папку журналистом и содержащая прошение Хлебопчука об увольнении от службы. Изложив обычную формулу прошения об увольнении «по семейным обстоятельствам», Хлебопчук не преминул присовокупить в конце прошения [страстную мольбу и угрозу:] следующее:

«Убедительнейше прошу высшее начальство не давать медали и никакой награды машинисту первого класса депо Криворотово Василью Марову [покорнейше прошу]. Не стоит такой человек никакого поощрения будучи лживым обманщиком. Причем осмеливаюсь предупредить что в случае если награда Марову будет выда[де]на, я поведу дело судом и ничего не пожалею, хотя мне никакой награды за божье дело не надо в чем и удостоверяю покорнейший проситель Хлебопчук».

А. С. ПИСАРЕВА
СЧАСТЬЕ

Посвящается дорогой А. К. Острогорской

– К Тимофеевой пришли. Кто Тимофеева? – спросила, входя в платную палату № 17, дежурная акушерка*.

* Изменено: спросила дежурная акушерка, входя в платную палату № 17.

– Сюд[ы]а, суд[ы]а! Мы – Тимофеевы, к нам! – ответила, приподнимая голову с подушки, крупная рыжая женщина[, широкоплечая, с большим поднимавшим одеяло животом, точно она не родила вчера, а только должна была родить двойню].
*Лежавшая ближе к дверям молоденькая больная [курсистка-бестужевка], казавшаяся совсем девочкой рядом со своей соседкой, с любопытством посмотрела на дверь. Вошла старая женщина в большом платке и темном подтыканном платье; [за]а с ней [шла, отставая и оглядываясь на первую кровать и на акушерку,] маленькая закутанная девочка. Женщина остановилась в нескольких шагах от кровати; [и] глядя на больную с тем выражением, с каким смотрят на мертвого, [молча] она сморщила лицо и всхлипнула.

* Абзац помечен Чеховым.

– Ну, здравствуй! Чего плачешь-то? Да поди поближе!

– Вот тебе булочек... – почти шепотом, сквозь слезы сказала посетительница.

[– Да куды их? Думаешь, здесь нету? «Полосатка»] Феня в розовом платье и с красным бантиком на шее, с [преобладающим у нее] выражением глупой радости на лице, принесла ширмы и закрыла от молоденькой больной соседней, а с ними и светлое окно, с видневшимся в него голубым осенним небом*.

* Изменено: в которое видно было голубое осеннее небо

Елена Ивановна (в отделении [как-то] не знали ее фамилии, ребенок был незаконнорожденный [и отца его записали в билете для посетителей первой попавшейся фамилией Петров или Иванов]) была одна из самых симпатичных [всем]

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
больных, что редко бывает между платными. Она вела себя «первой ученицей», как выразился о ней молодой доктор-немец, приходивший в палату каждое утро. Это название так и осталось за ней.

Два дня тому назад без криков, почти молча она родила крошечную живую девочку. Было что-то торжественно-радостное, хорошее и достойное уважения в этих молчаливых родах; и это сознавала и акушерка, добродушная маленькая некрасивая женщина, и стоявшие полукругом молоденькие ученицы, и молодой доктор, державший больную за руку и глядевший на нее с какой-то грустной нежностью. Когда же [это молчаливое страданье окончилось] роды окончились, и раздалось сначала точно кряхтенье, а потом тоненький, но живой крик: «Ла-а! Ла-а!», и акушерка виноватым голосом сказала: «Девочка!» (она знала, что Елене Ивановне хотелось мальчика[, и было как-то совестно за эти терпеливые роды не наградить ее так, как ей хотелось]), - все придвинулись к кровати, и у всех было одно желание - сказать больной что-нибудь хорошее [и], ласковое.

- Да неужели конец? - спросила Елена Ивановна слабым радостным голосом; и выражение ее коричневых сиявших радостью глаз и всего лица с нежно разгоревшимися щеками было такое, [точно] как будто она не страдала, а пережила что-то хорошее, к чему хотела бы вернуться. - Мне было совсем не трудно!

Одна из учениц, толстененькая розовая девушка [купеческого типа] со множеством браслетов и с нарядными золотыми часиками поверх халата, не выдержала и расплакалась.

- Милая, милая вы моя, - сказала она, лаская тонкую руку Елены Ивановны.

И после родов больная слушалась доктора, не просила лечь на бок, не беспокоила дежурных звонками, на все вопросы отвечала, что ей хорошо и ничего не нужно. И то, что ей было хорошо, и она действительно не нуждалась не только в лекарствах, но вообще ни в чем [внешнем], чувствовалось без слов при одном взгляде на нее, спокойно лежавшую на спине под белым одеялом, в белой казенной слышком широкой [ей] кофточке, с вытянутыми поверх одеяла тонкими руками без колец и глубокоспокойным, задумчивым и нежным лицом.

Назавтра после родов Елены Ивановны, рано утром, когда «полосатки» еще мыли полы и в коридорах, борясь с дневным полусветом, желтовато-красными пятнами горели лампы, - по лестнице и в коридоре раздалось тяжелое топанье и затем двое огромных мужиков внесли на носилках новую больную; [за ними] потом ученица внесла ребенка. Платных рожениц не кладут по двое, и акушерка долго объясняла Елене Ивановне, что это отступление от правил были вынуждены сделать, так как мест мало, извинялась, убеждала, что лежать вдвоем еще лучше, веселее, а Елена Ивановна терпеливо слушала ее и [после каждого нового убедительного периода] повторяла, что она очень рада и что ей никто не помешает.

Новая больная, Тимофеева, была жена портного[; у нее были вторичные очень трудные роды, и она]. Целый день до прихода мужа она рассказывала Елене Ивановне, как ей дома в с т у п и л о, [«в живот - в поясницу, в живот - в поясницу»,] как было трудно рожать, как один доктор не позволил ей походить, а другой позволил... [и «кабы не он - умереть бы мне и с ребеночком».] До двух часов она только и делала, что поминутно кормила свою крупную крикунью-девочку; а после двух к ней начали приходиться посетители: муж, очень скромный веселый человек, [низко кланявшийся в сторону кровати Елены Ивановны,] и целая толпа родственниц в платочках, с кульками булок и винограду, боявшихся швейцара и не решавшихся садиться на венские стулья; они ходили до самого крайнего срока приема, а вечером, уже после 8 снова пришел муж «на одну минуточку» и тоже принес винограду.

К Елене Ивановне в этот день не пришел никто. И только ученицы, бывшие при ее родах, [и другие, которым о ней рассказывали,] забегали в палату № 17 и подолгу говорили с [Еленой Ивановной] ней. Они заставляли ее всегда все в той же спокойной позе, с задумчивым счастливым лицом, и снова желание сказать что-нибудь ласковое, приятное больной являлось у каждой, с кем говорила Елена Ивановна*.

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

* Изменено: и снова у каждой, о кем только говорила Елена Ивановна, являлось желание сказать что-нибудь ласковое, приятное.

Уже после восьми в палату вошла Поля – ш в е й ц а р к а, полная, важная женщина, получавшая очень много на чай; [и, став в полуоборот к кроватям, небрежно спросила:] – «В [17-ую] семнадцатую палату Петров звонили в телефон, – сказала она, – к кому это?»

Елена Ивановна [()] – она в это время кормила девочку [()] – вспыхнула и [слегка двинув головой к двери, точно этим движением она могла через палаты, коридоры и через весь огромный город, разделявший двух людей, говоривших по телефону, приблизиться к тому человеку,] ответила:

– Это ко мне.

– Спрашивают, как здоровье?

– Скажите, что здорова... и...

Она остановилась, посмотрев на девочку, которая, перестав сосать, вдруг полуоткрыла мутный темный глазок и сердито, точно предостерегая, взглянула на мать, – почти шепотом прибавила:

– Больше ничего.

Так прошел первый день. Сегодня солнце светило особенно радостно и празднично. Елена Ивановна лежала, повернув голову ко входной двери, и невольно слушала разговоры за ширмами.

– Дохтур, милый, говорю я ему, разрешьте мне разочек пройтиться, моченьки моей нету! Нет, говорит, нету такого правила!

– Положить бы тебя рожать, так ты бы узнал!

– Да как же можно! Ну, известно, немец, нехристианская душа. Другой пришел, старенький, тот и дозволил, дай ему бог здоровья!

[– Ишь какую принесла (в добрый час сказать, в худой промолчать) большую, белую!

– А глаза-то черные, в папаньку! У нас ведь и у мужа черные глаза, это у моей природы белые... Кушай, матушка, кушай, динечка!

О чем бы ни говорили женщины, через несколько минут разговор снова попадал на прежнюю колею, и опять жена портного подробно и с какой-то любовью описывала свои роды.] Эти разговоры* не надоедали Елене Ивановне, не раздражали ее, – наоборот, ей была понятна и близка радость этой женщины; [ее негодование против доктора, ее полная жалости любовь к ребенку; ей было понятно все это не только потому, что она сама пережила нечто подобное, а еще и оттого, что] все существо ее было теперь полно какими-то новыми хорошими чувствами, [какой-то] любовью ко всем людям. И [сейчас] она думала о том, как будет она теперь жить с этими новыми прекрасными чувствами? Как сделать, чтобы огромная любовь к ребенку и еще к одному человеку не помешала ей [быть справедливой] относиться [хорошо] [любовно] справедливо ко всем другим людям? [И как согласить переполнявшую ее душу любовь и желание счастья с тем злом, которое существовало и, вероятно, будет существовать и в ней и кругом нее? В детстве она переживала такое состояние после исповеди. Да, есть зло, есть несчастные, больные, забытые люди, есть сильные и слабые,] И как же вообще быть [с этим], когда так хорошо, светло, так небесно-радостно на душе? Елена Ивановна [глубоко вздохнула и] готова была почему-то заплакать, но в это время в маленькой кроватке под белым пологом послышалось кряхтенье, и готовые наvertнуться слезы мгновенно исчезли [куда-то. Елена Ивановна]. Она подняла голову и чутко прислушалась – кряхтенье затихло.

* Изменено. Разговоры эти

За ширмами прощались.

– [Да] Выписывайся поскорее! Дома-то все лучше.

– Да как же можно! Одно слово – дома! Опять и мальчишки у нас, сама знаешь, Гриша в лавку уйдет, они балуются, не работают. Беспременно проситься стану.

– Прощай, Зинушка!

– Прощай, тетушка!

Минут десять и в коридоре и в палате было тихо. Жена портного убаюкивала девочку, Елена Ивановна дремала, закрыв глаза. И вдруг среди этой тишины она уловила звуки, которые [с]охватили ее [за сердце] до боли острым, почти невыносимым чувством счастья: по длинному коридору кто-то шел мягкими медленными шагами. Елена Ивановна приподнялась на кровати, коричневые глаза ее засияли, по худому нежному лицу разлился горячий румянец.

– Палата [№ 17] номер семнадцатый? – спросил тихий голос.

– Самая последняя направо.

В комнату вошел высокий господин в черном длинном сюртуке и в *pinse-nez*, красивый, бледный, с[о странно неподходящими для такого визита] печальными усталыми глазами.

– Сережа! – сказала Елена Ивановна задышающимся голосом. *Она засмеялась, и в то же время глаза ее заблестели от слез[ами]. Она взяла его руку и потянула к себе доверчивым любящим движением, ожидая, что он поцелует ее. [Гость отвел ее руку и опустил на стул.]

* Абзац помечен Чеховым.

– Нет, Лелик, я не могу, тут чужие! – сказал он мягко, [но решительно,] и его печальные глаза без слов попросили у нее извинения за этот отказ. – Ну, что же, как ты себя чувствуешь?

– Сережа, посмотри ее! Ма-аленькая! Посмотри, она там спит. Ах, Сережа, Сережа! Как много надо бы сказать тебе!..

Он подошел к маленькой кроватке, поднял полог и все с тем же печальным выражением долго смотрел на маленькое серьезно-спокойное личико, повязанное белым платочком и от этого казавшееся совсем стареньким. Что думал он – неизвестно! Елена Ивановна с кровати тоже смотрела на ребенка, но ее глаза сияли одной только ясной радостью. Потом он опустил полог и сел на стул около кровати. [Он сидел в позе усталого человека, подперев голову рукой.]

– Что же, Лелик, ты очень страдала?

– Представь, Сережа, не очень, – с оживлением заговорила Елена Ивановна, – я не поверила, когда все кончилось, все время можно было терпеть... И потом все это произошло так быстро!

– Да, разумеется! Рассказы об этих муках преувеличены. Нормальные женщины почти не страдают.

Елена Ивановна посмотрела на него пристальным, слегка потухшим взглядом и опустила глаза. Она много готова была перенести для ребенка и действительно ожидала худшего [чем это было на самом деле], но слова Сергея [задели ее] почему-то не понравились ей.

Помолчали.

– Сережа, а как мы ее назовем? Что ты так смотришь на меня? [– перебила она себя.]

Елена Ивановна была хороша и миловидна в эту минуту; глаза ее, щеки, рот – все горело возбуждением, [точно] какой-то внутренний огонь зажегся за этим лицом и освещал его своим светом. Но он своим мужским взглядом [видел] уже заметил ту перемену, [котор] какую налагают на женщину первые роды: [что-то] молодое, чувственно[е]-задорное исчезло с[о знакомого] ее милого лица, [и] появилось взамен этого [нечто] что-то новое, духовное, что в эту минуту красило лицо, но в то же время и старило его.

Елена Ивановна почувствовала значение этого взгляда.

– Нет, скажи мне, отчего ты так странно посмотрел на меня? – покраснев, повторила она*.

* Изменено: повторяла она покраснев

– Я сказал, что ничего, и оставим это.

Они опять замолчали, но на этот раз в молчанье почувствовалось что-то жесткое, недоброе, точно замолчали они для того, чтобы не сказать друг другу неприятного.

– Что же, скоро домой? – начал он. – Здесь так неприятно, точно в тюрьме. И потом, отчего ты не одна?

– Нет, уверяю тебя, Сережа, здесь хорошо. Так все внимательны, добры, и за нее я спокойна. А соседка мне нисколько не мешает, она такая интересная, типичная!

– Ну, меня бы это страшно стесняло... [на твоём месте. Мне и теперь неприятно.]

– Отчего? Она очень славная, так мучилась, бедная? Ребенок вдвое больше нашей, зовут ее Лелей. А как же мы нашу назовем, Сережа?

– Да не все ли равно?

Елена Ивановна мечтательно посмотрела на маленькую кроватку. Тут, за белым пологом лежало [то] существо, которое пробуждало в ней какие-то новые надежды, новые ожидания; и от этих ожиданий жизнь, начавшая одно время казаться ей изжитой, слишком понятной, состоящей из отдельных мелочей, – опять стала представляться загадочной, цельной, новой – одним словом, такой, какой она всегда кажется в своем начале.

– Ты будешь ее любить, – тихонько сказала она, и нельзя было понять, задавала ли она вопрос или просто мечтала вслух.

– Я вообще люблю детей, – ответил он, – что за несправедливость любить своих детей больше чужих.

Елене Ивановне хотелось сказать, что тогда и любовь к взрослому – несправедливость; [но это возражение замерло в ней;] несколько минут она смотрела на его бледное лицо с усталой прищуренными глазами, стараясь видом этого дорогого лица усмирить протест в своей душе; она знала, что для этого ей нужно было посмотреть на его висок с вьющимися седеющими волосами, почему-то этот висок всегда вызывал в ней особенную любовь и жалость.

– Ты устал, Сережа? – спросила она[, а глаза ее договорили остальное, что пряталось в душе].

– Да... впрочем, я как-то привык к усталости; и больше физической усталости меня тяготит этот недостаток свободы, эта необходимость делать не то, что хочется.

Елена Ивановна подавила вздох и слегка отвернулась.

– В университете опять беспокойно, – заговорил он. – Наше положение самое дурацкое, пока ничего не выяснилось, мы, разумеется, читаем, а уже начинаются

Гимназическое. Стихотворения. Записи в альбомах... Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
враждебные взгляды, свистки...

Елена Ивановна [оторвалась от своих мыслей,] посмотрела на него, стараясь проникнуть в настоящий, не внешний смысл его слов и, точно проснувшись, переспросила:

– Что ты сказал? Ах, да, об университете! Расскажи, пожалуйста, что у вас там?

[И разговор перешел на общие темы.]

Часы в коридоре гулко проббили пять.

– Ну, Лелик, я должен идти, надо пообедать, потом заседание. И завтра я прийти не могу.

Она испуганно смотрела на его протянутую к ней руку, не веря, что он уже прощается.

– Разве нельзя еще немного? – слабым голосом произнесла она.

– Не могу, Лелик, ты же знаешь... – Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом подошел к маленькой кроватке и, подняв полог, опять молча посмотрел на маленькое пушистое личико. И затем так просто, как будто тут не было ничего особенного, он взял шляпу и вышел...

После его ухода Елена Ивановна несколько минут лежала неподвижно. В ее счастливой ясной душе что-то смутилось, точно в спокойную воду пруда бросили камень, и по ней заходили, разбегаясь, волны... [Такие же беспокойные волны задрожали в ней...] Стемнело, в коридоре уже зажгли лампы, а в палате № 17 было полутемно. Жена портного тихонько напевала:

Тебя серенький волчок,

Он ухватит за бочок.

Откуда-то доносился [звонкий] звук перемываемой металлической посуды, сквозь который прорывались голоса и смех. Дневная жизнь в палате и коридоре кончалась, вечерняя еще не началась. А в этом затишье, которое приносят с собою сумерки, всегда сильнее говорят темные мысли...

«Полосатка» Феня внесла лампу и в другой руке поднос с чайниками.

– Чайку вам испить, – сказала она, расплываясь в своей обычной праздничной улыбке.

– Вот, Феня, это отлично, что вы принесли чай, – сказала Елена Ивановна, радуясь свету, от которого мгновенно стало светло и на душе.

– Спит? – спросила Феня[, у которой твердо установился шаблон разговора с матерями].

– Да, Феня, и давно уже, с половины второго, – ответила Елена Ивановна, принимаясь за кружку с молоком[, которую Феня поставила ей на грудь], – я уж соскучилась даже.

– Придеть время – и встанеть, – поддерживала разговор Феня.

– Твоя-то хошь время знает, – заговорила жена портного, говорившая ты всем в палате, начиная с докторов и кончая полосатками, а моей только и дела что [на сиське висеть] сосет... Что, Феня, матушка, чайку-то даешь?

– Сию минутую.

Феня приняла кружку у Елены Ивановны и, налив ей ча[й]ю, ушла за ширмы.

– Што это дохтурши сегодня не было? – спросила у ней Тимофеева.

– В п е р ц и о н н о й были, женщине одной там руку резали.

– Ах ты, страсти! Уж операции эти – беда одна!

– Так что же! Порезут это, а потом и заживет, – объясняла Феня, воспитанная в духе уважения к хирургии.

– Заживет! Моя знакомая одна от операции в сырую землю пошла. Не спите? – обратилась она к Елене Ивановне.

– Нет, нет! *Елена Ивановна протянулась под полотняной свежей охлаждающей простыней и, сознавая снова всю полноту и ясность своего счастья, своего вновь пришедшего в равновесие настроения, приготовилась слушать рассказы Тимофеевой. Не все ли равно, что та станет говорить? Елена Ивановна будет слушать, изредка вставляя вопросы, будет смотреть на белый потолок, на ясный круг [на нем] от лампы, на маленькие кровати под белыми пологам. Может быть, будет слушать, а, может быть, просто помечтает [под монотонные рассказы], и мечты эти будут неопределенные, глупые, детские, вроде того, что у девочки черные глазки[, и, верно, ей пойдет красный капор]...

* Абзац помечен Чеховым.

– А что же у вашей знакомой было? – спросила она.

– Рак.

– Отчего?

– От неприятности. Немцы они; ну, конечно, и приехала к ней сестра гостить из-за границы. Он это и поиграй с ней маленько, а она и увидай в замочную скважину. От этого с ней и случилось. А стали резать, и зарезали до смерти.

– Еще станете? – спросила Феня.

– Нет, видно убирай, больше не стану.

Феня унесла чайники.

– Да, дохтора хоть кого так залечат, – продолжала Тимофеева, зевая. – А вот, кажется, и простое дело от пьянства вылечить, а ведь не могут! Вот и мой-то, как я замуж за ево вышла, два года пил.

– Теперь бросил?

– Бросил. Дохтора ничего ему помочь не могли; а приехал странник один, я и стала его просить, чтобы к нам пришел, уговорил бы е[в]го. Ну, он стал говорить: нехорошо, мол, Гриша, люди вы молодые и должны вы из-за этого друг друга потерять. Стал ему писание читать, в церковь его водить почаще. Говел с ним раза четыре. Ну, потом Гриша и бросил. [Почесть семь лет жил у нас странник этот, обували мы, одевали его на свой счет.]

Тимофеева опять зевнула и продолжала рассказывать о своем первом ребенке, который умер, о мастерской мужа, о том, как в с т у п и л о... Елена Ивановна закрыла глаза и тотчас же задремала. Действительность смешалась со сном. Тимофеева еще говорила, а ей отвечал Сережа.

– Тесно у нас, – говорит Тимофеева. – Тут и мастерская, тут и спальня, такое стеснение!

– Нельзя стеснять свободы, – возражает Сережа.

– Я и не буду стеснять, – говорит уже Елена Ивановна. – Но ведь о н а маленькая, как же ты ей объяснишь?

– Теперь поздно говорить об этом, – говорит Сережа. Елена Ивановна не видит его лица, но чувствует, какое оно должно быть недовольное в эту минуту.

– Спите? – раздается над ней молодой голос, который тотчас же покрывается тоненьким живым криком: «Ла-а! Ла-а!» Елена Ивановна просыпается всем существом, сон мгновенно отлетает. Над ней стоит стриженная молоденькая бледная девушка* в белом переднике [со смешно падающими, как у мужика, волосами]. В руках у нее маленький, аккуратно сделанный сверточек, издающий крики.

* Изменено: девушка, бледная

– Покормите-ка своего птенца, – важно говорит барышня, встряхивая короткими прямыми волосами. *Она следит за тем, как Елена Ивановна взяла девочку, как она, волнуясь, устраивала ее у груди, пока та сердито тыкалась в мягкую грудь, сопя носиком, и когда наконец нежная щечка стала мерно вздуваться и опускаться от сосанья, а Елена Ивановна подняла на дежурную свои сияющие глаза, – та невольно спросила ее:

* Абзац помечен Чеховым.

– Ну, что, хорошо?

– Да.

– А не скучно?

– Нет, нисколько, – почти шепотом ответила ей Елена Ивановна, кося глаза на девочку.

– А то попросили бы разрешение у доктора, я бы вам достала что-нибудь порядочное почитать – «Воскресение», например.

Елена Ивановна представила себе читанный ею роман, и он показался ей теперь таким невыносимо-трогательн[о]ым, прекрасным, что слезы сжали ей горло. Она отрицательно покачала головой [и, сдержавшись, ответила]:

– Нет, спасибо, мне право не скучно.

– Я у вас нынче дежурю. Насытитесь, так позвоните меня.

И дежурная вышла в коридор.

Елена Ивановна осталась одна со своим счастьем. Если бы она не стеснялась выражать свою любовь, [она бы] то глядя на пушистое маленькое личико, с волосатым лобиком и приподнятыми вверх закрытыми глазками, такое нежное, крошечное[, что казалось невероятным то, что она может каждую минуту поцеловать его], – она бы тоже, как соседка, говорила [ей]: «Голубчик мой беленький, желанная моя! Скоро домой поедет, родная. Папа ванночку купит, колясочку!» Но вместо этого бесконечного ряда ласковых [имен] слов она только шепчет: «Дружочек мой...» и не может продолжать, потому что, скажи она еще одно слово – слезы хлынут у нее из глаз неудержимым потоком. Она замолкает, и только сияющие коричневые глаза говорят о всей ее любви и нежности. Елена Ивановна смотрит на плавно поднимающуюся и опускающуюся щечку, это мерное движение убаюкивает ее, и через несколько минут она дремлет, прислонясь щекой к маленькой черной головке. Одна рука ее обхватила маленькое тельце, другая лежит на одеяле. На белой подушке резко выделяются темные волнистые волосы, нежное лицо и темная тень ресниц. Лицо ее спокойно и счастливо, дыхание мерно и ровно.

Жизнь – несправедливая, беспощадная, платящая за месяцы счастья годами серых дней и не[сча]настья, – забыта, и только прекрасное, как рассвет нового дня, настоящее грезится ей.

[Да и не в том ли счастье, чтобы обманываться и не знать будущего?..]

Чехов А. П.

Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том восемнадцатый. Гимназическое, стихотворения, записи в альбомах, ДУВІА, коллективное, редактированное – М.: Наука,

1988.

Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А.М.Горького.

Тираж 400 000 экз.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Академии наук

СССР.

Редакционная коллегия: Н.Ф.Бельчиков (главный редактор), Д.Д.Благой, Г.А.Бялый, А.С.Мясников, Л.Д.Опульская (зам. главного редактора), А.И.Ревякин, М.Б.Храпченко.

Текст подготовили и примечания составили: Н.И.Гитович, М.П.Громов, Л.М.Долотова, А.С.Мелкова, Л.Д.Опульская, З.С.Паперный, Н.А.Подорольский, Э.А.Полоцкая, Н.А.Роскина, М.А.Соколова, А.П.Толстяков, А.П.Чудаков. Редактор восемнадцатого тома Л.Д.Опульская.

Редактор издательства М.Б.Покровская. Оформление художника И.С.Клейнарда. Художественный редактор С.А.Литвак. Технический редактор Л.Н.Золотухина. Корректоры В.Г.Петрова, Е.Л.Сысоева, Е.В.Шевченко.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!